

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени А. С. ПУШКИНА

ВЕСТНИК

**Ленинградского государственного университета
имени А.С. Пушкина**

Научный журнал

№ 3

Том 4. История

Санкт-Петербург
2011

**Вестник
Ленинградского государственного университета
имени А.С. Пушкина**

Научный журнал

**№ 3 (Том 4) 2011
История
Основан в 2006 году**

Учредитель Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина

Редакционная коллегия:

В. Н. Скворцов, доктор экономических наук, профессор (главный редактор);
Л. М. Кобрин, доктор педагогических наук, доцент (зам. гл. редактора);
Н. В. Поздеева, кандидат географических наук, доцент (отв. секретарь);
Л. Л. Букин, кандидат экономических наук, доцент;
Т. В. Мальцева, доктор филологических наук, профессор;
Г. П. Чепуренко, доктор педагогических наук, профессор

Редакционный совет:

Е. А. Бочков, доктор исторических наук, профессор;
В. А. Вереминко, доктор исторических наук, доцент (отв. ред.);
Н. Д. Козлов, доктор исторических наук, профессор;
В. О. Левашко, кандидат исторических наук, доцент;
Г. Л. Соболев, доктор исторических наук, профессор;
А. М. Судариков, доктор исторических наук, доцент;
М. И. Фролов, доктор исторических наук, профессор

Журнал входит в Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук, определенный Высшей аттестационной комиссией Министерства образования и науки Российской Федерации

Свидетельство о регистрации: **ПИ № ФС77-39790**
Подписной индекс Роспечати: **36224**

Адрес редакции:

196605, Россия, Санкт-Петербург,
г. Пушкин, Петербургское шоссе, д.10
тел. / факс: (812) 476-90-34
<http://www.lengu.ru>

© Ленинградский государственный
университет (ЛГУ)
имени А. С. Пушкина, 2011

Содержание

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

Е. Б. Толмачева

Отражение идей позитивизма и эволюционизма
в этнографической фотографии..... 7

И. А. Тропов

Проблемы состояния и функционирования местных
органов власти в России в 1918 г.
(по материалам журнала «Власть Советов»)..... 15

И. В. Самойлова

«Устранена казёнщина и проявлен максимум самодеятельности»:
инструкции и импровизации в циркулярах агитпропотделов
Новгородской губернии (1921–1925 гг.)..... 24

П. А. Васильев

Историография наркотизма в раннесоветской России:
обзор и критика 35

ЛИЧНОСТЬ В ИСТОРИИ

Е. В. Костина

Деятельность великого князя Константина Павловича
по организации и реформированию российской армии
(1801–1814 гг.)..... 43

П. Д. Николаенко

Сотрудничество министра внутренних дел России
В. П. Кочубея и М. М. Сперанского в 1802–1807 гг. 52

А. Ю. Пиджаков, В. А. Хороших

Педагогическая и научная деятельность Н. А. Рынина
до Первой мировой войны 61

ИСТОРИЯ НАУКИ И ТЕХНИКИ

И. А. Мартюшев

О деятельности Коми отделения мер и весов по упорядочению
измерительного хозяйства Коми АССР в довоенное время 75

Н. В. Ершов

Обеспечение первого полета человека в космос:
другая сторона событий..... 85

КАЗУС В ИСТОРИИ

В. Л. Амчиславский

Дело о крещении Геймана Янковича и особенности рекрутских
наборов в еврейских общинах в царствование Николая I..... 94

ИСТОРИЧЕСКОЕ РЕГИОНОВЕДЕНИЕ

О. А. Яковлева

Роль Российского Дальнего Востока в евроазиатской политике
во второй половине XIX – начале XX в. 102

А. А. Голубев

Экономическое обоснование важности для развития
региона железной дороги Санкт-Петербург – Петрозаводск
в исследованиях комиссии Л. К. Чермака 112

ФИЛОСОФИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ИСТОРИИ

Т. Н. Бессонова

Воспитание гражданственности: институциональный подход 121

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ РОССИИ

С. Г. Шустов

Подготовка реформы 1861 г. в горнозаводских вотчинах Урала.... 131

В. А. Вереминко

Организация акушерской помощи дворянкам в России
во второй половине XIX – начале XX в. 138

В. Н. Заколотная

Государство и общество в деле организации
социальной помощи детям-сиротам в Петербурге и губернии
во второй половине XIX – начале XX в. 145

А. В. Гусев

Исторические аспекты создания местной системы
защиты населения и объектов от воздушного
и химического нападения в СССР 151

Г. М. Сачава

Деятельность постоянных комиссий
Горьковского – Нижегородского областного
Совета народных депутатов в 1985–1991 гг. 157

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Л. Н. Семёнова

Митрофанов К.Г., Шаповал В.В. Как правильно писать реферат
и эссе по истории 168

Сведения об авторах 171

Contents

HISTORIOGRAPHY AND SOURCE STUDY

E. B. Tolmacheva

Reflection of the ideas of positivism and evolutionism
in ethnographic photography 7

I. A. Tropov

Problems of the state and functioning of local government
in Russia in 1918 (according to the magazine "Soviet Power") 15

I. V. Samoylova

«Bureaucratic approach have been eradicated and the maximum
of self-determination have been shown»: instructions
and improvisation in Novgorod province 'agitpropotdels'
directives (1921–1925) 24

P. A. Vasilyev

Historiography of Drug Addiction in Early Soviet Russia:
Survey and Critique 35

PERSON IN HISTORY

E. V. Kostina

Activity of grand duke Konstantin Pavlovich on the organisation
and reforming of the Russian army (1801–1814) 43

P. D. Nikolaenko

Cooperation of the Minister of Internal Affairs of Russia
V.P. Kochubey and M.M. Speransky in 1802–1807 52

A. U. Pidzhakov, V. A. Choroshich

Pedagogical and scientific activity of N. A. Rynin until World War I 61

HISTORY OF SCIENCE AND TECHNOLOGY

I. A. Martyushev

On the activities of the Komi Branch of Measurements
and Weights aimed at streamlining of measuring base
in Komi ASSR during pre-war time 75

N. V. Ershov

The guarantee of the first manned space flight: other side of events.. 85

THE CASE IN HISTORY

V. L. Amchislavsky

The case of the baptism of Gaiman Yankovich and particularities
of recruitment in Jewish communities during the reign of Nicholas I... 94

HISTORICAL REGION STUDY

O. A. Jakovleva

The role of the Russian Far East in Eurasian politics
in second half XIX – early XX centuries 102

A. A. Golubev

The economic foundation of the St. Petersburg – Petrozavodsk
railway line importance for the region development
in L.K. Chermak's works 112

PHILOSOPHY AND METHODOLOGY OF HISTORY

T. N. Bessonova

Upbringing of civic consciousness: An Institutional Approach 121

RUSSIAN HISTORY PAGES

S. G. Shustov

Preparation of the reform of 1861 in the mining
and metallurgical votchinas of the Urals 131

V. A. Veremenko

The organization of obstetric help to noblewomen in Russia
in the second half of XIX – early XX centuries 138

V. N. Zakolodnaja

State and society in the organization of social help to orphans
in St. Petersburg and the province during the second half
of XIX - early XX centuries 145

A. V. Gusev

Historical aspects of creation of local system of the population and
objects protection from the air and chemical attack in the USSR..... 151

G. M. Sachava

The activity of the constant commissions of the region council
of People's Deputies in Gorki-Nizhniy Novgorod in 1985–1991 157

REVIEWS AND SUMMARIES

L. N. Semyonova

Mitrofanov K.G., Shapoval V.V. How to write an abstract
and an essay on the history correctly 168

About authors 171

Отражение идей позитивизма и эволюционизма в этнографической фотографии

В статье акцентируется внимание на проявлении черт, существовавших во второй половине XIX в. научных теорий и художественных течений в этнографической фотографии. Делается вывод о необходимости крайне осторожного обращения с такими документами, как исторические источники.

The article draws attention to the manifestation of traits of scientific theories and artistic currents that existed in ethnographic photography in the second half of XIX century. Author makes the conclusion about the necessity of very careful handling with this kind of documents as historical sources.

Ключевые слова: позитивизм, эволюционизм, этнография, фотография, студийная съемка, фотостиль, стереотипы.

Key words: positivism, evolutionism, ethnography, photography, studio photography, photo style, stereotypes.

Как известно, фотографию, созданную для задач гуманитарных наук, в состав которых входит и этнография, нельзя изучать вне того исторического контекста, в котором она появилась. Представляя особый инструмент фиксации культуры, она подвержена влиянию различных факторов, которые формируют её содержание. Изучение обстоятельств, создающих сюжет источника, является немаловажным для установления информативной ценности документа. Среди множества таких внешних данных особо можно выделить научные теории и художественные течения, отражающиеся особым образом в фотоизображении и действующие на её последующее прочтение и понимание у зрителя.

Позитивизм – восприятие любого знания как объективного, исключительно истинного, не имеющего других трактовок и понимания. Эволюционизм в качестве одного из направлений в рамках позитивизма соответствовал развитию научной мысли второй половины XIX в. как предельно общий закон формирования природы и общества, которые развиваются однолинейно, поступательно путём ветвления, от однообразия к многообразию. Его началом в этногра-

* Толмачева Екатерина Борисовна, соискатель МАЭ РАН.

фии считаются работы Л. Моргана и А. Фергюссона. Сторонники данного направления предполагали существование универсального закона общественного развития, заключающегося в эволюции культуры от низших форм к высшим, от дикости к цивилизации и т. д. Главная идея эволюционистов заключалась в убеждении о полном тождестве исторических путей разных народов. Историю эволюционисты рассматривали как сумму независимых эволюций единичных элементов культуры и социальной структуры.

Фотография как новый инструмент фиксации окружающего мира стала развиваться именно в период преобладания в науке позитивистской теории и идей эволюционизма. Эти научные направления сильно повлияли на содержание и прочтение раннего этнографического визуального источника. Почти на всём протяжении XIX в. фотографию не считали искусством, а лишь техническим методом регистрации действительности. Она принималась без критики, как отражение реальности, фиксация того единственно возможного факта в определённый момент времени. Фотоизображение казалось достовернее, чем письменные источники, где автор описывал своё видение и представление о культуре неким набором слов, которые не всегда могут адекватно передать имеющиеся реалии другой культуры.

В отличие от эволюционизма последующие теории, пришедшие в этнографию, так ярко не отразились в её визуальной составляющей. Интересно и то, что понимание фотографии в позитивистском ключе можно встретить до сих пор, несмотря на то что развитие науки и научных направлений уже ушло далеко вперёд, и невозможность объективного знания не вызывает сомнений.

Одной из сильных и привлекательных сторон механического фотоизображения была способность создавать тиражированные образы с максимально точной передачей объекта, чего не удавалось достичь в других видах изобразительного искусства. [6, р.1; 5, с. 10; 2, с. 31; 4, с. 8]. Таким образом, общество избавилось от легенд о несуществующих явлениях, и создало новые вымыслы – репрезентирующие. Для ранней фотографии материал с изображением того или иного народа или культуры воспринимался как документальный, а не как художественное авторское произведение.

Фотография XIX в., восприняв от позитивистов тезис о непреходящей достоверности механической фиксации, вписалась в теорию эволюционизма и социального дарвинизма, ярко отразив разные уровни развития культуры в качестве подтверждения идей о поэтапном развитии общества [9, с. 242–243].

Технические разработки предоставили большие возможности для учёных, занимавшихся наукой в кабинетах. Для знакомства с далёкими культурами они получали информацию не только из лите-

ратуры, но также из обширной корреспонденции с мест. Такими корреспондентами становились как учёные-исследователи, так и просто путешественники, миссионеры, сотрудники различных фирм и администраций, работавшие за границей. Среди присылаемой корреспонденции в большом количестве встречались фотографии, которые создавались специально для показа, просвещения, знакомства с культурами, отличающимися в развитии от цивилизации Запада. [10, р. 44]. Фотографию начали широко применять в образовательных целях, используя в качестве визуального пособия для репрезентации культур.

Всю фотографию, имеющую этнографический сюжет, характерный для позитивизма, можно разделить на студийную и натурную (полевую). Если более точно определить сюжет материалов второй половины XIX в., то не всегда возможно назвать их в прямом смысле этнографическим. Большая часть фотоданных создавалась не специалистами в области этнографии, а профессиональными фотографами, что было естественно для того времени. Умение обращаться с фототехникой требовало значительных навыков подготовки и опыта. Однако фотоспециалист до конца не мог проникнуть в задачи этнографической науки, и в создании материала в большей мере стремился к художественному эффекту, чем к достоверной передаче реалий, не понимая того, что полученные данные необходимы для изучения культуры и быта, и создания аттрактивного изображения для этого недостаточно.

Первые материалы, имеющие этнографическое содержание, изготавливались в фотоателье, связано это было с несовершенством и сложностью техники, которая требовалась для проведения съёмок. Создание этнографического материала в студиях практиковалось до начала XX в. Это особенный вид фотографии, так как специфика студийной фотосъёмки была очень близка к технике изобразительного искусства. Фотографы долго пользовались работками и способами изображения моделей, характерных для живописи. Именно студийная фотография становится основным поставщиком стереотипов, которые впоследствии перешли и на полевую фотографию у непрофессиональных этнографов. Студийная фотография являлась не отображением реально существующей культуры, а только представлением о ней у фотографа. Для этого периода характерно обобщение национального образа в одной фотографии, также как эволюционное направление пыталось объединить явления культуры в некие общие конструкты, поэтому различия на детали были не столь важны, как единства, сближающие факты. Однако не одна максимально приближенная к реальной обстановке фотография, не может отразить настоящую культуру, оставаясь вырванной из контекста. Студийная съёмка могла создать только ан-

тураж в оформлении съёмочного помещения, намекающий на культурный контекст. Модели, вырванные из привычного окружения, выглядели неестественными, не всегда вписываясь в искусственно созданное окружение. Фотоматериалы, изготавливавшиеся в студиях, довольно часто представляли фальсифицированные факты. Это было вызвано не только желанием создать более красивые, яркие, экзотичные материалы, но также и тем, что нередко автор был незнаком с изображаемой культурой. У фотографируемого в руках появлялись несвойственные для его культуры предметы, на человека надевали одежду другого народа, костюм мог состояться из деталей, не объединённых в традиции. Иногда одна и та же модель использовалась для репрезентации разных национальных образов. Представителей различных племён нередко изображали в качестве единой группы родственников и т.д.

Если остановиться на характеристике особенностей студийной этнографической съёмки, то она заключалась в следующем:

1. Одна фотография представляла один сюжет, чаще всего не создавалось серий, так, чтобы одно изображение раскрывало или дополняло содержание другого.

2. Изображение и подпись давали некое общее представление о народе с его национальными особенностями, внешним видом и родом занятий, поэтому предпочитали зафиксировать человека с символами культуры, чтобы предлагаемый образ прочитывался ярче [11, р. 35; 10, р. 49, 54]. На фотографиях представал не человек с личным именем, возрастом, местом происхождения, а некий общий представитель народа под названием индеец, папуас, великоросс, и таким образом предполагалось, что все представители этого конкретного народа выглядят именно так, как изображённый человек на фотографии. Подписи к фотоматериалам подчёркивали и дополняли все эти особенности. Были характерны названия обобщающего содержания, например: «Типичный абориген», «Аборигенная красавица», «Воин» и «Аборигенный способ огнедобычи», или «Женщина Сайгона», «Русский мужик», «Индийский (африканский) вождь» [7, р. 11; 14, р. 14].

3. Чтобы подобные материалы были наиболее показательными и привлекательными, фотографы прибегали к созданию фотографии, приближенной к канонам изобразительного искусства, ориентируясь на классические образцы. Авторы старались сфотографировать человека не просто в национальной одежде, модель должна была повторить стиль, знакомый многим из изобразительного искусства. Также создавались многообъектные композиции, нередко разыгрывающие различные сцены. Например, если хотели показать татуировку на теле, то фотографировали двоих человек во взаимодействии, но при этом один изображался больше лицом к

зрителю, другой спиной. В сцене охоты модель на фотографии стоит с натянутым луком или изображалась группа аборигенов, готовых метнуть копья.

4. Существовали аллегории, понятные для определённой культуры, позволяющие прочесть изображение и сразу же понять род занятий изображённого, уровень его развития, образования, место происхождения. В таком случае даже не требовался комментарий автора в виде специальной подписи. Фотографируемого окружали культурными предметами, рисовали задний фон, намекающий на ту обстановку, в которой живёт изображенный человек. Так, рыбаки изображались у воды, охотники с оружием, женщины с детьми и корзинами, даже если постановочная сцена не представляла ловлю рыбы или охоту, весь антураж рассказывал значительно больше для зрителя, прочитываясь на заднем плане. Интересная особенность студийных задников и в том, что они имели дополнительный смысл для христианской Европы. Так, изображение арки ассоциировалось со входом в ад и рай, водопад олицетворял всемирный потоп, дерево – жертвенность, мельница – страшный суд и т. д. [3, с. 153].

Несмотря на то что полевые условия диктовали иные правила работы, материалы получались с той же идейной составляющей, что и студийная фотография. Теории эволюционизма могли отражаться в них как специально, когда материал создавался с целью показать высокий или низкий уровень развития, так и случайно, когда подсознательно срабатывало стремление фотографа отразить аспекты культуры в том или ином ракурсе. Такой материал становился хорошим пропагандным источником в колониальной политике. В связи с тем, что первые методики полевой этнографической работы появились только в конце XIX в., и до этого не практиковалось проживание исследователя в изучаемом обществе, путешественники подолгу не задерживались в изучаемом районе, и взгляд их на общество был очень поверхностным и отстранённым. Это приводило к тому, что фиксировались только внешние проявления культуры, и представление о народе получалось однобоким. Однако в отличие от студийной фотографии здесь не требовалось построения сюжета, приближенного к образцам классического искусства. В этом случае внимание привлекалось за счёт большего реализма, а также попадания на фотографию одновременно множества сюжетов, помимо главной, фиксируемой темы. К тому же у автора было значительно больше разнообразия для выбора фиксируемых данных. Таким образом, в ещё большей мере укреплялись стереотипы, так как материалы, снятые в естественном окружении, выглядели достовернее, чем постановочные картинки, полученные в студиях. Здесь присутствовал задний план, который более чётко локализо-

вал снимаемую культуру и создавал новые атрибуты и возможности для репрезентации.

Важной особенностью материала на протяжении всего рассматриваемого периода являлась статичность поз снимаемых объектов. Это было связано с невозможностью техники фиксировать движение в силу слабой светочувствительности фотоматериалов и длительности выдержки. Постепенно эта особенность становится характерной деталью фотостилия, помогающей придать изображениям художественность, в доказательство того, что фотография может претендовать на свою нишу среди изобразительных искусств. Однако этот же факт мешал созданию научной фотографии, уводя дальше от основной задачи этнографического фотоисточника – достоверной репрезентации различных культурных особенностей.

В целом для фотографии, несущей в себе позитивистские и эволюционистские идеи, был характерен набор правил съёмки, вне зависимости от того, где проводилась работа, и таким образом, появились определённые группы стереотипов, характерные для представления той или иной культуры. Например, сформировавшиеся критерии для типологизации образов, требовали изображать индейцев равнин с томагавками, одеялами и типии, а индейцев Боливии с пончо, одеялами и шляпами и др. [11, р. 35; 10, с. 49, 54; 13, с. 46].

Существовали особые приёмы, чтобы показать поэтапное, эволюционное развитие народа, общества от дикости к варварству и далее. Нередко необходимые идеи закладывались в изображение за счёт построения сюжета съёмки. Как маркеры примитивности использовались элементы материальной культуры, быта или национальные танцы, жесты, позы, обряды. [7, р. 9]. Часто материалы строились на конструировании бинарной оппозиции между белым и аборигеном, на дихотомии, такой как дикость/цивилизация, хаос/порядок, голый/одетый, тёмный/светлый [8, с. 49]. Резкий контраст и легко читаемый подтекст возникают при изображении обнажённых смуглых аборигенов рядом с одетым в светлую одежду белым человеком. Разница усиливается и за счёт роста, туземец обычно выглядел как ребёнок на фоне европейца.

Часто темой съёмки становились особенности, неприемлемые для «цивилизованного» мира, которые прочитывались как внутренняя дикость: татуировка или скарификация, различные вставки в нос, губу и т.д. Наличие нескольких жён (мужей) тоже нонсенс для религиозной Европы. Чтобы показать превосходство христианства над язычеством, рядом с группой или семьёй христианизированных аборигенов в чистой, обычно белой одежде европейского покроя, в ногах сажали голого язычника. Облачение тела аборигена в европейские стандарты выглядело как важная задача в «цивилизации» других культур [12, с. 51].

При изображении народов, преодолевших период «дикости» и создавших классовое общество, способы показать отличия от «цивилизованных» европейцев были несколько иными. Так, среди материалов по Средней Азии, Ближнему Востоку, Индии, Китаю часто встречаются фотографии рабов в цепях, казни с перерезанием горла, отрубленные головы, гаремы, рынки и торговцы, традиционные промыслы и т. д.

Некоторые образы стали настолько иконографичными, что они с большой частотой повторялись среди фотоматериалов из различных регионов, созданных разными авторами. Интересно, что некоторым видам фотографий даже давали названия по образцу первых подобных изображений. Наборы стандартных изобразительных форм помогали прочесть послание фотографии определённым образом, без дополнительных пояснений. Они функционировали по набору знаков, которые нередко утрачивали связь с реальными целями и стали симуляциями, которые заранее известны публике со всеми их возможностями прочтения и преподносимой информации [1, с. 266].

В качестве примера стереотипизации изображений можно привести наиболее характерные для этнографической фотографии женские образы XIX в. Нередко встречается изображение молодой женщины, несущей большой конический сосуд для воды на плече, на голове, подмышкой или в руках. Чрезвычайно популярный сюжет не только повторял ряд классических композиций, но и мог показать как татуировку подмышек, так и создать эротическую композицию, представляющую обнажённую по пояс женщину.

Одним из основных был образ женщины-матери. Чаще всего он связывался с религиозной традицией изображения Мадонны. Однако для разных культур этот образ несколько варьировался. Очень характерно изображение аборигенной женщины с ребёнком на руках, причём именно в тех позах, как изображалась Мария с Иисусом, сидящим на коленях, боком или анфас, ребёнок, поднятый на руках, младенец, сосущий грудь и т. д. Также очень распространённый фотосюжет – различные способы национального ношения детей: на боку, за спиной, на груди и т. д.

Подводя итог всему вышесказанному, необходимо отметить, что описанные материалы представляют значительную часть очень многих специализированных коллекций, хранящихся в архивных и музейных собраниях. Подобные изображения довольно часто привлекаются к исследованиям в качестве источников для науки и нередко они рассматриваются без критики, так как уже имеют на себе гриф этнографической фотографии. Однако анализ материала может показать, что такие фотоданные не должны служить целям этнографии, в силу того, что их содержание не соответствует требованиям, предъявляемым на сегодняшний день к научному ис-

точнику. Связаны подобные ошибки с тем, что в силу обширности и объёма данных исследователи обращались к их теоретическому изучению довольно редко, и поэтому не разработаны особые критерии для определения достоверности и информативности различных видов фотоисточника. Отсутствие чётких правил изучения фотоданных в свою очередь приводит к тому, что изображения, на первый взгляд имеющие этнографически ценный материал, в реальности представляют собой художественное произведение, которое ни в коем случае не может стать научным источником, а должно лишь оцениваться с точки зрения эстетики. Во многом это утверждение справедливо именно для изображений, создававшихся в эпоху распространения позитивизма в науке, так как ещё не был осознан тот факт, что нельзя достоверно передать окружающий мир в силу того, что каждый человек видит и понимает его по-своему.

Список литературы

1. Бодрийяр Ж. Симуляция и симулякры // Совр. лит. теория. – М., 2004. – С. 258–270.
2. Дудин С. Фотография в этнографических поездках // Казанск. музейный вестн. – Казань, 1921. – № 1–2. – С. 31–51.
3. Нуркова В.В. Зеркало с памятью. Феномен фотографии. – М., 2006. – 386 с.
4. Руйс А. Диспут длиной в тысячелетие // Импакт: наука и общество. Фотография на грани искусства и науки. – 1993. – № 4. – С. 5–12.
5. Тихонов Н.П. Фотография в полевой работе. – Л., 1932. – 136 с.
6. Collier J. jr. Visual Anthropology: Photography as a research method. – N.-Y., 1967. – XV. – 140 p.
7. Edwards E. Introduction // Anthropology and Photography 1860–1920. – London. 1997. 3-17.
8. Geary Ch. M. Missionary Photography: Private and Public Readings // African Arts. Vol. 24. No. 4. – 1991. – P. 48–59, 98–100.
9. Harper D. Framing photographic ethnography. A case study // Ethnography. – London, 2003. Vol 4(2). – P. 241–266.
10. Poignant R. Surveying the Field of View: The Making of the RAJ Photographic Collection // Anthropology and Photography 1860-1920. – London. 1997. – P. 42–73.
11. Scherer J. The Photographic Document: Photographs as Primary Data in Anthropological Enquiry // Anthropology and Photography 1860–1920. – London, 1997. – P. 32–41.
12. Webb V.-L. Photographs of Papua New Guinea: American Expedition 1928-1929 // The Journal of Pacific Arts Association. № 11–12. July 1995. – P. 72–82.
13. Wright C. An Unsuitable Man: The Photographs of Captain Francis R. Barton // The Journal of Pacific Arts Association. № 15-16/ July, 1997. – P. 42–60.
14. Yee J. Recycling the «Colonial Harem»? Women in Postcards from French Indochina. French Cultural Studies 2004; 15; 5. – P. 5–19.

**Проблемы состояния и функционирования
местных органов власти в России в 1918 г.
(по материалам журнала «Власть Советов»)**

В статье рассматривается отражение на страницах журнала «Власть Советов» основных проблем деятельности местных органов Советского государства в 1918 г. Дана характеристика публикуемых на страницах данного журнала материалов, рассмотрены взаимоотношения местных органов власти с населением, а также с вышестоящими правительственными органами. Показана роль журнала «Власть Советов» как важного и ценного исторического источника по истории системы государственной власти и управления в Советской России в 1918 г.

The article deals with the reflection of the main problems of local government of the Soviet state in 1918 on pages of the magazine "Soviet power". Author gives the characteristics of the published materials, examines the relationship of local authorities with the public, as well as with higher-level government agencies. The role of the magazine "Soviet Power" is shown as an important and valuable historical source on the history of state power and control in Soviet Russia in 1918.

Ключевые слова: волость, уезд, губерния, Совет, исполком Совета, земства, городские думы, Народный комиссариат внутренних дел (НКВД), инструктор НКВД, продовольственный вопрос, социальные конфликты, инструкции, отчеты, доклады.

Key words: volost, district, province, Soviet, executive committee of Soviet, azemstvo, municipal dumas, the People's Commissariat of Internal Affairs (NKVD), the instructor of People's Commissariat of Internal Affairs (NKVD), the food supply, social conflict, instructions, reports, presentations.

Структура советских органов в нашей стране впервые была законодательно закреплена в Конституции РСФСР, принятой V Всероссийским съездом Советов 10 июля 1918 г. Высшим органом государственной власти провозглашался Всероссийский съезд Советов, а в период между съездами – Всероссийский центральный исполнительный комитет (ВЦИК). В губерниях, уездах и волостях в качестве высших органов власти назывались съезды Советов соответствующего уровня, а в перерыве между съездами – избиравшиеся на них исполкомы. На низовом уровне – в деревнях и городах –

* **Тропов Игорь Анатольевич**, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории и политологии, Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения.

местными органами власти являлись сельские и городские Советы и их исполкомы.

Для историка интерес представляет не столько формально-юридический аспект, нашедший свое отражение в нормах Конституции РСФСР, сколько реальное положение вещей. Наглядное представление об особенностях функционирования местных органов власти, об основных проблемах в их взаимоотношениях как внутри системы управления, так и во взаимоотношениях с населением, дают материалы, опубликованные в журнале «Власть Советов» в 1918 г.

Первые пять номеров издаваемого НКВД журнала за 1918 г. выходили под заголовком «Вестник Отдела местного управления Комиссариата внутренних дел». С № 6 по № 24 журнал назывался «Вестник Комиссариата внутренних дел», далее утвердилось название «Власть Советов».

В первом номере еженедельника за 1918 г. в качестве основной цели издания указывалось на необходимость «укрепления связи с местными органами управления – советами». Далее Отдел местного управления НКВД приводил достаточно широкий перечень разделов издаваемого журнала: 1) руководящие указания и циркулярные распоряжения НКВД по различным вопросам местного управления; 2) обзор законодательной деятельности Совета Народных Комиссаров (СНК) по вопросам местного управления; 3) общие сведения о деятельности советов различных уровней; 4) поступающие от советских органов вопросы и ответы на них Комиссариата внутренних дел; 5) справочные сведения; 6) жизнь провинции [3, № 1, с. 1].

Все эти разделы представляют большой интерес с точки зрения рассматриваемого нами вопроса. Декреты Совнаркома и распоряжения НКВД позволяют выявить, каким образом высшие и центральные органы большевистской власти стремились выстроить систему государственного управления на местах, какие они ставили задачи перед ней, какие усматривали проблемы в ее функционировании и, наконец, какие пути решения возникающих проблем предлагали. Свои взгляды на эти вопросы на страницах еженедельника излагали крупные государственные и политические деятели – нарком внутренних дел РСФСР Г.И. Петровский (1878–1958), его заместитель, руководитель Отдела местного управления НКВД А.П. Смирнов (1877–1938), комиссар Отдела местного управления, член коллегии ВЧК М.И. Лацис (Я. Судрабс) (1888–1938) и др.

Другие разделы журнала содержат важные, порой уникальные сведения о характере устройства и функционирования местных органов власти, о возникавших конфликтах и спорах, и в целом позволяют в определенной мере судить о том, насколько местные

инициативы совпадали с идущими «сверху» директивами. Мы говорим «в определенной мере», потому что далеко не всегда провинциальная хроника отличалась полнотой и аргументированностью поступавшей информации. Порой сведения предельно кратки, даже скудны. Так например, в № 3 за 1918 г. содержалась информация о сильных позициях «партии Керенского» в Холмском уезде Псковской губернии. При этом указывалось, что местный «Военно-революционный комитет принимает должные меры» [3, № 3, с. 8]. Однако в чем проявлялась «сила» эсеров и какие «должные меры» предпринимал ВРК, остается неизвестным. В другом номере было опубликовано сообщение из Павловского уезда Воронежской губернии о проходившем 11 февраля 1918 г. уездном крестьянском съезде, который признал власть Советов «единственной властью». Работа съезда, по-видимому, не была простой. Но по вопросу о противодействии работе делегатов нам трудно составить сколько-нибудь ясное представление по лаконичной фразе: «Были попытки срыва Съезда, но это не удалось. Красная гвардия – опора» [2, № 9, с. 14].

К сожалению, не всегда имеется возможность определить, кто являлся корреспондентами еженедельника. По-видимому, как и в других случаях, авторами публикаций были рядовые работники-практики, а также советские руководители различных уровней, от волостного до губернского [7, с. 151]. Судя по известной шаблонности и однотипности информации, публикуемой в соответствующих разделах еженедельника, можно утверждать, что на местах существовали типовые вопросники, которых и надлежало придерживаться. (Об этом, в частности, свидетельствует создание информационно-справочного бюро на IV Всероссийском съезде Советов в Москве, выработавшем специальную анкету для делегатов съезда) [2, № 11, с. 10]. Так, раздел «Провинциальная хроника» практически всегда начинался с констатации того, в чьих руках находится власть: «Саратовская губ. Власть в руках Совета. Состав Саратовского Совета (800 чел.), почти весь большевистский. Все учреждения в руках Совета» [3, № 3, с. 8], «Трубачевск, Орлов[ская] губ. Власть в руках Совета Раб[очих], Солд[атских] и Кр[естьянских] Деп[утатов]. Работа Совета распространяется и на несколько волостей» [2, № 7, с. 12]. Далее особое внимание обращалось на состояние продовольственного обеспечения граждан: «Новгород. В Новгородской губернии во всех уездах и волостях созданы Советы. Земства и Городские Самоуправления давно все упразднены. Продовольственный вопрос в настоящее время обостряется. На этой почве в Крестцах было выступление, спровоцированное против Совета. Из Новгорода был выслан отряд. Сейчас все спокойно, власть Советов крепнет» [2, № 9, с. 13].

Рассмотрим, на какие вопросы организации и деятельности местной власти обращалось особое внимание со стороны правительства.

В первом же номере еженедельника за 1918 г. было помещено обращение наркома Г.И. Петровского «Ко всем Советам рабочих, солдатских, крестьянских и батрацких депутатов» [3, № 1, с. 2]. В нем особо подчеркивалось, что Советы «должны подчинить себе все учреждения, как административного, так хозяйственного, финансового и культурно-просветительного значения... Все прежние органы местного управления, областные, губернские и уездные комиссары, Комитеты общественных организаций, правления и проч. должны быть заменены соответственно областными, губернскими, уездными, районными и волостными Советами Рабочих, Солдатских, Крестьянских и Батрацких депутатов».

Данный документ был выдержан в духе распространенных тогда идей «государства-коммуны» с характерной для них ставкой на децентрализацию и широкое развитие самоуправления. В обращении НКВД, в частности, утверждалось, что каждая из советских «организаций, вплоть до самой мелкой, вполне автономна в вопросах местного характера, но сообразует свою деятельность с общими декретами и постановлениями центральной власти и с постановлениями тех более крупных советских организаций, в состав которых она входит. Таким путем создается связный, во всех своих частях однородный организм – республика Советов». В связи с этим институт назначаемых сверху комиссаров должен был, по мнению Г.И. Петровского, исчезнуть, уступив место уездным и волостным комиссарам, которые «должны избираться соответственно губернскими или уездными Советами без всякого утверждения их центральной властью».

Обращение НКВД любопытно еще и потому, что в нем достаточно четко отразилась актуальная для первых послеоктябрьских месяцев проблема укрепления советской власти на местах. Советы существовали еще далеко не повсеместно, более того, распространенной была ситуация, при которой наиболее сильные Советы действовали не в прежних уездных и губернских центрах, а в других, экономически более развитых городах. Например, в одном из номеров журнала сообщалось о переносе губернского центра из Тобольска в Тюмень. «Такое преобразование вызывается местными условиями, так как Тюмень является центром Тобольской губернии, в силу своего экономического положения» [2, № 9, с. 15]. Очевидно, что претендовавшие на власть большевики были заинтересованы в перекройке административно-территориального деления страны: «Теперь, когда органами местного управления становятся Советы, совершенно ясно, что и административные центры должны пере-

меститься в те города, Советы которых более крупны, более деятельны и влиятельны, т. е. в города с развитой промышленной и торговой жизнью».

Идея полновластия Советов неизбежно ставила вопрос об их взаимоотношениях с земствами и городскими думами. На поступавшие с мест вопросы о том, имеют ли право Советы распускать старые органы самоуправления, еженедельник давал предельно четкий ответ: «Да, имеют, если они противодействуют советской власти. Больше того, Советы обязаны их распускать в подобных случаях, ибо никакого двоевластия на местах быть не должно» [3, № 2, с. 7]. Вскоре на страницах журнала появилась развернутая статья В. Трутовского «Единообразии муниципальной работы» [2, № 7, с. 7–8]. В ней автор указывал, что «единственно прогрессивным» решением будет «замена широких бесформенных «демократических» организаций, классово-социалистическими организациями трудящихся *без участия буржуазии в управлении*». Выступая категорически против разрушения аппарата земских и городских управ, В. Трутовский указывал на необходимость подчинить эти аппараты новым органам: «Управа, поскольку она признает власть Советов, может продолжать свою прежнюю работу, но ответственной она становится перед Советами трудящихся».

Судя по сообщениям с мест, в большинстве случаев земства и городские думы подчинялись Советам. «Ликвидируются земства и думы» [3, № 3, с. 8], – такое лаконичное сообщение пришло, например, из Тверской губернии в начале 1918 г. Но существовали и примеры другого рода. Так, из Владимирской губернии сообщалось, что в городе Гороховец сложились крайне обостренные отношения между местным Советом и городской думой, по словам корреспондента, «не признающей власть Советов и состоящей из сторонников соглашательских партий правых эсеров и меньшевиков, защитников Учредительного Собрания» (события происходили в конце февраля – начале марта 1918 г.). Тут же, правда, выясняется, что дело вовсе не в симпатиях думцев разогнанной большевиками Учредилке, а в остром недостатке хлеба в городе и в уезде. Гороховецкий Совет, взяв в свои руки решение продовольственного вопроса, очевидно, не справился с этой задачей. Тогда гласные городской думы направили «закупщиков» в Уфимскую губернию и сумели раздобыть там хлеб. Перед Гороховецким Советом возникли сразу две проблемы: во-первых, городская дума наглядно продемонстрировала свое умение решать хозяйственные проблемы лучше, чем это делает официальная власть, а, во-вторых, советских работников никак не могла устроить перспектива кормить всех, включая «классово чуждые» элементы. Выход был найден насколько простой, настолько же и распространенный в рассматриваемую эпоху. Весь добытый

думой хлеб был «задержан», ну а сама дума, конечно же, получила ярлык «соглашательской» и «контрреволюционной». Любопытно, что, реквизируя хлеб, Совет панически боялся голодных народных масс («На почве угрозы голода агитация гор[одской] думы представляет известную опасность...») и буквально взывал центральные власти о помощи: «Совет нуждается в вооруженной поддержке и в опытных агитаторах для укрепления Советской власти» [2, № 9, с. 15].

Взаимоотношения Советов с местным населением – особая, интересная и весьма актуальная тема, также нашедшая отражение на страницах рассматриваемого журнала. Излишне останавливаться на том, как этот вопрос трактовался в советской историографии. Отметим лишь, что только совсем недавно стали появляться научные работы, анализирующие эти взаимоотношения во всей их многогранности и противоречивости [9; 5]. Материалы еженедельника несомненно предоставляют дополнительные возможности для реконструкции сложной палитры этих взаимоотношений.

Сильное недовольство Советом высказывало, в частности, население Зубцовского уезда Тверской губернии [2, № 10, с. 13]. В одной точке соединились ощущение безысходности от надвигающегося голода и раздражение политикой совдепа: «Крестьяне, в принципе стоящие за советскую власть и голосовавшие при выборе за большевиков, открыто говорят, что если и дальше будет в совете до 100 человек, получающих месячные оклады жалования, то это может подействовать настолько отрицательно к самой идеи советской власти, что большинство пойдет против советов; тем более, какие бы обложения совет ни вводил все равно денежный источник должен, в конце концов, иссякнуть, а от обложения капиталистов крестьяне пользы никакой не увидят, ибо все, что получается от обложения, расходуется на жалованье членам совета». На почве нехватки продовольствия возникали случаи вооруженных выступлений народа против Советов. В журнале сообщается, в частности, о подавлении выступлений трудящихся в Крестцах Новгородской губернии [2, № 9, с. 13], в дер. Раково Зубцовского уезда Тверской губернии [2, № 10, с. 13].

Нормальному функционированию органов государственной власти на местах мешала не только неурегулированность продовольственного вопроса и возникавшие на этой почве социальные конфликты. Достаточно пестро выглядела организационная структура Советов. Несмотря на то что еще 9 января 1918 г. НКВД был выработан примерный перечень функциональных отделов

(комиссариатов) для органов новой власти [4]¹, на деле, как справедливо отмечают некоторые современные исследователи, существовал разноречивой «и в количестве, и в функциональной направленности структуры советских органов управления» [8, с. 21].

Проблемы в организационном строительстве Советов находили свое проявление и в их практической деятельности – временами в организации всевозможных местечковых «совнаркомов» и «республик» (подобно существовавшей в феврале – июле 1918 г. «Калужской советской республике»), но чаще – Советы как будто бы признавали распоряжения центральной власти, даже старательно и сравнительно четко рапортовали «наверх» о выполнении всех указаний, но реальное положение вещей было иным. Вообще-то о массовом характере «липовых» отчетов с мест в НКВД были прекрасно осведомлены. По крайней мере в одном из летних номеров за 1918 г. читаем буквально следующее: «Почти во всех (! – И.Т.) докладах с мест... все предоставляется в розовом виде... На местах думают, когда в центре будут считать, что у нас все обстоит благополучно, что результаты работы налицо, то просимые у центра кредиты на нужды губернии или уезда, охотнее будут отпущены, по причине, что они, дескать, расходуются с наибольшей пользой». Дальше столичное начальство прямо давало понять, что в его распоряжении имеется надежный инструмент проверки – «доклады от командированных из центра товарищей-инструкторов, контролеров, организаторов, агитаторов и пр.». До «оргвыводов» и репрессий в ту пору дело еще не доходило, просто НКВД с сожалением констатировал, что «получается противоречие, в одном и том же месте положение по одному сообщению обстоит благополучно, а по другому очень плачевно» [1, № 26, с. 17].

Большую ценность представляют материалы еженедельника, наглядно иллюстрирующие, какие ситуации могли складываться на местах в условиях, по сути полной бесконтрольности советских органов как «сверху», так и «снизу». В одном из номеров журнала был опубликован доклад «инструктора-ревизора» НКВД В. Кефалиди, обследовавшего Рязанскую и Тамбовскую губернии. Центральное место в докладе уделено критике того, что автор назвал «самостийностью» советских отделов, то есть фактического неподчинения отдела не только местному исполкому, но и вообще законам. В. Кефалиди сообщил, что в Тамбове «военный комиссар Саянов, будучи не подчинен Исполкому, получил самостийно 2 миллиона рублей для организации покупки лошадей для армии», после чего благополучно... «скрылся на аэроплане»! «Если бы этот Саянов, –

¹ Соответствующий циркуляр был опубликован в № 15 «Вестника Комиссариата внутренних дел» за 1918 г.

резюмирует составитель доклада, – был подчинен исполкому, я больше чем уверен, что он 2 миллиона бы не получил, так как Исполкому известно, что для мобилизации лошадей существует закон о военно-конской повинности» [1, № 26, с. 24].

В докладе другого должностного лица из НКВД сообщались факты допущенных Владимирским губисполкомом нарушений. Среди них выделялись наличие «классово чуждых» элементов в структуре местной власти. Например, указывалось, что инструкторами при отделе управления губсовета состояли бывший священник и бывший преподаватель местной духовной семинарии, а общей канцелярией отдела заведовал бывший руководитель канцелярии губернатора. Много нареканий вызвала у проверяющих и работа местной губчека: «Отдел по борьбе с контрреволюцией находится в хаотическом состоянии; нет строгого и точного учета арестованных и заключенных в тюрьму... на некоторых арестованных нет никаких документов, переписки и пр. Описи отобранных у арестованных предметов также ведутся невнимательно. Иногда нет описей на отобранное. Многие из арестованных в качестве заложников не являются представителями крупной буржуазии или крупного чиновничества, не принадлежат ни к какой политической партии, и не пользуются особой известностью в городе, или популярностью в общественных кругах; а обычные рядовые обыватели, трусливые, из которых некоторые имеют к тому же преклонный возраст (за 60), серьезную болезнь или большую семью. При всем этом серьезных улик в делах отдела также нет» [1, № 26, с. 25].

Наконец, встречались Советы, существующие по сути лишь на бумаге. Они не только не имели сколько-нибудь серьезного влияния на массы, но и попросту бездействовали [6, с. 38]. Вот что указал инструктор-ревизор НКВД некто Берг после проверки деятельности Боровского уездного исполкома Калужской губернии: «Здесь положение поистине печальное. Делопроизводство во всех отделах поставлено из рук вон плохо. На вопрос, почему же такой хаос, отвечают “нет инструкций”» [1, № 27, с. 21]. Такие факты были далеко не единичными.

Таким образом, еженедельник «Власть Советов» за 1918 г. содержал исключительно богатые и разнообразные материалы, позволяющие охарактеризовать проблемы состояния и функционирования местных органов советской власти как в свете их взаимоотношений с местным населением, так и с правительственными структурами. Это позволяет говорить о данном журнале как исключительно важном историческом источнике по истории системы государственной власти и управления в Советской России в 1918 г.

Список литературы

1. Власть Советов. 1918.
2. Вестник Комиссариата внутренних дел. 1918.
3. Вестник Отдела местного управления Комиссариата внутренних дел. 1918.
4. Известия ВЦИК. – 1918. – 17 янв.
5. Селин В.А. Первый год диктатуры партии коммунистов в Нижегородской губернии // Общество и власть. Российская провинция. 1917 – середина 1930-х годов. Т. 1 / сост. А.А. Кулаков и др. – М., 2002.
6. Тропов И.А. Особенности функционирования советской системы в России в 1917–1920 годы // Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А.И. Герцена: научн. журн. – 2009. – № 93.
7. Тропов И.А. Проблемы организации и деятельности местной власти в России в 1920-е гг. (по материалам журн. «Советская волость») // Герценовские чт. 2008. «Актуальные проблемы социальных наук»: сб. науч. и учеб.-метод. тр. / отв. ред. В.В. Барабанов; сост. А.Б. Николаев. – СПб., 2009.
8. Чистиков А.Н. Партийно-государственная бюрократия Северо-Запада Советской России 1920-х годов. – СПб., 2007.
9. Яров С.В. Источники по истории политического протеста в Советской России в 1918–1923 гг. – СПб., 2001.

*И. В. Самойлова**

«Устранена казёнщина и проявлен максимум самодеятельности»: инструкции и импровизации в циркулярах агитпропотделов Новгородской губернии (1921–1925 гг.)

В статье анализируется методика работы исследователя с документами советской эпохи, рассматриваются цепи одновременных документов по определённой проблематике в рамках одного региона. Это позволяет выявить механизмы трансформации информации, оценить степень и способы адаптации системы идеологического воздействия РКП(б) к местным условиям.

The article deals with the application of the Soviet epoch documents processing method that consists in examination of synchronous documents hierarchic sequences issued in the same region. This technique enable us to reveal data transformation mechanisms and makes it possible to estimate the RKP (b) ideological pressure system adaptation to local conditions.

Ключевые слова: идеологическое воздействие, РКП(б), пропаганда, праздник, агиткампания, методика.

Key words: method, ideological pressure, agitation, propaganda, RKP (B), celebration.

Изучение идеологического воздействия на население в период перехода от жёстко регулируемой государством экономики к рыночным отношениям было и остаётся одним из основных направлений в современной науке. Ряд учёных от частного вопроса о политическом протесте через исследование политической психологии приходят к проблеме более широкой: конформизации населения [7]. На такой историографический поворот повлияли политическая ситуация в стране, осмысление источниковой базы самими исследователями, опыт зарубежных коллег. Данные работы выполнены в рамках социальной истории с привлечением методик так называемого «лингвистического поворота», который предполагает изучение языка общения власти и общества, интериоризации идеологических понятий.

Комплексное изучение источников о конформизации населения предполагает использование особой методики изучения и сопоставления разнообразных источников. Согласно предлагаемой нами ме-

* **Самойлова Ирина Васильевна**, кандидат исторических наук, доцент кафедры социально-культурного сервиса и туризма, Новгородский филиал Санкт-Петербургского государственного университета сервиса и экономики.

тодике на первом этапе исследования необходимо проследить трансформацию основных идеологем внутри партийной системы. Таким образом, исследователь может проследить генезис, развитие, модификацию содержания идеологем, тезисов, степень импровизации агитатора в выступлении или тексте. Второй этап применения методики позволяет оценить отклики крестьян на агитационные мероприятия партии, степень конформизации масс.

В данном исследовании мы продемонстрируем применение первого этапа предлагаемой методики. Она предполагает рассмотрение партийных и советских документов разного уровня (от АПО ЦК РКП(б) до волостных комитетов партии), касающихся одного мероприятия, выявление прототекста на каждом уровне, фиксацию и анализ изменений аргументации. Одной из задач данного исследования является выявление изменений, привнесённых в инструкции каждой из инстанций – от ЦК РКП(б) до агитатора – и анализ путей, приёмов и механизмов такой трансформации, что позволит оценить степень адаптивности и выявить способы приспособления системы идеологического воздействия к местным условиям, определить соотношение догм и данных импровизаций на каждом уровне прохождения инструкций.

Инструкции в виде циркуляров, телеграмм и собственно инструкций рассылались Агитпропотделом ЦК РКП(б) по всей стране. Такие циркуляры могли быть адресованы губкомам и обкомам РКП(б), укомам, собственно ячейкам, городским или деревенским. Естественно, что не все документы доходили до волкомов (волостных комитетов РКП(б)), в частности, это касается секретных материалов. В рассматриваемый период директивы Агитпропотдела Северо-Западного бюро ЦК РКП(б) во многом повторяли циркуляры ЦК, развивали их и давали более детальные инструкции. Агитпропотдел Севзапбюро ЦК РКП(б) занимался методическими разработками для подведомственной территории и действовал параллельно с ЦК, во многом дополняя циркуляры последнего. Особенно активно он начал действовать с 1923 г.

Для выявления цепи трансформаций следует взять несколько одновременных документов по одной проблематике. В данном исследовании рассмотрены три циркуляра: секретный ЦК РКП(б) [1. Оп. 1. Д. 716. Л. 15], Новгородского губернского комитета РКП(б) [1. Оп. 1. Д. 727. Л. 114] и Крестецкого уездного комитета РКП(б) [3. Оп. 1. Д. 109. Л. 183–184], относящиеся к маю-июню 1921 г. Все они затрагивают антирелигиозную тематику, которая являлась частью пропаганды нового советского образа жизни. В данной работе не предусматривается рассмотрение сущности антирелигиозной пропаганды, так как это является узкоспециальной проблемой, но документы привлекаются именно для анализа модификации схем воздействия.

Обратимся к анализу циркуляра ЦК РКП(б), выпущенного под грифом «совершенно секретно», касающегося изменений в принципах организации антирелигиозной агитации. Он составлен в виде тезисного плана из 10 пунктов. В преамбуле ставится цель: «проводить политику соглашения между пролетариатом и крестьянством» [1. Оп. 1. Д. 716. Л. 15]. Напомнив, что «надобность в острой борьбе отпала», составитель делает довольно необычный для агитационных материалов данного периода вывод, требуя «вдумчиво проводить всякого рода мероприятия, касающиеся религиозного мировоззрения широких крестьянских масс» [1. Оп. 1. Д. 716. Л. 15]. Далее приводятся рекомендации по работе с верующими, систематизированные по конфессиональному признаку на группы, поддерживающие официальные церкви, и сектантов. Духовенство (понятие дано без указания конфессии, возможно, православное) не рекомендуется направлять на тяжёлые работы только на основании принадлежности к данной социальной группе. Секты, раскольнические и протестантские, не ограничивались в хозяйственной деятельности, если не выступали против советской власти. (Исключение из этого правила составляли монастыри, не указанные в данном документе). При этом сектам предполагалось оказать особое внимание со стороны власти, заключавшееся в данном документе в абстрактном «изучении». Политической деятельности, выражавшейся в устройстве съездов, рекомендовалось не допускать, особенно ограничивалась деятельность некоторых из религиозных обществ, устраивавших лекции и организовавших школы (Американское общество молодых людей и Северный Христианский союз молодёжи). В целом циркуляр более касался административных мер, направленных на противодействие влиянию религиозных объединений на беспартийных крестьян и рабочих, тем не менее, он содержал и принципы, в соответствии с которыми должна проводиться агитация. Не останавливаясь на анализе религиозной и антирелигиозной политики Советского государства, мы постараемся выявить аргументы данного документа в другом, лишённом секретности, циркуляре.

Циркуляр Новгородского губкома также оформлен в виде тезисов, правда, здесь их меньше. Преамбула является компиляцией рассмотренного выше документа и решений X съезда РКП(б). Не повторяя дословно фраз первого документа, автор второго из документов, тем не менее, близко к тексту излагает секретный документ, перерабатывая и дополняя его. «Переживаемый момент» превращается в «данный момент», «пролетариат и крестьянство» в «пролетариат города и крестьянство деревни». При этом «соглашение» между рабочими и крестьянами, по мнению составителя-толкователя, должно проявляться «не только в экономической об-

ласти, но и в целом ряде других» [1. Оп. 1. Д. 727. Л. 114]. И так, обычная экономическая аргументация «смычки города и деревни», пропущенная в предыдущем документе, появляется в циркуляре губкома, что указывает на существование определённых речевых штампов и оборотов аргументации в среде партийных агитаторов. «Вдумчивое» отношение к проведению «мероприятий, которые затрагивают религиозное мировоззрение крестьянских масс», осталось, составитель близко к тексту передал секретный циркуляр.

В рассматриваемом циркуляре интерпретатор опустил то, что «надобность в острой борьбе отпала» [1. Оп. 1. Д. 716. Л. 15]. Наоборот, он подчёркивал, что «борьба с делом религии» «отнюдь не ослабла» [1. Оп. 1. Д. 727. Л. 114], делая поправку: «сообразовывая меры в духе новой политики».

В значительной своей части циркуляр Новгубкома представляет собой компиляцию секретного циркуляра ЦК РКП(б) и радиogramмы ЦК РКП(б) [1. Оп. 1. Д. 716. Л. 9], посвящённых антирелигиозной пропаганде и пресечению исполнения церковных обрядов членами партии. В этом циркуляре Новгубкома, однако, разграничена религиозная политика в отношении членов партии и беспартийных, чего не было в циркуляре ЦК РКП(б). Внимание составитель акцентировал на агитаторах, которым запрещалось участвовать в религиозных мероприятиях в противовес беспартийным массам. Рекомендовалось также «не позволять себе каких-нибудь вандалов [*так в тексте – И.С.*]» [1. Оп. 1. Д. 727. Л. 114] в отношении почитаемых верующими святынь, что, по мнению составителя циркуляра, могло привести к обострению отношений между партией и крестьянством. Составитель губернского документа по-своему конкретизировал принципы, изложенные в секретном циркуляре ЦК РКП(б), например, предлагал обращать внимание общества на поступки духовных лиц, «расходящиеся с их учением».

Итак, данная часть циркуляра губкома совершенно расходится с циркуляром ЦК РКП(б). В ней не только расшифровывается методически содержание новой политики в отношении религии (не слишком, впрочем, отличающееся от приёмов, использовавшихся в предыдущий период), но и по-иному расставлены акценты. Объектом здесь выступает не духовенство, а т.н. «беспартийные массы».

Сектам также посвящена отдельная часть циркуляра Новгубкома. Более жёстко, чем в секретном циркуляре ЦК РКП(б), трактовалось появление новых сект, «которые желали бы овладеть умами верующих» [1. Оп. 1. Д. 727. Л. 114], подчёркивалась необходимость установить надзор не за деятельностью сект вообще, а за «новоприбывшими», новыми членами религиозных объединений. Особое внимание уделено разъяснению пункта о сектах и их хозяйственной деятельности. Объединив два тезиса в одном, составитель цирку-

ляра Новгубкома дал и более конкретные инструкции своим подчинённым, и свободу для их толкования, так как не указал ни одного названия религиозных организаций, что позволяло более жёстко, нежели в центральном секретном циркуляре, контролировать деятельность таких организаций. Это было обусловлено и местными условиями (отсутствием в губернии отделений Американского союза религиозной молодёжи, например), и приёмами репрессивного контроля, не утраченными со времён «военного коммунизма», и стилем работы самого агитатора. Пересказав циркуляр ЦК РКП(б), агитатор по-иному расставил акценты, серьёзно изменив его содержание.

Циркуляр Новгубкома предназначался для ознакомления широкой партийной общественности в уездах, но был составлен на основе секретного документа, доступного для ознакомления только членам бюро Новгубкома. Создаётся впечатление, что единственным секретным пунктом для составителя было примечание о неприменении к духовным лицам наказания в виде тяжёлых работ.

В данной работе необходимо рассмотреть ещё один циркуляр. Этот документ составлен заведующим агитпропотделом Крестецкого укома и посвящён партийной работе в летний период [З. Оп. 1. Д. 109. Л. 183]. Его преамбула не отличается от аналогичных циркуляров первой половины 1921 г., в том числе и уже рассмотренных нами. Провозглашение «сближения города с деревней» [З. Оп. 1. Д. 109. Л. 183] на фоне стандартных для агитации того времени объяснений зависимости развития промышленности от поднятия сельского хозяйства указывает на то, что агитатору (предположительно, заведующему агитационно-пропагандистским отделом Крестецкого укома Алексееву) была хорошо известна аргументация данной проблемы. Перечисляя необходимый круг чтения коммунистов [З. Оп. 1. Д. 109. Л. 183], он призывал рядовых членов партии к проведению возможно более частых (с учётом полевых работ) собраний, что, как считал составитель циркуляра, должно поднять авторитет партии.

Довольно неожиданно инструкции о проведении партийного просвещения прерываются пассажем об антирелигиозной пропаганде. После этого автор вновь обратился к вопросам организации работы волостных коллективов в летний период, в частности бюрократическому её оформлению. Этот довольно пространственный, но выпадающий из контекста отрывок выполнен в стилистике автора, но с привнесением большего количества идеологических выражений по сравнению с другими частями текста. Очевидно, составителю необходимо было включить в составляемый по плану документ отрывок из циркуляра Новгородского губкома [1. Оп. 1. Д. 727. Л. 114]. Выясняется, что борьба с религиозными организациями оставалась «боевой задачей партии» [З. Оп. 1. Д. 109. Л. 183]. Борьба с рели-

гией, «мощным оружием попов», предполагалось при помощи «просвещения широких масс». Последнее не противоречит рассмотренным ранее циркулярам, но прямо из их содержания не следует. Автор документа, однако, передал инструкции губкома в крайне идеологизированной манере. Риторика в стиле «военного коммунизма» вместе с тем не учитывала принципы, сложившиеся в период нэпа. Далее следовали предложения об использовании устной и письменной агитации и такого редкого для сельской местности метода, как субботник. Как уже упоминалось, в следующей части документа речь шла, как и в первой, об организации партийной работы летом.

Итак, рассмотрев цепочку документов, относившихся к 1921 г., можно сделать вывод о том, что при прохождении через различные партийные структуры внутри иерархии инструкции трансформировались не столько с учётом местных особенностей, сколько в соответствии со вкусами и привычками местных агитаторов. При этом отмечается замедление усвоения и новой риторики, и содержания новой экономической политики, в частности, новых веяний, нюансов в политике партии вообще.

Проследить практики работы агитаторов и трансформацию системы воздействия можно и на примере материалов, посвящённых празднованию 6-й годовщины Октябрьской революции (октябрь 1923 г.). Более подробно на проблеме формирования праздничной обрядности остановился М. Рольф в своей монографии «Советские массовые праздники» [4], кампанейский характер системы идеологического воздействия осветила С.Б. Ульянова в исследовании «"То на скаку, то на боку". Массовые хозяйственно-политические кампании в петроградской/ленинградской промышленности в 1921–1928 гг.» [5, с. 90–110]. Документы по данной проблематике представлены в фонде Новгородского губкома РКП(б) и Валдайского укома РКП(б). Это циркуляр Новгубкома РКП(б) от 29 октября 1923 г. [1. Оп. 1. Д. 1677. Л. 14], план празднования 6-й годовщины Октябрьской революции, разработанный губернской комиссией при Новгубкоме РКП(б) [2. Оп. 1. Д. 199. Л. 20–25], протокол заседания Валдайской уездной комиссии по проведению 6-й годовщины Октябрьской революции [1. Оп. 1. Д. 1689. Л. 89–99], наказ агитпропотдела Валдайского укома к волостным ячейкам РКП(б), членам волисполкомов и культурным работникам деревни [1. Оп. 1. Д. 1689. Л. 8–8 об.]. В данном случае циркуляр ЦК РКП(б) отсутствует, но представляется возможность проследить деятельность губернских и уездных партийных комиссий, сравнить их между собой.

В 1923 г. распространилась практика создания комиссий по проведению ключевых кампаний (продналоговой, выборной, праздничных) [6]. Рассмотрим план празднования 6-й годовщины Ок-

тябрьской революции в Новгородской губернии и г. Новгороде, разработанный губернской комиссией при губкоме РКП(б) [2. Оп. 1. Д. 199. Л. 20–24]. Агитаторы губернской комиссии предлагали организовать в уездах свои комиссии по организации праздника и в соответствии с лозунгом о «смычке города и деревни» обратить особое внимание на пропагандистские мероприятия в сельской местности, особенно в избах-читальнях и сельских школах. Агитаторам и представителям шефской ячейки предлагалось заранее приехать в намеченную волость для проведения «вечеров воспоминаний» [2. Оп. 1. Д. 199. Л. 20]. Напротив, в город должны были посылаться крестьянские делегации. Данные принципы, заложенные в план празднования, дополнялись требованием к волостным комитетам составить собственный план проведения праздника, «проявить максимальную самостоятельность» [2. Оп. 1. Д. 199. Л. 21], которая, по мнению составителей документа, должна была помочь «устранить обычную казёнщину» [2. Оп. 1. Д. 199. Л. 21].

В данном документе оговаривалось и содержание докладов, дополнявшееся довольно подробными указаниями о том, как следовало расставить акценты в выступлениях. Проблему международного положения (на протяжении 1923 г. для агитаторов наиболее актуальным был вопрос о предполагавшейся революции в Германии) следовало изображать так: «...Коснуться вопроса нашего внутреннего и особенно международного положения, перспективах революции в Германии и нашего отношения к надвигающимся событиям решающего значения для судеб международного революционного движения... Отметить, между прочим, ... то, что судьбы крестьянства тесно связаны с судьбами рабочего класса» [2. Оп. 1. Д. 199. Л. 21]. Перечислим вопросы, которые должен был затронуть уездный и волостной агитатор: «смычка города и деревни», ножницы цен, международное положение (Германская революция), мощь воздухофлоту.

Обратимся к изучению протоколов заседаний уездных комиссий по проведению 6-й годовщины Октябрьской революции [2. Оп. 1. Д. 199. Л. 20–24]. Сравнение плана празднования 6-й годовщины Октябрьской революции в Новгородской губернии и г. Новгороде, разработанный губернской комиссией при губкоме РКП(б) [2. Оп. 1. Д. 199. Л. 20–24] и протокола заседания аналогичной комиссии при Валдайском уезде [1. Оп. 1. Д. 1689. Л. 89–99] показывает степень самостоятельности принятия решений в уездах по сравнению с губернией в 1923 г.

Комиссия по проведению 6-й годовщины Октябрьской революции Валдайского уезда РКП(б) 24 октября 1923 г. предложила провести беспартийные крестьянские конференции [1. Оп. 1. Д. 1689. Л. 89]. Отметим, что на октябрь агитпропотделом Новгородского губ-

кома РКП(б) была запланирована (не проведена в срок) кампания по освещению международного положения и милиционного строительства армии [2. Оп. 1. Д. 185. Л. 36–37], поэтому повестка конференций была расширена по сравнению с планом проведения 6-й годовщины Октябрьской революции, составленным комиссией при губкоме РКП(б). На данное обстоятельство указывали и члены Валдайской уездной комиссии [1. Оп. 1. Д. 1689. Л. 89].

Перечень тем докладов, предложенный Валдайской уездной комиссией для проведения крестьянских беспартийных конференций в Валдайском уезде, включал освещение международного и внутреннего положения, доклады о едином сельхозналоге и воздухофлоте, о праздновании Октябрьской революции [1. Оп. 1. Д. 1689. Л. 89] и милиционном строительстве [2. Оп. 1. Д. 199. Л. 20–24] (последнюю тему следовало осветить в ходе предыдущей кампании) [2. Оп. 1. Д. 185. Л. 36].

Более детально уездной комиссией был разработан план работы с детскими учреждениями и избами-читальнями, лишь намеченной в плане проведения 6-й годовщины Октябрьской революции комиссией при губкоме РКП(б): оговорена организация усиленного питания учащихся, подарки детским домам, разработка планов проведения праздника в школах [1. Оп. 1. Д. 1689. Л. 91]. Перечисление методов воздействия на крестьянство дополнялось инструкцией «добиться того, чтобы праздник был внешне и организованно отмечен самими крестьянами» [1. Оп. 1. Д. 1689. Л. 91]. Для этого предлагалось организовать «из самих же крестьян» и культпросветработников комиссии по проведению торжества. Следует отметить, что данная формулировка, в целом повторявшая инструкции губернской комиссии, отмеченные нами ранее, конкретизировала их. Любопытно, что объяснение необходимости таких объединений фактически являлось цитатой из плана проведения 6-й годовщины Октябрьской революции комиссии при губкоме РКП(б) [1. Оп. 1. Д. 1689. Л. 97]: «Составить СВОЙ СОБСТВЕННЫЙ (так в тексте – И.С.) план празднования. Этим будет устранена казёнщина и проявлена максимум САМОДЕЯТЕЛЬНОСТИ [орфография подлинника и выделение сохранены – И.С.]» [1. Оп. 1. Д. 1689. Л. 97].

Валдайская уездная комиссия особое внимание уделяла приобретению прессы для изб-читален (газет «Беднота», «Звезда», «Известия», журналов «Безбожник», «Новая деревня» [1. Оп. 1. Д. 1689. Л. 98]), что являлось отголоском ежегодной подписной кампании. Упоминание здесь темы подписки свидетельствует о небольшой эффективности кампании, стремлении уездных агитаторов успеть провести несколько мероприятий в период праздников. Собственной инициативой Валдайской уездной комиссии по проведе-

нию 6-й годовщины Октябрьской революции является требование пополнить районные волостные избы-читальни 10–15 экземплярами книг [1. Оп. 1. Д. 1689. Л. 98], что не предусмотрено планом проведения 6-й годовщины Октябрьской революции, составленным комиссией при губкоме РКП(б).

В целом Валдайская уездная комиссия по проведению праздничных торжеств повторяла инструкции соответствующей комиссии при губкоме о принципах организации кампании, внося незначительные дополнения в перечень докладов, а также конкретизируя методы и формы работы с крестьянством. Это объясняется недостатком квалифицированных кадров и запаздыванием в проведении запланированных кампаний, а также финансовыми возможностями уездных властей (перечень газет, подарков детским домам и избам-читальням).

Рассмотрим циркуляр агитпропотдела Валдайского укома волостным ячейкам РКП(б), членам волисполкомов и культурным работникам деревни от 27 октября 1923 г. [1. Оп. 1. Д. 1689. Л. 8–8 об.]. Озаглавлен документ не как циркуляр (чем он и является), а «наказ», что подразумевает творческий подход агитаторов к составлению документа. Термин «наказ» означает традиционный способ общения власти и общества, что отражает стремление авторов учесть особенности своей аудитории. Кроме того, данный наказ был отправлен агитпропотделом Валдайского укома в подчинённые волости за четыре дня до получения самим укомом циркуляра губкома РКП(б) о проведении праздника, поэтому оформлен настолько «неофициально».

Желание учесть особенности аудитории, уровень образования и начитанности деревенских пропагандистов прослеживается и в оформлении документа. Текст наказа весьма дробен, но невелик. Стилистика текста лозунговая, близкая к листовке: побуждения сельских агитаторов к действию оформлены при помощи глаголов повелительного наклонения («организуй», «требуй», «читай вслух» [1. Оп. 1. Д. 1689. Л. 8]). Документ насыщен противопоставлениями с использованием наречий «больше-меньше»: «меньше расходов – больше экономии», «меньше сонливости и пышности – больше серьезности и деловитости» и т. д. [1. Оп. 1. Д. 1689. Л. 8]. Небольшой по объёму текст доступен для понимания, создаёт иллюзию близости агитаторов к их аудитории.

Вместе с тем данный наказ являлся переработкой инструкций вышестоящих организаций, а также журнала «Красная деревня» (как указано в тексте) [1. Оп. 1. Д. 1689. Л. 8]. Принципы организации праздника, предложенные в наказе, повторяли план проведения октябрьских торжеств, составленный комиссией при Новгубкоме и Валдайском укоме: «Больше участия самой крестьянской массы...

Поменьше средств – побольше самодеятельности и энтузиазма...» [1. Оп. 1. Д. 1689. Л. 8].

Наказ предполагал освещение в ходе праздничных торжеств таких проблем, как международное положение (событий в Германии и «ошибок крестьянских партий» в Болгарии), «смычка города и деревни» (особое внимание предлагается обратить на «значение, которое играют крестьяне в мировой пролетарской революции»), вопрос о введении многополья и новых приёмов обработки земли, а также развитию кооперации (этих пунктов не было в инструкциях комиссий по проведению октябрьских торжеств). Упоминаний о милиционном строении армии или помощь воздухофлоту в данном документе нет, хотя освещение этих вопросов было запланировано уездной [1. Оп. 1. Д. 1689. Л. 89] и губернской комиссиями [2. Оп. 1. Д. 199. Л. 20]. Агитаторы Валдайского укома соотносили данный перечень вопросов с перечнем тем, которые затрагивались ими в предыдущих кампаниях. Местное звучание имела и «мелочь», которую «ни в какой степени нельзя поощрять сквозь пальцы» [2. Оп. 1. Д. 199. Л. 8 об.]: «смачивание праздника самогонкой» [2. Оп. 1. Д. 199. Л. 8 об.]. Данный наказ Валдайского укома учитывал обычаи сельских коммунистов и пропагандистов, местные проблемы.

Рассмотрение данного комплекса документов будет неполным без привлечения циркуляра Новгородского губкома РКП(б) о праздновании 6-й годовщины Октябрьской революции от 29 октября 1923 г. В архиве были найдены две копии данного документа, предназначенные для Новгородского городского стола [1. Оп. 1. Д. 1677. Л. 14] и Валдайского укома РКП(б) [2. Оп. 1. Д. 185. Л. 38], идентичные по содержанию. Соответственно, И. Алексеев, заведующий агитпропотделом Новгубкома РКП(б), не усматривал существенной разницы между губернским центром и крестьянским Валдайским уездом. Это противоречило плану проведения 6-й годовщины Октябрьской революции, разработанному комиссией при губкоме [2. Оп. 1. Д. 199. Л. 20–27], в котором отдельные пункты посвящены торжествам исключительно в городе Новгороде и особенностям проведения кампании в уездах. Немаловажной для данного исследования представляется и датировка упомянутых документов. Так, протокол Валдайской уездной комиссии по проведению празднования 6-й годовщины Октябрьской революции относится к 24 октября 1923 г., наказ агитпропотдела Валдайского укома к волостным ячейкам РКП(б), членам волисполкомов и культурным работникам деревни о праздновании 6-й годовщины Октябрьской революции – к 27 октября 1923 г. Циркуляр Новгородского губкома РКП(б) датированный 29 октября 1923 г., был получен Валдайским укомом 31 октября 1923 г. Следовательно, агитаторы Валдайского укома составили наказ волостным ячейкам о проведении празднования 6-й годовщины Октябрьской революции до того, как получили соответствующий циркуляр губкома. Это указывает, с одной стороны, на

определённую самостоятельность принятия решений местными организациями РКП(б), а с другой стороны, на консерватизм системы воздействия, позволявший проводить разные кампании с однотипными лозунгами и проблематикой.

Неудивительно, что перечень вопросов, которые следовало осветить агитаторам в ходе кампании, несколько отличается от предложенного и уездной комиссией, и агитпропотделом Валдайского укома: международное и внутреннее положение, годовщина революции, милиционная система армии. Циркуляр содержит упоминания о приложенных к нему конспектах лекций, к сожалению, не сохранившихся. Резолюция на копии циркуляра Новгородского губкома, предназначенной Валдайскому укому, гласила: «Срочно, тов. Тихомирову». Упомянутый Тихомиров 23–24 октября, за неделю до поступления данного циркуляра, председательствовал на Валдайской уездной комиссии по проведению празднования 6-й годовщины Октябрьской революции [1. Оп. 1. Д. 1689. Л. 89].

Рассмотрев данный комплекс источников, можно сделать вывод о том, что, с одной стороны, централизация системы идеологического воздействия в некоторых случаях не была полной: отсутствие необходимых инструкций вышестоящих органов дополнялось инициативой местных пропагандистов, более того, материалами прессы. Решения, принятые в рамках одного партийного органа, но разными его подотделами и комиссиями, не всегда соответствовали друг другу. С другой стороны, данная система была настолько предсказуемой, что агитаторы могли спрогнозировать содержание инструкций. Следует отметить и учёт местных особенностей уездными пропагандистскими кадрами. Анализ данного комплекса источников ставит вопрос о применении некоторых бюрократических практик принятия решений и их воплощении в жизнь в деятельности агитаторов в Новгородской губернии. Рассмотрение нисходящих цепочек документов позволяет проследить особенности работы системы идеологического воздействия в целом на всех уровнях управления.

Список литературы

1. Государственный архив новейшей истории Новгородской области (ГАНИНО). Ф. 1.
2. ГАНИНО. Ф. 80.
3. ГАНИНО. Ф. 103.
4. Рольф, М. Советские массовые праздники. – М.: РОССПЭН, 2009. – 438 с.
5. Ульянова С.Б. «То на скаку, то на боку». Массовые хозяйственно-политические кампании в петроградской/ленинградской промышленности в 1921–1928 гг. – СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2006. – 530 с.
6. Чистиков А.Н. Партийно-государственная бюрократия Северо-Запада Советской России. – СПб.: Европейский Дом, 2007. – 294 с.
7. Яров С.В. Конформизм в Советской России: Петроград 1917–1920-х гг. – СПб.: Европейский Дом, 2006. – 570 с.

П. А. Васильев*

Историография наркотизма в раннесоветской России: обзор и критика

В данной статье содержится обзор и критика основных работ по проблеме наркотизма в раннесоветской России. Особо отмечены такие проблемные места современной историографии, как некритический подход к медицинским текстам и недостаточное внимание к связям между наукой и государственным регулированием рынка наркотических средств.

This paper provides a survey and critique of the most important works on drug addiction in early Soviet Russia. It specifically notes such problematic points in existing historiography as uncritical approach towards medical texts and insufficient attention paid to the links between science and government regulation of the drug market.

Ключевые слова: историография, наркотизм, раннесоветский период, здравоохранение, социальная проблема, морфий, кокаин.

Key words: historiography, drug addiction, early Soviet Russia, public health, social problem, morphine, cocaine.

В российском контексте возникновение наркотизма как серьезной социальной проблемы датируется периодом от начала Первой мировой войны до конца 1920-х гг. За этот относительно короткий промежуток времени произошли, тем не менее, радикальные изменения в отношении к проблеме со стороны власти, профессиональных сообществ и российского социума в целом. Так, в начале XX в. кокаин или героин можно было легко приобрести в аптеке, а государственное регулирование рынка наркотических средств практически отсутствовало [46, с. 351; 18, с. 28]. Для многих исследователей проблемы в довоенный период совершенно легитимным методом изучения была интроспекция – наблюдение за своими собственными ощущениями и поведением после приема наркотиков [24, с. 18–21; 25, с. 487–488, 494, 506, 511]. К началу же 1930-х гг. продажа наркотиков была поставлена вне закона, производство жестко регулировалось, а сами наркоманы были отнесены к категории «соцаномаликов» и отправлялись на принудительное лечение, а в некоторых случаях и в специальные колонии [36, с. 472, 474, 476; 18, с. 32–33; 20, с. 117].

* **Васильев Павел Андреевич**, аспирант, Санкт-Петербургский институт истории РАН.

Это резкое изменение политики вызывает определенное недоумение у исследователя, но еще больше удивляет отсутствие крупных исторических работ по проблеме наркотизма в раннесоветской России. Тем важнее представляется исследование существующей историографии по теме. В данной работе автором предпринята попытка обзора и критического анализа ключевых работ.

Исследование историографического аспекта данной проблемы приобретает особую актуальность еще и потому, что, как отмечают некоторые исследователи, советская историография практически полностью игнорировала теневые стороны жизни России в XX в.¹ История после Октября 1917 г. представлялась в упрощенном виде – «успешно развивающимся поступательным процессом», который сопровождался быстрым искоренением «пережитков прошлого» [18, с. 19]. В то же время вне внимания историков находился культурно-антропологический и повседневно-поведенческий пласт жизни советского общества в 1920–1930-е гг. [18, с. 14; 23, с. 5]. Фактически лишь в 1990-е гг. появились исследования и публикации документов, освещающие ранее «непопулярные» сюжеты [10, с. 11–12]. Слабое внедрение в советской исторической и социологической науке получила быстро развивавшаяся на Западе теория девиантного поведения [18, с. 19].

В связи с этим во многом нам приходится полагаться на медицинскую и юридическую литературу, созданную непосредственно в рассматриваемое нами время. Конкретные факты, а не абстрактные формулировки, зачастую доступны нам только в печатных работах советских медиков, занимавшихся патогенезом различных наркоманий. Так, проблема наркотизма является одним из популярных предметов дискуссий врачей периода нэпа, что является косвенным подтверждением ее актуальности. Причем исследуется специалистами не только и даже не столько медицинский аспект употребления наркотиков, но скорее социальные последствия².

¹ Здесь проявились такие характерные черты марксистской историографии, как «мифологизация прошлого, замалчивание событий и явлений, несоответствующих заданной идеологической концепции» [17, с. 7].

² Даже доктор Т.М. Богомолова, предлагая лечить наркоманов исключительно с помощью подкожного введения кислорода, не может не отметить такой существенный фактор, как «изоляция от окружающей среды» [4, с. 44].

Впрочем, подобный подход, по-видимому, вообще характерен для врачей, исследующих проявления девиантного поведения: алкоголизм, проституцию, наркотизм и др. Объяснить эти социальные проблемы исключительно с медицинских позиций оказывается невозможным, и приходится обращаться к поиску социальных и иных предпосылок явления.

Из наиболее важных публикаций следует отметить ряд статей в сборниках «Проблемы наркологии», вышедших в 1926 и 1928 гг., но содержащих материал преимущественно по более раннему периоду [5; 6]. Важным источником является статья доктора Г.Д. Ароновича, предоставляющая сведения относительно масштабов употребления наркотиков в Петрограде во время Гражданской войны [2]. Не следует пренебрегать работами, опубликованными в середине 1920-х гг. в «Московском медицинском журнале» [4; 32; 29] и популярными медицинскими очерками [37]. Во второй половине 1920-х гг. появляются работы врачей, стремящихся проанализировать причины широкого распространения наркотиков в Советской России после 1917 г. и сделать некоторые обобщающие выводы [14; 9]. Наблюдалась «эволюция от тщательного клинического анализа отдельных случаев до исследований, пытающихся охватить также и социально-бытовую сторону кокаинизма и оперирующих частично уже и статистическим методом». [29, с. 46] Рассмотрены также образцы юридической и историко-юридической литературы периода нэпа, частично затрагивающие и проблему наркотизма [12; 13; 28; 33].

Определенный интерес представляют исследования историко-медицинского характера 1930-х гг. [11; 4]. Однако в последующий период, как отмечают исследователи, «в Советском Союзе длительное время изучение преступности, пьянства, наркотизма, самоубийств, проституции осуществлялось преимущественно в рамках частнонаучных дисциплин (криминология, наркология, суицидология и др.)» [8, с. 54]. В обобщающей работе «Социальные отклонения» был применен традиционный марксистский метод, хотя иногда в трактовке девиаций наряду с классическими идеологическими клише любопытным образом встречаются и оценки, перекликающиеся с точкой зрения некоторых современных американских социологов [30].

С конца 1980-х гг. стали появляться работы, авторы которых проявляли интерес к широкому кругу проблем девиантного поведения вообще и наркотизма в Советской России конца 1910-х–1920-х гг., в частности [7; 27]. Среди исследователей необходимо особенно выделить М.В. Шкаровского, Н.Б. Лебину, В.И. Мусаева и А.Н. Чистикова. В опубликованных ими книгах и статьях исследуются различные аспекты советской повседневности, в том числе проблемы девиантного поведения и конкретно наркотизма [19; 16; 15; 18; 20; 21; 23; 36; 35]. В данных работах, учитывая их новаторский характер, авторы на первый план выдвигали анализ обнаруженных ими документов и обоснование применяемой методологии. Были сделаны выводы о «демократизации» типа российского наркомана после Октября 1917 г. [18, с. 29], проанализирован состав социальных групп, в которых получили наибольшее распространение нарко-

тики [21, с. 89-90; 36, с. 467, 468, 470; 18, с. 29-32; 23, с. 180 и др.]. Современные историки отметили пик наркотизации населения в период нэпа и постепенный отход от наркотиков к концу 1920-х гг., указав для этого факта ряд возможных причин [36, с. 472, 474, 476; 18, с. 32-33; 20, с. 117].

Первое обобщение данных из указанных выше работ было проведено С.Е. Паниным [26]. Несмотря на то что им были сделаны некоторые глубокие выводы, очевидно, что данная небольшая статья не может претендовать на роль обобщающей работы по истории наркотизма в раннесоветской России. К тому же выводы, которые делает исследователь, зачастую не вполне отчетливо следуют из того достаточно узкого и разнородного круга источников, на который он опирается.

В отдельную категорию нужно выделить работы по истории медицинских и образовательных учреждений [1; 31; 34]. Однако необходимо отметить, что в них делается акцент исключительно на профессиональную (медицинскую) сторону вопроса, есть многочисленные фактические и иные ошибки, отсутствуют серьезные теоретические обобщения. Как особо полезную для исследователя можно выделить работу М.А. Акименко и А.М. Шерешевского «История института имени В.М. Бехтерева на документальных материалах» [1], хотя она в значительной мере и представляет собой публикацию источников по теме исследования авторов. Несмотря на отмеченные выше недостатки, эта работа уникальна по своему фокусу и охвату источников. Более того, опубликованные документы относятся к различным группам и хранятся в различных архивах. Работа с книгой дает возможность поместить исследуемую проблему в более широкий контекст развития психоневрологии в Советской России.

Большинство упомянутых выше работ обладает схожими недостатками. Во-первых, практически все авторы, даже маркируя хронологические рамки своего исследования 1917–1920-ми гг., по большей части излагают материал и концептуальные теории относительно первого по хронологии периода (конец 1910-х–начало 1920-х гг.), оставляя в стороне или только несколькими словами характеризуя упадок наркотизма в Советской России к концу 1920-х гг. Таким образом, в историографии вопроса имеются достаточно существенные лакуны.

Другой важной проблемой в современной историографии этой темы является то, что, как представляется, большинство исследователей разделяют эссенциалистское представление о наркотизме (как о проблеме, которую государство должно «решить» с помощью

регулирования рынка наркотических средств)¹. Это представление порождает мнение о том, что существуют определенные объективные критерии, которые позволяют определить, необходимо или нет запрещать ту или иную субстанцию². Отсюда наблюдаемый во всех без исключения работах современных историков некритический подход к ключевым источникам, в частности медицинским текстам. Как представляется, для многих историков данные этих текстов являются безоговорочно объективными, в то время как они были написаны в конкретный исторический период конкретными авторами. Более того, априорно предполагается, что понятие «наркотизм» имело в начале XX в. такой же смысл и коннотации, как и сейчас, в то время как зачастую конкретные термины постоянно уточняются и заново определяются в рамках соответствующей научной теории и в свою очередь оказывают влияние на конкретную исследовательскую программу [41; 44; 45].

Недооценка роли медицинской науки в свою очередь ведет к тому, что в современной исторической литературе недостаточное внимание уделяется связям между наукой и государственным регулированием рынка наркотических средств. Таким образом, пока что в российском историческом нарративе социальный, медицинский и юридический аспекты наркотизма искусственно изолированы, а значит, адекватная и полная оценка феномена оказывается весьма затруднительной.

В заключение необходимо еще раз подчеркнуть, что на настоящий момент существует сравнительно небольшое число работ по истории наркотизма в раннесоветской России. Таким образом, очевидно, что необходимо дальнейшее исследование проблемы (в том числе изучение событий конца 1920-х гг., которые могут прояснить многое относительно тех причин, которые вызвали резкий спад числа наркоманов в Советской России), значительное расширение круга источников и введение новых документов в научный оборот. Больше внимания необходимо уделить специфике наркотизма в ре-

¹ Это представление, безусловно, заимствовано из современного нам мира, где в большинстве стран рынок наркотических средств жестко регулируется, значительные материальные, финансовые и людские ресурсы тратятся на «войны с наркотиками», а врачи и массмедиа время от времени запускают очередные этапы «моральных паник». В этой связи см. также критику современной наркополитики в США в [47].

² На самом же деле решения о запрете или разрешении психоактивных субстанций (не только наркотиков, но и табака, алкоголя и др.) всегда произвольны, исторически обусловлены и не связаны с реальной степенью психофизического вреда и привыкания [39, с. vii].

гиональном масштабе и особенностям наркотизма в сравнении с другими формами девиантного поведения¹.

Любопытно также, что российская историография в основном ограничивалась социальной проблематикой наркотизма, в то время как в США, Великобритании или Германии основной вклад в изучение данной темы внесли историки науки или приверженцы так называемой «интеллектуальной истории» [48; 38; 40; 42]. Как представляется, будущие российские историки наркотизма как раз и должны обратить больше внимания на «интеллектуальную» сторону вопроса и проследить, в частности, какую роль сыграла отечественная наука в выработке понятия «наркотизм» и в определении государственной политики в сфере регулирования рынка наркотических средств.

Список литературы

1. Акименко М.А., Шерешевский А.М. История института имени В. М. Бехтерева на документальных материалах: в 3 ч. – СПб., 1999–2001.
2. Аронович Г.Д. Наблюдения и впечатления среди кокаиноманов // Науч. медицина: сб. – 1920. – № 6. – С. 676–685.
3. Бахтияров В.А. К вопросу о наркомании // Тр. науч.-исслед. ин-тов Свердловск. облздравотдела: сб. – № 7. – Свердловск, 1936. – С. 199–204.
4. Богомолова Т.М. Лечение наркоманов подкожным введением кислорода // Моск. мед. журн. – 1925. – № 10. – С. 40–44.
5. Вопросы наркологии: сб. № 1 / под ред. А. С. Шоломовича. – М., 1926.
6. Вопросы наркологии: сб. № 2 / под ред. А. С. Шоломовича. – М., 1928.
7. Габияни А.А. Наркотизм вчера и сегодня. – Тбилиси, 1988.
8. Гилинский Я.И. Социология девиантного поведения и социального контроля: кр. очерк // Рубеж. – 1992. – № 2. – С. 51–68.
9. Голант Р.Я. Проблемы морфинизма: (Клинические и диспансерные наблюдения, экспериментальные исследования) // Тр. гос. ин-та мед. знаний (ГИМЗ) / под ред. Н. К. Розенберга. Вып. V. Л., 1929. – С. 17–32.
10. «Горячешный и триумфальный город». Петроград: от «военного коммунизма» к нэпу: док-ты и материалы / сост. М.В. Ходяков. – СПб., 2000.
11. Греблиовский М.Я. Библиография по наркологии 1920–1930: (Опий, морфий, кокаин, табак) // Проблемы наркологии / под ред. А. М. Рапопорта. – М.; Л., 1934. – С. 103–116.
12. Жижиленко А.А. Преступность и ее факторы. – Пг., 1922.
13. За 8 лет: Материалы по истории советской рабоче-крестьянской милиции и уголовного розыска за 1917–12 ноября–1925 гг. – Л., 1925.
14. Кутанин М.П. Вопросы теории и практики морфинизма // Тр. первого всесоюзного съезда невропатологов и психиатров / под ред. В. А. Беляева и др. – М.; Л., 1929. – С. 40.

¹ Н.Б. Лебина назвала наркоманию «наиболее аномальной аномалией», имея в виду свойственный контркультуре протест [18, с. 28]. Необходимо также отдельно рассмотреть в конкретном историческом контексте полемику, ведущуюся социологами относительно дифференциации форм девиантного поведения как способов адаптации [22, с. 95–96 и др.].

15. Лебина Н.Б. Белая фея, или Как «наводили марафет» в Советской России // Родина. – 1996. – № 9. – С. 64–66.
16. Лебина Н. [Б.] Наркоман из наркомата и клуб морфинистов революционного Балтфлота // Вечерний Петербург. – 1996. – 12 апр.
17. Лебина Н.Б. О пользе игры в бисер: (Микроистория как метод изучения норм и аномалий советской повседневности 20–30-х годов) // Нормы и ценности повседневной жизни: Становление социалистического образа жизни в России, 1920-30-е годы. – СПб., 2000. – С. 7–26.
18. Лебина Н.Б. Повседневная жизнь советского города: Нормы и аномалии: 1920–1930 годы. – СПб., 1999.
19. Лебина Н.Б. Теневые стороны жизни советского города 20–30-х годов // Вопр. истории. – 1994. – № 4. – С. 30–42.
20. Лебина Н.Б., Чистиков А.Н. Обыватель и реформы: Картины повседневной жизни горожан в годы нэпа и хрущевского десятилетия. – СПб., 2003.
21. Лебина Н.Б., Шкаровский М.В. Проституция в Петербурге: (40-е гг. XIX в. – 40-е гг. XX в.). – М., 1994.
22. Мертон Р. Социальная структура и аномия // Рубеж. – 1992. – № 2. – С. 89–105.
23. Мусаев В. И. Преступность в Петрограде в 1917–1921 г. и борьба с ней. – СПб., 2001.
24. О влиянии некоторых ядов (спирт, опий, гашиш) на сознание у человека: публ. лекция д-ра С. Н. Данилло, прив.-доцента Имп. воен.-мед. акад. – СПб., 1894.
25. Отчет о докторском диспуте Н.Н. Ланге // Рос. психология: Антология / под ред. А.Н. Жбан. – М., 2009.
26. Панин С. Е. Потребление наркотиков в Советской России (1917–1920-е годы) // Вопр. истории. – 2003. – № 8. – С. 129–134.
27. Попов В. А. Борьба с наркоманией и токсикоманией детей и подростков в 20–30-е годы // Сов. здравоохранение. – 1989. – № 5. – С. 67–70.
28. Преступник и преступность: сб. I. – М., 1926.
29. Рапопорт А.М. Кокаинизм и преступность // Моск. мед. журн. – 1926. – № 1. – С. 46–55.
30. Социальные отклонения: Введение в общую теорию. – М., 1984.
31. Точиллов В.А., Ефремов В.С., Случевская С.Ф. и др. Кафедра психиатрии и наркологии // Санкт-Петерб. гос. мед. акад. им. И.И. Мечникова 90 лет. – СПб., 1997. – С. 99–106.
32. Футер Д. О детях-наркоманах // Моск. мед. журн. 1925. – № 10. – С. 59–63.
33. Хулиганство и преступление: сб. ст. – Л.; М., 1927.
34. Шабров А.В., Романюк В.П. Больница Петра Великого – клиническая база Санкт-Петербургской государственной медицинской академии имени И.И. Мечникова. Ч. 1. (1903–1945). – СПб., 2001.
35. Шкаровский М.В. Ленинградская проституция и борьба с ней в 1920-е годы // Невский архив: ист.-краеведческий сб. – М.; СПб., 1993. – С. 387–411.
36. Шкаровский М.В. Семь имен «кошки»: расцвет наркомании в 1917–1920-е годы // Невский архив: ист.-краевед. сб. Т. III. – СПб., 1997. – С. 467–477.
37. Шоломович А. С. Кокаин и его жертвы: науч.-попул. очерк. – М., 1926.
38. Acker C.J. Creating the American Junkie: Addiction Research in the Classic Era of Narcotic Control. – Baltimore, 2006.

39. After Prohibition: An Adult Approach to Drug Policies in the 21st Century / Ed.T. Lynch. – Washington, 2001.
40. Campbell N.D. Discovering Addiction: The Science and Politics of Substance Abuse Research. – Ann Arbor, 2007.
41. Canguilhem G. On the Normal and the Pathological. – Dordrecht, 1978.
42. Foxcroft L. The Making of Addiction: The 'Use and Abuse' of Opium in Nineteenth-Century Britain. Aldershot, 2007.
43. Joël E. Лечение наркоманий: Алкоголизм. Морфинизм. Кокаинизм. – Харьков, 1930.
44. Knorr-Cetina K. Die Fabrikation von Erkenntnis: zur Anthropologie der Wissenschaft. – Frankfurt am Main, 1984.
45. Latour B., Woolgar S. Laboratory Life: The Construction of Scientific Facts. – Princeton, 1986.
46. Lincoln W. B. In War's Dark Shadow: The Russians before the Great War. – N.Y., [1983].
47. Nadelmann E. A. Drug Prohibition in the United States: Costs, Consequences, and Alternatives // Science. 1989. Vol. 245. – P. 939–947.
48. Wiesemann C. Die heimliche Krankheit: Eine Geschichte des Suchtbegriffs. – Stuttgart, 2000.

ЛИЧНОСТЬ В ИСТОРИИ

УДК 94(47).072«1801/1814»:355.1

*Е. В. Костина**

Деятельность великого князя Константина Павловича по организации и реформированию российской армии (1801–1814 гг.)

В статье рассматривается деятельность великого князя Константина Павловича по преобразованию российской армии в 1801–1814 гг. Выявляется его роль в учреждении военно-учебных заведений и в формировании некоторых полков. В работе также затронуты такие аспекты, как снабжение армии провиантом и фуражом.

The article describes the activity of the Grand Duke Constantine Pavlovich in reorganization of the Russian army in 1801–1814. The research reveals his role in institution of military schools and in regimentation. The paper also addressed such issues as provisioning and foraging.

Ключевые слова: Россия, императорская семья, великий князь, армия, война, реформа, полк, провиант, фураж, военное училище, кадетский корпус, образование, офицер.

Key words: Russia, the Imperial family, the Grand Duke, army, war, reform, regiment, provisions, forage, military school, cadet corps, education, officer.

В настоящее время все больше отечественных и зарубежных историков проявляют интерес к изучению деятельности российской царской фамилии, участия ее отдельных представителей в осуществлении различных мероприятий внутренней и внешней политики. Особое внимание исследователи уделяют царствовавшим монархам. Однако не стоит забывать, что важную роль в общественно-политической жизни России играли не только императоры, но и члены их семьи. Ближайшим помощником и сподвижником Александра II был его младший брат великий князь Константин Николаевич, в течение 16 лет выполнявший обязанности председателя Государственного Совета, и именно он стоял у истоков проведения реформ по отмене крепостного права. Сподвижником же Александра I был великий князь Константин Павлович, личность которого вызывает все больший интерес у историков. Отречение от российского престола,

* **Костина Елена Владимировна**, аспирант кафедры истории, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина.

политика Константина Павловича в Королевстве Польском (1815–1831 г.) и его военная деятельность – объекты исследования многих ученых. Вместе с тем роль великого князя в осуществлении преобразований в армии исследована еще недостаточно, хотя именно военному делу Константин Павлович посвятил всю свою жизнь.

В предлагаемой статье будут рассмотрены некоторые аспекты деятельности великого князя по преобразованию российской армии в период с 1801 по 1814 г., до его назначения главнокомандующим Польской армией. «Польский период», достаточно плодотворный в жизни Константина Павловича, требует отдельного исследования и в данной статье он не рассматривается.

Великий князь Константин Павлович, второй сын императора Павла Петровича, родился 27 апреля 1779 г. в Царском Селе. С детства Константин увлекался военным делом. Оружие, парады, чтение книг по военной истории – страсть, находившая поощрение как у Павла I, так и у августейшей бабки Екатерины II, дарившей ему различные миниатюрные пушки и пистолеты.

С 1794 г. усилилось сближение Константина Павловича с отцом и проявилась его природная склонность к воинским упражнениям. Получив в команду первоначально 15 человек гатчинских войск, а затем гренадерский батальон майора Палицына, великий князь всецело предался их обучению.

По вступлении на престол Павла I, в ноябре 1796 г. Константин был назначен шефом лейб-гвардии Измайловского полка. После того, как Константин Павлович высказал желание быть инспектором всей кавалерии, ему для подготовки к этой деятельности было отдано под начальство пять эскадронов Конногвардейского полка, удаленных из Петербурга в Царское Село. Здесь великий князь и обучал их гарнизонной службе [6, с. 52].

Напряженная, суровая и весьма ответственная служба постоянно на глазах отца, перед которым Константин Павлович преклонялся и вместе с тем трепетал, сформировала из него сурового, требовательного, исполнительного и знающего служаку. О сложившихся к этому времени у великого князя взглядах на военную службу свидетельствуют его собственноручные заметки, найденные в бумагах его воспитателя Лагарпа и относящиеся к 1794 г. В них он писал, что «офицер есть ничто иное, как машина; все, что командир приказывает своему подчиненному, должно быть исполнено, хотя бы это была жестокость». Применяя эти взгляды на практике, Константин Павлович бывал часто строг и груб в обращении со всеми, переходя границы представленных ему уставом прав. Тем не менее, подчиненные любили его за искреннюю доброту и заботу о них [2, с. 139].

В 1799 г. великий князь отправился волонтером в действующую армию фельдмаршала А.В. Суворова в Италии. Отказавшись от всех привилегий, соответствовавших его положению, он наравне с солдатами совершал тяжелые переходы, стойко перенося все тяготы походной жизни, и за проявленные храбрость и мужество великий князь был удостоен титула цесаревича [5, с. 166]. Среди трудностей, с которыми сталкивалась армия Суворова, был недостаток снабжения провиантом. Нехватку продовольствия ощутил на себе и Константин Павлович. «Положение русских войск в Муттенской долине, действительно, было ужасно; изнуренные невероятным походом, почти босые, без всякой теплой одежды, несколько дней уже нуждались они в продовольствии... У солдат не оставалось ни одного сухаря. Счастливыми считали себя те, которым удавалось добыть несколько картофелин... Однако же, несмотря на столь бедственное положение, русские войска не тронули ничего у жителей деревушки Муттен. Великий князь Константин Павлович приказал на свои собственные деньги купить все, что было у них съестного и раздать солдатам...» [17, с. 136]. Впоследствии цесаревич, помня этот опыт, будет уделять большое внимание вопросам снабжения.

Вернувшись с арены боевых действий с определенным «нерасположением к войне», Константин Павлович все-таки с прежним увлечением исполнял обязанность начальника мирной армии. Для усовершенствования ее единственным средством считалось тогда постоянное и неутомимое занятие строевыми эволюциями, маршировкой, выправкой, пригонкой амуниции и т. д. [6, с. 95].

После смерти отца Александр I, только вступив на престол, предпринял ряд мер по преобразованию армии, задачей которых было сокращение расходов на ее содержание. Указом от 24 июня 1801 г. была учреждена Воинская комиссия для рассмотрения положения войск и их устройства [10, № 19926]. Во главе Воинской комиссии и был поставлен Константин Павлович. Предметами занятий этой комиссии были: определение числа войск и общее их положение; определение числа войск по разным родам и именованиям, а также числа людей в полку и в роте; продовольствие войска; положение ремонтной суммы на лошадей; одежда войск. При рассмотрении этого последнего вопроса предполагалось «дать одежде вид воинственный и прочный и не только для всех оборотов службы и для сохранения здоровья и бодрости солдат вообще удобнейший, но и каждому роду войск приличнейший»; существенными предметами Комиссии были вооружение пехоты и конницы, содержание конной артиллерии и ряд других вопросов [10, № 19926].

В качестве одной из первых практических мер по реформе армии стало обращение великого князя 11 сентября 1803 г. о соизволении на учреждение в составе кавалерии нового подразделения – улан из только что сформированного Одесского гусарского полка [2, с. 141]. Назначение цесаревича шефом имело важнейшее значение для судьбы уланского полка. Уланский цесаревича и великого князя Константина Павловича полк стал образцовым как по внешнему виду, так и в строевом отношении... [8, с. 24].

В это же время Константин Павлович также занимается организацией и обучением выделенной под его команду (окончательно 27 апреля 1805 г.) гвардии конной артиллерии.

Параллельно с этим цесаревич активно занимался вопросами реформирования управления военно-учебными заведениями. В 1803 г. по приказу Александра I была создана под председательством великого князя временная комиссия о военных корпусах для рассмотрения проекта об учреждении военных училищ [11. Д. 475. Л. 5].

В докладе императору два года спустя, в 1805 г., комиссия сообщала о создании 10 губернских училищ в Санкт-Петербурге, Москве, Смоленске, Киеве, Воронеже, Твери, Ярославле, Нижнем Новгороде, Казани, Тобольске и предлагала план военного воспитания как в этих училищах, так и в высших кадетских корпусах, которых было два – в Санкт-Петербурге. Для их организации и управления комиссия предполагала создать Совет, состоящий из директоров корпусов и других лиц, назначаемых императором. «Директоры Губернских военных училищ относятся по всем делам их дирекции в Совет сей, который со своей стороны посылает Визитаторов для свидетельствования состояния Корпусов и успехов воспитанников в учении...». Здесь же предлагалось учредить подведомственный Совету Комитет для составления подробного плана обучения в кадетских корпусах, создания правил практических упражнений, составления уставов и штатов для всех подобных учебных заведений [14. Д. 1651. Л. 4–6 об.]. В отношении финансирования планировалось часть денег выделять из казны, а часть должны были направлять дворяне тех территорий, из которых происходили обучавшиеся в учебных заведениях дети. «В назначении городов для военных училищ Комиссия старалась дать преимущество пред прочими тем из них, которых Губернии объявили уже готовность к пожертвованиям на заведение сих училищ...» [14. Д. 1651. Л. 3].

29 марта 1805 г. император утвердил доклад великого князя и назначил его, уже давно заведовавшего данными заведениями, председателем вновь учрежденной организации – Совета о военных корпусах. Совет немедленно должен был приступить к организации

в выбранных местах губернских военных училищ и к преобразованию высших кадетских корпусов [14. Д. 1651. Л. 9].

Однако с 1807 г. заседания Совета прекратились в связи с отсутствием Константина Павловича и почти всех других членов учреждения «по случаю военных и разных других обстоятельств», но «несмотря на то, течение дел продолжается поныне; они по распоряжению председательствующего в Совете, производятся...правителем канцелярии и во время пребывания Государя Цесаревича в здешней столице представляются лично, а в отсутствие – посылаются на утверждение...» [11. Д. 475. Л. 6]. Как видим, несмотря на отсутствие, (в кампанию 1806–1807 гг. Константин Павлович командовал гвардией и находился на полях сражений), он продолжал руководить преобразованиями в военных учебных заведениях.

В 1808 г. при Совете был создан Комитет, который издал временную инструкцию по обучению войск – «Примечание о последних переменах в учении». Инструкция, не нарушая основных положений устава 1796 г., вместе с тем указывала на необходимость обучать войска действиям в колоннах и рассыпном строю в различных условиях военной обстановки. В 1809 г. вышла «Школа рекрут или солдат», а в 1811 г. – «О ротном учении». Оба эти документа, изданные затем вместе, получили название «Воинского устава о пехотной службе 1811 года». Устав содержал в себе передовые тактические идеи. Он подчеркивал решающее значение в бою высокого морального состояния войск и требовал сочетать обучение с воспитанием [1, с. 400].

С 1806 г. под непосредственным руководством великого князя был создан Императорский батальон милиции. После проигранных сражений с Наполеоном царь и его окружение понимали, что новой войны с французами не избежать. 30 августа 1806 г. Александр I подписал манифест, в котором было сказано о возможности вторжения неприятеля и необходимости создать временные ополчения или милицию из 612 тыс. чел. – в 31 губернии, остальные губернии должны были участвовать «в вооружении взносами сумм, хлеба, оружия и амуниции».

Подавая пример дворянству, Александр I отдал распоряжение сформировать Императорский батальон милиции, набрав в него ополченцев из волостей, принадлежавших лично ему, вдовствующей императрице Марии Федоровне, великому князю и другим членам царской семьи... Этот батальон в первое время своего существования получал полное содержание от высочайшего двора и дворов императрицы и цесаревича. Впоследствии пожертвования обильно потекли со всех концов России. «Усердие дворян жертвовать своим достоянием было так велико, что даже усмирилось пра-

вительством» [4, с. 7–8]. Однако позднее, «по причине сделанных пожертвований на Милицию», в некоторых губерниях дворянство стало отказываться от финансирования военных училищ, но 13 октября 1808 г. «Комитет Министров определил предписание о взносе денег (для училищ) сделать по всем губерниям, по которым были об оных отзвывы» [13. Д. 8 Л. 136 об.].

Константин Павлович активно участвовал в формировании милиции в 1806–1807 гг. Цесаревич вносил средства, отправил служить в нее 159 своих крестьян, а главное, взял формирование батальона в свои руки [4, с. 7–8].

Офицерский состав был укомплектован также лично Константином Павловичем, который, «имея под своим началом» все кадетские корпуса России, мог отбирать лучших, наиболее знающих и подготовленных командиров. Позднее Императорский батальон был переименован в лейб-гвардии Финляндский батальон, а в 1811 г. – в лейб-гвардии Финляндский полк.

Примечательно воспоминание солдата Памфила Назарова: «Прибыли мы в Санкт-Петербург октября 3-го 1812 года в Смольные казармы, где и ночевали, а утром был приказ представить нас в Мраморный дворец на смотр его императорскому высочеству цесаревичу и великому князю Константину Павловичу. И выстроили нас в больших залах, куда приходит его высочество и, приказав отступить задним двум шеренгам, начал сортовать, кого в гвардию, кого в армию; меня назначил в армию. Лишь только я успел переступить не больше два шага, то он посмотревши на меня сзади, схватил меня за плечо и назначил в лейб-гвардии Финляндский полк, в который я и был отправлен в Измайловские казармы...» [15, с. 533].

Лейб-гвардии Финляндский полк со славой участвовал во всех войнах, которые вела Россия, вплоть до своего расформирования в 1918 г.

Как видим, будучи во главе Воинской комиссии и Совета о военных корпусах, великий князь не только руководил проводившимися в тот период преобразованиями в армии и военно-учебных заведениях, но и лично занимался формированием и военно-учебной подготовкой собственных полков – лейб-гвардии Измайловского, Конного, Уланского, Финляндского.

Помимо этого, почти исключительно от решения Константина Павловича зависели и введение, и отмена по всему войску как фронтовых, так и хозяйственных порядков [6, с. 95], главным из которых было снабжение.

Среди вопросов снабжения армии одним из самых важных было обеспечение войск продовольствием. Как говорилось ранее, организация его встречала серьезные трудности. Это было во многом связано с тем, что в начале XIX в. неурожайные годы следовали

один за другим, и в ряде районов империи люди просто голодали, что отражалось и на квартировавших в провинции войсках.

Кампания 1805 г. привнесла в армейский быт новое французское слово – «мародеры», обозначающее отставших от полков и занимающихся «грабежом и распутством» солдат. Такое «зло» свидетельствовало прежде всего о нездоровой обстановке в армии. Централизованное снабжение продовольствием и теплыми вещами было организовано плохо, «защитники Отечества» голодали и мерзли, воюя на чужой земле за непонятные им цели. Похожая ситуация сложилась и в 1807 г., когда при отступлении русской армии мародерство достигло невиданного размаха: прусские поселения подвергались настоящему нашествию тысяч голодных солдат. Командование вынуждено было объявить о денежном вознаграждении за поимку мародеров [16, с. 77–78].

После военных походов, находясь во главе Совета о военных корпусах, Константин Павлович, ощутивший на себе нехватку продовольствия в армии Суворова, лично контролировал его поставки, о чем, например, свидетельствует рапорт императору от 31 января 1810 г.: «Из доставляемых мне из того Корпуса ежедневных ведомостей видно, что корпус на предмет стола употребляет уже гораздо более... Генерал-майор Клиндер представил мне примерную ведомость, с означением сколько потребно одних мясных припасов в каждый год, во что стоят оные по ценам прошлогодним и ныне при торгах состоявшихся...» [12. Д. 7. Л. 1].

Однако в армии сохранялся недостаток снабжения провиантом, и продолжали предприниматься меры по борьбе с мародерством. Например, на заседании Комитета министров 26 сентября 1812 г. предлагалось в Рескрипте главнокомандующему сообщить, что «всем Начальникам постановлено было в ответственность мародерство с тем, что у кого оное окажется, тот отчужден будет вовсе от службы» и также предлагалось дать приказ армиям, где объяснить, что «сим преступлением нарушается данная пред Богом клятва, нарушителей же оной предает Церковь проклятию» [13. Д. 30. Л. 229 об.]. Снабжение войск стало довольно приличным только к середине 1814 г., когда прекращение боевых действий позволило полковым командирам всерьез заняться вещевым и пищевым довольствием солдат [16, с. 78].

Константин Павлович контролировал также снабжение полков фуражом и вникал во все тонкости данного вопроса. Так, в письме 16 октября 1810 г. военному министру М.Б. Барклаю-де-Толли относительно нового положения о фуражном продовольствии в полках, великий князь высказывал свои предположения о таких ситуациях, о которых, казалось бы не должен был думать высокий начальник: можно ли сдавать фураж в случае выступления полка в поход, если

его перевозка невозможна на полковых лошадях; предполагается ли отпускать деньги из казны за перевозку, если расположение эскадронов более чем в 30 верстах; действия полков в случае повышения цен на фураж и т. д. [12. Д. 49. Л. 12–13].

Кроме всего вышеупомянутого, через руки цесаревича проходило множество других вопросов: об уравнивании числа людей в батальонах; о порядке смены стоящих в караулах эскадронов; о форме эполет; об амуниционных вещах гвардейских и егерских полков; о гусарских ментиках; о переименовании полков и о нумерах дивизий на погонах; о перевязях и портупях в пехотных полках; о зимних и летних панталонах; о чепраках; о форме месячных рапортов; о штандартах; о конских потниках; о выключке нижних чинов из гвардейских полков; об отвертках к ружьям и пробоинах к пистолетам... Следует обратить внимание на то, что Константин Павлович отличался мелочностью в деловом отношении, например сам подписывал и проверял паспорта нижних чинов, увольняемых со службы.

Все эти вопросы в общей системе военного управления и хозяйства имели практическую важность, и несомненно, что указания цесаревича, вполне знакомого со всеми мелочами военного быта и полкового хозяйства, оказывались полезны, и конечно, недаром он слыл по всей русской армии самым способным и самым деятельным организатором [6, с. 99].

В 1814 г. на Венском конгрессе Россия получила большую часть бывшего Варшавского герцогства, составившую Царство Польское. 24 апреля в Сен-Дени император Александр и Константин Павлович принимали парад 5-тысячного польского корпуса, оставшегося до последнего часа верным Наполеону. В тот же день императорским указом был создан организационный Военный комитет из семи польских генералов для возвращения этих войск и размещения в Польше. Председателем комитета был назначен Константин Павлович. С этого времени он практически постоянно проживал в Варшаве, и дальнейшие преобразования в армии проходили уже без его участия.

Таким образом, великий князь Константин Павлович, возглавив Воинскую комиссию в 1801 г., по сути явился руководителем военных преобразований, реализованных в тот период. Можно утверждать, что работа, проведенная Воинской комиссией и Константином Павловичем по определению числа войск, а также по определению числа людей в полку и в роте явилась базой для дальнейшей систематизации в рядах вооруженных сил и для последующих преобразований в системе управления армией.

Благодаря деятельности великого князя в Совете о военных корпусах в России появились новые военные учебные заведения, что позволяет говорить об увеличении количества образованных

(дипломированных) офицеров и, соответственно, качественном улучшении состава армии. А созданный по инициативе Константина Павловича Комитет при Совете и выпущенные инструкции по обучению войск стали первым шагом на пути к изменению ведения боя.

Вкладом великого князя в дело преобразования вооруженных сил можно также считать учреждение нового подразделения – улан в составе кавалерии.

Царствование императора Александра I является ярким примером комплексного преобразования армии. Изменениям была подвергнута практически вся военная система – вооружение, обучение, управление. Военные преобразования 1801–1805 гг. коснулись в основном хозяйственного и организационного порядка. Основные же реформы пришлось на более поздний период: было улучшено вооружение армии; изменились методы и приемы ведения боя (отход от линейной тактики и внедрение тактики колонн и рассыпного строя); корректировались организация и управление армией – расписание войск на дивизии.

В целом реформа первых лет царствования Александра I, большую роль в проведении которой сыграл Константин Павлович, подготовила армию к победоносному выходу из той борьбы, которая предстояла ей с государствами Западной Европы [7, с. 14].

Список литературы

1. Абатуров В.В., Алексеев Ю.А. Отечественная военная история: с древнейших времен до наших дней. – М., 2003.
2. Военная энциклопедия. – СПб., 1913.
3. Выскочков Л. В. Император Николай I: Человек и Государь. – СПб., 2001.
4. Гулевич С. История Лейб-Гвардии Финляндского полка 1806–1906. – СПб., 1906.
5. Долбнин В. Г. История Стрельны. – СПб., 2007.
6. Карнович Е.П. Цесаревич Константин Павлович. – СПб., 1899.
7. Михеев С. История русской армии. – М., 1910. Вып. 6.
8. Осипов В. Уланский Цесаревича и Великого Князя Константина Павловича полк 1803–1805 гг. // Воин. – 2001. – № 3.
9. Полководцы, военачальники и военные деятели России в «Военной Энциклопедии» Сытина. – СПб., 1997. – Т. 3.
10. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). – Т. XXVI.
11. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 733. Оп. 86.
12. РГИА. Ф. 1150. Оп. 1.
13. РГИА. Ф. 1263. Оп. 1.
14. РГИА. Ф. 1341. Оп. 6.
15. Русская старина. – 1878. – Т. 22.
16. Ульянов И. Регулярная пехота 1801–1855. – М., 1996.
17. Фон Рединг Биберегг Поход Суворова через Швейцарию. – СПб., 1902.

*П. Д. Николаенко**

Сотрудничество министра внутренних дел России В. П. Кочубея и М. М. Сперанского в 1802–1807 гг.

В статье освещается деятельность В.П. Кочубея и М.М. Сперанского во время их совместной службы в МВД. Анализируются их реформаторские начинания, деловые и нравственные качества.

The article highlights the work of V.P. Kochubey and M.M. Speransky during their joint service in the Ministry of Internal Affairs. Their reformatory initiatives, business and moral qualities are analyzed.

Ключевые слова: Россия, XIX в., В.П. Кочубей, М.М. Сперанский, МВД, министерская реформа, экспедиция, департамент.

Key words: Russia, XIX century, V.P. Kochubey, M.M. Speransky, the Ministry of Internal Affairs, ministerial reform, expedition, department.

Современники прозвали В.П. Кочубея «лордом», а М.М. Сперанского – «златоустом». Такие прозвища носили два выдающихся деятеля России первой трети XIX в. Они находились в самом центре политической жизни русского общества и своей реформаторской деятельностью оставили заметный след в истории. И если первый запомнился современникам как главный двигатель всех нововведений и превосходный организатор управления высшей администрацией, то второй – как светило русской бюрократии и самый выдающийся государственный ум России XIX в.

К сожалению, в отечественной историографии до сих пор отсутствуют научные публикации по истории политического тандема этих известнейших личностей. В этой статье мы стремились частично восполнить данный пробел.

Как известно, стремительная чиновная карьера будущего «светила» началась в канцеляриях генерал-прокуроров А.Б. Куракина, П.В. Лопухина, А.А. Беклешова и П.Х. Обольянинова. Сам М.М. Сперанский впоследствии вспоминал: «При всех четырех генерал-прокурорах, различных в характерах, нравах, способностях, был я если не по имени, то на самой вещи правителем их канцелярии. Одному надобно было угождать так, другому иначе; для одного достаточно было исправности в делах, для другого более того тре-

* **Николаенко Петр Дмитриевич**, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории государства и права, Санкт-Петербургский университет МВД России, заслуженный работник высшей школы РФ.

бовалось: быть в пудре, в мундире, при шпаге и я был всяческая во всем» [6, с. 63–64].

Все эти начальники относились к нему как к способному чиновнику, который своим мастерским составлением деловых бумаг выгодно представлял их в глазах императора. За это Сперанский получал, естественно, по их протекции, поощрения и довольно быстро рос по службе.

Вместе с тем, если вдруг им допускался какой-либо промах или он некорректно отзывался о своем начальнике в кругу коллег, то к нему проявлялась излишняя придирчивость, граничащая с оскорблением.

Совершенно иное отношение встретил молодой попович в ведомстве Кочубея. Свидетельство тому – его письмо своему, уже бывшему начальнику, написанное вскоре после ухода из МВД в октябре 1807 г. Давая оценку благоприятной деловой обстановке, которая царила в МВД при графе Кочубее, Михаил Михайлович чистосердечно признавался: «Первое движение мое сего утра есть принести вашему сиятельству мою истинную и душевную благодарность. С лишком пять лет исполнилось, как я вступил под начальство ваше; во все сие время я видел непрерывные опыты милости и доверенности вашей; во все сие время не имел я даже тени какого либо правильного огорчения, – счастье, коим люди в моем роде службы редко похвалиться могут.

... Напоследок как милостиво вы со мною начали, также милостиво теперь и окончили. Чувство благодарности моей и приверженности пребудет во мне всегда неизгладимо» [5, с. 101].

Эти слова искренней признательности графу Кочубею написаны Сперанским в первые дни пребывания на новом месте, которое вознесло его впоследствии в качестве ближайшего советника императора Александра I на вершину государственной службы. Столь высокая оценка деловых и моральных качеств Кочубея как руководителя, исходившая из уст его бывшего подчиненного, человека незаурядного ума и энциклопедической образованности, вполне объективна.

Глава МВД, по признанию современников, обладал исключительно важным для руководителя даром находить способных и нужных людей для службы под своим началом. Среди них оказался и М.М. Сперанский. В нем В.П. Кочубей, по выражению биографа М.А. Корфа, открыл ту «жемчужину», которая вскоре превратилась в звезду первой величины чиновного мира и засверкала всеми своими гранями на небосклоне российской бюрократии. Кроме выдающихся личных способностей, стремительному взлету Сперанского к вершинам государственной службы способствовало и то, что он ока-

зался в ведомстве, которое возглавлял граф Кочубей, «один из самых просвещенных и благородных ... сановников» [7, с. 11].

Известно, что Сперанский с 19 марта 1801 г. состоял в звании статс-секретаря при Д.П. Троицком, который в первые недели царствования молодого Александра I выступал в роли управляющего его канцелярией. С учреждением 30 марта 1801 г. Непременного совета общее руководство канцелярией этого учреждения также было поручено Д.П. Троицкому, ставшему его членом, а Михаил Сперанский вскоре был назначен еще и начальником экспедиции по гражданским и духовным делам нового Совета [3, с. 8]. К этому времени он зарекомендовал себя непревзойденным мастером составления деловых бумаг и правительственных актов.

Как установлено, еще находясь на службе в ведомстве Д.П. Троицкого, Сперанский стал сотрудничать с В.П. Кочубеем, одним из членов Негласного комитета, занимавшимся вместе с другими молодыми друзьями императора подготовкой проекта об учреждении министерств вместо отживших Петровских коллегий. Именно тогда Сперанский своими знаниями и «бойким пером» обратил на себя внимание будущего главы МВД. Кочубей, высоко оценив деловые качества Сперанского, предложил ему место ведущего сотрудника в формирующемся Министерстве внутренних дел.

Несомненно, графу В.П. Кочубею импонировали исключительная одаренность и высокий профессионализм Сперанского в написании деловых бумаг современным слогом, а также его увлеченность реформаторскими планами.

Министр В.П. Кочубей, назначив Сперанского на должность директора единственного на тот момент департамента МВД, направлял усилия своего талантливого помощника главным образом на усовершенствование «внутреннего устройства» ведомства. Когда произошло разделение министерства на три экспедиции (июль 1803 г.), Сперанский возглавил вторую – экспедицию государственного благоустройства, и пробыл директором до октября 1807 г., т. е. до своего ухода из МВД.

Получив от министра неограниченную свободу и творческую самостоятельность, Сперанский «показал силу своего творческого ума, внес в действие министерства жизнь, одушевление, инициативу» [11, с. 14]. В это время из-под его пера вышло множество указов, положений и правил по этому ведомству, распоряжений и циркуляров для нижестоящих подведомственных учреждений, годовые отчеты министра и его доклады императору. С его участием были собраны многочисленные статистические данные о состоянии полиции, местного управления, продовольственного дела и медицинской части, по вопросам государственного хозяйства, благоустройства городов и др.

При Кочубее деятельность МВД получила широкую гласность, ее результаты были известны не только российской, но и западно-европейской общественности. Этому способствовал «Санкт-Петербургский журнал», который стал издаваться по инициативе В.П. Кочубея и при активном участии М.М. Сперанского с января 1804 г.

По случаю двухсотлетия русской печати публицист Н.А. Энгельгардт, отмечая заслуги «Санкт-Петербургского журнала», в 1903 г. писал: «В этом журнале отражались все прогрессивные стремления десятилетия. Подобного официального издания потом уже не повторялось» [10, с. 190]. Столь высокая оценка позволяет заключить, что «Санкт-Петербургский журнал», издаваемый Кочубеем и Сперанским, стал первым официальным ведомственным органом периодической печати, который широко пропагандировал среди российской и западноевропейской общественности либеральные начинания правительства Александра I в начале XIX в.

Находясь в постоянном творческом поиске Кочубей и Сперанский продолжали совершенствовать организационную структуру МВД. Еще 18 июля 1803 г. В.П. Кочубей представил доклад Александру I о необходимости полного отказа от элементов коллегиальности и перехода к управлению министерством на основе единоначалия. Департамент МВД вместо четырех экспедиций был разделен на три экспедиции, во главе которых в лице «управляющего» стоял единоначальник.

Позицию министра разделял и М.М. Сперанский, с участием которого в июне 1806 г. была осуществлена очередная реорганизация МВД. В ведение Министерства внутренних дел из Сената было передано Главное почтовое управление. Изменялась структура, и уточнялись функции Департамента внутренних дел.

Министерскую реформу пришлось завершать одному Сперанскому уже после его ухода из МВД. По его инициативе 25 июля 1810 г. был принят закон «О разделении государственных дел по министерствам» и 25 июня 1811 г. издан Манифест «Общее учреждение министерств». Эти правовые акты более четко определяли структуру и пределы власти центральных органов государственного управления. По Манифесту, все министерства состояли из департаментов, которые делились на отделения (экспедиции), отделения – на столы. Усиливались единоначалие и персональная ответственность министров. Вводился новый совещательный орган – Совет министра. Без предварительного рассмотрения Советом дела особой важности не могли быть решены. Было учреждено новое Министерство полиции, которому отошли государственное благоустройство и медицинская часть.

Обязанностью реорганизованного МВД было признано попечение о земледелии, промышленности, почтовом ведомстве. Структура МВД была образцом для других министерств и была использована при завершении второго этапа министерской реформы в 1811 г.

В ведомстве Кочубея были созданы все условия для всесторонней творческой деятельности Сперанского. С каждым годом рос его авторитет и влияние на ход дел в министерстве. Отмечая определяющую роль Сперанского в министерстве, министр юстиции, поэт И.И. Дмитриев спустя годы писал: «Он был у него самым способным и деятельным работником. Все проекты новых постановлений и ежегодные отчеты по министерству были им писаны [4, с. 180]. При этом мемуарист отмечал, что «составляемые Сперанским ежегодные отчеты имели достоинство не только своей новизной и исторически умелым изложением материала, но и искусством в слоге и они и ныне могут послужить руководством и образцами» [4, с. 180].

Многие авторы работ, исследовавшие государственную деятельность Сперанского, традиционно утверждают, что реформатор вплоть до 1807 г. пребывал в тени своих начальников. Его имя было известно, но в нем видели лишь исполнителя, не более того [9, с. 116].

С этим ставшим уже расхожим мнением вряд ли можно согласиться, рассматривая службу нашего героя в ведомстве В.П. Кочубея. Переход Сперанского в МВД имел решающее значение для его дальнейшей карьеры. Именно здесь он обратил на себя пристальное внимание императора, которое изменило его судьбу. И в этом немалая заслуга принадлежит Кочубею. Так, профессор Киевского университета А.В. Романович-Славатинский в своей публикации, посвященной 100-летию со дня рождения М.М. Сперанского, писал, что во время службы реформатора в МВД государь тогда еще его не знал лично, но слухи о нем уже начали доходить и до него, в «особенности от Кочубея» [7, с. 11].

Непосредственное же сближение государя со Сперанским началось в 1806 г., когда, по словам М.А. Корфа, часто болевший Кочубей стал посылать с бумагами вместо себя своего помощника. Как показало время, В.П. Кочубей не ошибся, выбрав докладчика для информирования императора о делах МВД. В свою очередь и М.М. Сперанский не подвел своего начальника, проявив себя превосходным докладчиком и «с первых пор очаровал государя» [5, с. 99].

Европеизированный просвещенный политик, убедившись в таланте своего помощника, министр В.П. Кочубей считал, что М.М. Сперанский еще громко заявит о себе в истории России. А по-

ка он делал все, чтобы М.М. Сперанского ближе узнал государь, который еще не отказался от либеральных реформ. На роль первого советника государя мог претендовать лишь М.М. Сперанский. Тем более, что в это время резко сменился внешнеполитический курс России: от конфронтации к «сердечному согласию» с наполеоновской Францией. По этой причине от императора стали «отходить» его бывшие «молодые друзья» – члены Негласного комитета, в том числе В.П. Кочубей. Можно предположить, что В.П. Кочубей в данной ситуации под предлогом болезни в 1806 г. стал посылать М.М. Сперанского с докладами к Александру I, выражая в столь своеобразной форме протест против его изоляции от государственных дел. С другой стороны, ему, несомненно, хотелось, чтобы М.М. Сперанский, став близким человеком государю, мог продолжить реформы.

М.М. Сперанский, будучи доверенным лицом государя, еще около года служил под началом В.П. Кочубея. 19 октября 1807 г. по высочайшему повелению он был уволен из МВД, с оставлением при прочих должностях по званию статс-секретаря. Спустя месяц по собственному желанию с поста министра ушел и граф В.П. Кочубей.

Покинув МВД, Сперанский остался с Кочубеем в самых близких отношениях, которые вскоре подверглись испытанию на прочность житейскими невзгодами, обрушившимися на головы наших героев. Пятилетнее сотрудничество Кочубея со столь одаренным подчиненным позволило ему успешно справиться с выполнением государственной задачи по превращению МВД в образцовое ведомство того времени. В декабре 1807 г. Кочубей писал Александру I: «Оставляя место, которое в продолжение пяти лет мною было занимаемо, я долгом поставляю повергнуть на Высочайшее усмотрение отчет по управлению части мне вверенной. ... Приятно, конечно, будет видеть в чертах, сколько можно сокращенных, упражнения одного из важнейших министерств Ваших ... и удостовериться, что намерениям Вашим министерство внутренних дел соответствовало» [8, с. 149]. Ведь недаром же, по воспоминаниям Ф.П. Лубяновского, МВД «называли тогда блистательным» [1, с. 207].

Профессор А.В. Романович-Славатинский, касаясь деятельности МВД в тот период, писал: «В нем кипела жизнь, не было апатии, ... господствовало разумное одушевленное служение делу. Правда, во главе этого министерства стоял граф Кочубей – один из самых просвещенных и благородных наших сановников. Но не следует забывать того, что правую руку его был Сперанский» [7, с. 11].

В последние годы царствования Александра I единственным важным государственным поручением стало участие М.М. Сперанского под руководством министра внутренних дел В.П. Кочубея в работе сибирского комитета, который рассмотрел итоги ревизии Си-

бирского края, определил жесткие меры наказания местных чиновников за злоупотребления и одобрил разработанные Михаилом Михайловичем нормативные акты по управлению Сибирью.

Завершая разговор об этих несомненно талантливых людях, невольно задаешься вопросом – что их сблизило, подружило и, наконец, породнило? Что способствовало тому, что столь разные люди, стоящие на противоположных ступенях социальной лестницы, вместе прошли всю свою государственную службу, всегда при этом помогая и заботясь друг о друге? Современники нам не оставили на этот вопрос ответа. Правда, в «Записках» М.А. Корфа на сей счет имеются некоторые наблюдения и заключения. Декабрист Г.С. Батеньков, отвечая на вопросы следственной комиссии, оставил свои характеристики М.М. Сперанскому и А.А. Аракчееву, под началом которых протекала его служба [2, с. 141–144; 85–86].

В.П. Кочубей и М.М. Сперанский, бесспорно, были личностями выдающихся способностей, обладавшими всесторонним образованием. Первый отличался исключительным талантом разбираться в людях, отбирать достойных на службу, творчески руководить большими коллективами, быть превосходным администратором, второй, «муж ума и науки», обладал даром мыслителя и теоретика. При этом оба осознавали необходимость коренных перемен в России и довольно рано заявили о своем стремлении участвовать в преобразованиях общественно-политической жизни и государственного устройства.

Вся их многолетняя государственная служба, наряду с решением необходимых повседневных задач, была подчинена достижению заветной цели – осуществить в России либеральные преобразования по образцу западноевропейских стран. Тяга к нововведениям – главный смысл их жизни. К этой цели наши герои всегда (исключая годы ссылки Сперанского и опалы Кочубея) шли в тесном союзе, единодушно отстаивая свои проекты реформ. При этом следует заметить, что в этом тандеме В.П. Кочубей почти всегда был в роли ведущего, а М.М. Сперанский – ведомого. Такое распределение ролей можно объяснить несколькими обстоятельствами: во-первых, служебным положением В.П. Кочубея, который всегда занимал ключевые посты в государственной службе, во-вторых, его непререкаемым авторитетом в высших эшелонах власти, в-третьих, его умением даже в ходе острых дебатов приводить к согласию спорящие стороны и положительно разрешать казалось бы самые трудные вопросы.

Нам кажется, что именно эти обстоятельства заставили Сперанского добровольно выбрать себе положение подчиненного Кочубею, не только в службе, но и в жизни.

Много общего у них было в прохождении государственной службы: стремительный карьерный взлет, который вызвал ропот сановной знати и, как результат всего этого, их падение. Они оба

испытали незаслуженную немилость Александра I и долгие годы опалы. Но зато в царствование Николая I они вновь были востребованы и достигли высот в государственной службе. Этому способствовали, несомненно, их интеллектуальные способности и опыт, а также деловые качества, которыми в полной мере обладали наши герои: трудолюбие, целеустремленность, аккуратность и исполнительность. К этому следует добавить безграничную преданность престолу и Отечеству.

В.П. Кочубей долгие годы был наставником императора по вопросам государственного строительства, внутренней и внешней политики. М.М. Сперанский выступал в роли главного реформатора российского законодательства, а в конце своей жизни обучал цесаревича Александра Николаевича политическим и юридическим наукам.

Наших героев сближало и то, что они имели одинаковый менталитет и нравственное кредо. В жизни, при некоторой сдержанности и холодности, они были гуманными и неконфликтными людьми. Всегда старались ладить со всеми, нравиться не только царским особам, но и окружающим. При этом, как вспоминает М.А. Корф, В.П. Кочубей в обращении с другими в отличие от М.М. Сперанского обладал «высоким изящным тоном и вельможескою величавостью». Но это не мешало Сперанскому будучи обходительным и ласковым со всеми, покровительствуя подчиненным, тем не менее никогда не ронять себя в обращении с ними и в светских салонах уметь вести себя так, как будто он был рожден и воспитан в этом кругу [5, с. 383].

Оба обладали даром живого слова, а Сперанский еще и «даром пера», что, несомненно, высоко ценил В.П. Кочубей. Для обоих было присуще такое редкое качество, как умение внимательно слушать других и незаметно для них в разговоре навязывать свое мнение.

В.П. Кочубей и М.М. Сперанский всегда вели простой, размеренный образ жизни. Страстно любили своих детей и внуков, нередко их баловали. В их домах устраивались музыкальные вечера, на которые приглашались известные люди столицы: поэты и писатели – А.С. Пушкин, П.А. Вяземский, П.П. Гнедич, Н.И. Греч, высшие сановники и промышленники.

По воспоминаниям современников и другим документальным источникам наши герои отличались повышенной религиозностью. На этой почве произошло их сближение с князем А.Н. Голицыным, Р.И. Кошелевым, участие в работе библейского общества. Стремление к самопознанию и усовершенствованию своего внутреннего мира привело их в масонский орден. Правда, по их признанию, были они там недолго.

Исходя из вышеизложенного, сохранившихся воспоминаний современников, следует сказать, что писавшие о наших героях авторы

расставили разные акценты и дали самые различные оценки их роли в либеральных преобразованиях России: от восторженных до отрицательных. Большим разбросом точек зрения характеризуется их нравственность, поведение в отношении к Аракчееву, их восхищение военными поселениями и пр. Но совершенно справедливым будет утверждение, что эти человеческие слабости наши герои допускали лишь с одним намерением – добиться благоприятных условий для реализации своих целей, касавшихся либеральных преобразований в стране.

В заключение заметим, что все современники и исследователи сходятся в одном – В.П. Кочубей и М.М. Сперанский, прослужив верой и правдой четырем и трем русским императорам соответственно, много сделали для своего Отечества. Своими воззрениями о государственном устройстве России, ее внутренней и внешней политике они опережали современников.

Их дела не погибли, некоторые идеи были реализованы в XIX в., другие получили свое разрешение в начале XX столетия.

Современник наших героев М.А. Корф, служивший под их руководством, 24 ноября 1839 г. записал в своем дневнике: «В администрации угасли светлые имена Кочубея и колоссального Сперанского ... кто же заменит эти народные славы и кто обещает заменить их в будущем ...» [6, с. 675].

«Эти народные славы» – Кочубей и Сперанский – потомками не забыты. По воле императора Александра II их имена были увековечены на памятнике «Тысячелетие России», открытом в 1862 г. в Великом Новгороде.

Список литературы

1. Воспоминания Федора Петровича Лубяновского. 1777–1834 гг. – М., 1872.
2. Восстание декабристов. Документы. Т. 14. – М., 1976.; Батеньков Г.С. Граф М.М. Сперанский и А.А. Аракчеев // Рус. старина. – 1897. – Т. 92. – № 10.
3. Государственный совет. 1801–1901. – СПб., 1901.
4. Дмитриев И.И. Взгляд на мою жизнь. – М., 1866.
5. Корф М.А. Жизнь графа Сперанского Т. 1–2. – СПб., 1861. – Т. 1.
6. Корф М.А. Записки. – М., 2003.
7. Романович-Славатинский А.В. Государственная деятельность графа М.М. Сперанского. – Киев, 1873.
8. Сборник исторических материалов, извлеченных из архива первого отделения Собственной его императорского величества канцелярии. Вып. 1. – СПб., 1876.
9. Томсинов В.А. Светило русской бюрократии. Исторический портрет Сперанского. – М., 1991.
10. Энгельгардт Н.А. Двухсотлетие русской печати (1703–1903) // Ист. вестн. – 1903. – Т. 91. – № 1.
11. Якушкин В.Е. Сперанский и Аракчеев. – СПб., 1905.

А. Ю. Пиджаков*, В. А. Хороших**

Педагогическая и научная деятельность Н. А. Рынина до Первой мировой войны

В статье рассматривается ранний период научно-педагогической деятельности профессора Н.А. Рынина, внесшего весомый вклад в развитие и становление различных областей науки и техники: начертательной геометрии, строительной механики, аэродинамики и организации воздушных сообщений. Авторы делают акцент на научной и преподавательской деятельности ученого в Институте инженеров путей сообщения.

The article deals with the early period of the scientific and pedagogical activity of Prof. N. A. Rynin, who contributed significantly to the development of the various fields of science and technology: descriptive geometry, building mechanics, aerodynamics and aviation. The authors focus on academic research and teaching activities at the Institute of transportation engineers.

Ключевые слова: авиация, воздухоплавание, Институт путей сообщения, специальные дисциплины.

Key words: aircraft, aviation, institute of communications, special disciplines.

Николай Алексеевич Рынин родился в Москве 11 декабря 1877 г. в семье чиновника военного ведомства. В 1888 г. он поступил в Симбирскую мужскую классическую гимназию (которую за год до этого окончил В.И. Ленин). В 1896 г. Н.А. Рынин отправился в Петербург с намерением поступить в старейшее транспортное высшее учебное заведение России – Институт инженеров путей сообщения [7, с. 7–8]. 30 лет педагогической и научной деятельности Н.А. Рынина были неразрывно связаны с этим вузом.

В начале XX в. в России и за рубежом стало бурно развиваться воздухоплавание. Среди талантливых инженеров и выдающихся ученых, стоявших у истоков отечественного воздухоплавания, был и Н.А. Рынин. 1907 г. был переломным в его жизни и научной деятельности.

* **Пиджаков Александр Юрьевич**, доктор юридических наук, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой международного права, Санкт-Петербургский государственный университет гражданской авиации, Заслуженный деятель науки РФ, Почетный работник высшего профессионального образования РФ.

** **Хороших Владимир Алексеевич**, кандидат исторических наук, Рыльский авиационный техникум гражданского авиации, Заслуженный работник транспорта РФ.

В начале 1908/1909 учебного года в Институте инженеров путей сообщения организовался студенческий кружок по изучению воздухоплавания, почетным членом и руководителем которого с первого дня его основания становится Н.А. Рынин. На заседании Совета института 9 апреля 1909 г. был утвержден устав этого кружка, в котором были сформулированы основные цели кружка: изучение научных основ воздухоплавания, ознакомление с современным состоянием техники и популяризация идеи воздухоплавания среди студентов института [8].

В Петербургском политехническом институте «мысль о создании кружка относится к марту 1908 г., когда... было вывешено объявление, приглашающее записаться любителей воздухоплавания..., а профессор В.Л. Кирпичев указал на желательных руководителей кружка – инженеров Рынина и Ющенко» [3, с. 703–706]. В Петербургском университете «кружок возник в конце 1908/1909 учебного года... Под воззванием подписалось 100 человек. Был окончательно выработан и проведен через Совет профессоров устав кружка и организованы лекции Н.А. Рынина...» [2, с. 71–73].

«Новая Русь» писала: «Лекции по воздухоплаванию в предстоящем учебном году будут читаться не только в политехническом институте, но и в институте путей сообщения. За организацию лекций взялся местный студенческий воздухоплавательный кружок. Предполагается устраивать их по вечерам и сделать их доступными также для посторонних лиц. Лекторами будут приглашены специалисты из профессоров института и военно-инженерной академии» [4].

Уже в первый год существования кружка его членами под руководством Рынина были подготовлены и прочитаны доклады: «Аппараты легче воздуха за 125 лет», «Аппараты тяжелее воздуха», «Расчет воздушного шара», «О поддерживающих поверхностях» и др. Совет института отнесся сочувственно к начинаниям кружка и уже в 1909 г. «отпустил 150 рублей на покупку книг и журналов».

С целью более широкой популяризации идей воздухоплавания среди студентов и преподавателей, по инициативе Николая Алексеевича с декабря 1908 г. кружок начал издавать журнал «Аэромобиль». В каждом его номере публиковались наиболее интересные доклады студентов и преподавателей, заслушанные на заседаниях кружка, переводы статей иностранных авторов по проблемам воздухоплавания, богатая хроника о первых полетах на воздушных шарах, дирижаблях и аэропланах в России и за границей.

Так, в одном из первых номеров журнала за 1909 г. были опубликованы статьи студентов института А. Пихлака «От шара к дирижаблю» и Д. Уотгофа «Три с половиной месяца деятельности кружка для изучения воздухоплавания» [1, с. 1–26; 27–30]. В другом

номере журнала за этот же год [1, б/н] помещены переводы зарубежных статей о теоретических проблемах воздухоплавания и практике постройки первых летательных аппаратов: В. Татина «Исследование законов сопротивления воздуха» и доклад доктора-инженера Ф. Цеппелина «Знания, полученные при постройке воздушных кораблей», сделанный им 10 июня 1908 г. в Дрездене на собрании союза немецких инженеров. В разделе «Хроника» сообщалось, что «5 марта в зале армии и флота в присутствии многочисленной публики вице-президентом французского аэроклуба, известным авиатором Р. Эсно-Пельтри, было сделано весьма интересное и обстоятельное сообщение "Современные управляемые аэростаты и аэропланы"» [1, с. 17].

Из-за отсутствия специальной литературы и необходимых средств не было возможности проводить в институте широкие экспериментальные исследования в области воздухоплавания, поэтому журнал «Аэромобиль» в первые годы его издания не только выполнял роль пропагандиста и популяризатора, но и являлся единственным источником самообразования студентов. В одном из номеров журнала, в статье от редакции, были сформулированы основные цели его издания: «Кружок для изучения воздухоплавания при Институте инженеров путей сообщения, едва ли не старейшая в России студенческая организация по воздухоплаванию, лишен пока, к сожалению, возможности широкой работы на практике, за отсутствием тех средств, которые необходимы для этого дела, но теоретическая сторона вопроса открыта ему, и в целях самообразования и лучшего ознакомления с открытиями в этой области и всестороннего освещения этого вопроса мы решили приступить к изданию журнала... мы главные силы положим на техническую и теоретическую сторону дела, постараемся разобрать ряд вопросов, осветив их по возможности всесторонне» [1, 1911, с. 3].

О направленности деятельности кружка и объеме его работы можно судить хотя бы по отчету за 1911 г. [1, 1911, с. 3]. В этом году состоялось 10 общих собраний кружка, на которых было заслушано 18 докладов. Наибольший интерес представляли доклады инженера Н.А. Рынина и студента А.Г. Воробьева (впоследствии известный ученый и инженер в области авиации), в которых был проведен обзор отечественных и иностранных книг и журналов по проблемам воздухоплавания и устройству летательных аппаратов. Высокую оценку получили доклады студентов А. Думчева «Очерк жизни и деятельности профессора Н.Е. Жуковского в области воздухоплавания», А.И. Иванова «Об одном способе измерения высоты подъема», С.Г. Хорькова «Методы испытания воздушных винтов» и др.

Студенты – члены воздухоплавательного кружка под руководством Рынина принимали личное участие в полетах на воздушных

шарах, аэростатах и аэропланах. 21 октября 1911 г. студенты В. Никольский и Д. Реховский совершили полеты на аэроплане «Фарман» в Гатчине, а студент М. Л. Григорашвили 15 июля 1911 г. получил звание пилота-аэронавта и затем демонстрировал несколько полетов на аэроплане «Блерио» в различных городах России (25 сентября 1911 г. – в Челябинске, 16 октября 1911 г. – в Томске, а затем в Эдинбурге близ Риги и др.) [5, с. 5–7].

Большую организаторскую, учебную и научную работу проводил Н. А. Рынин как руководитель, педагог и ученый. Кружок по изучению воздухоплавания, созданный им в Институте инженеров путей сообщения, просуществовал до 1914 г. Занятия воздухоплаванием прервала Первая мировая война. Члены кружка, как и другие студенты института, были призваны на службу в действующую армию, некоторые из них стали летчиками, многие погибли.

Перед самым началом войны в институте состоялось торжественное заседание в связи с пятилетием кружка (со дня утверждения его устава Советом института). Это было 50-е заседание кружка. Многие члены воздухоплавательного кружка впоследствии стали крупными учеными в области авиации, известными инженерами и конструкторами. Так, один из докладчиков на юбилейном заседании воздухоплавательного кружка А.А. Фридман стал крупным ученым в области динамической метеорологии. В 1922 г. он вывел общее уравнение для определения вихря скорости, которое приобрело фундаментальное научное значение, предложил модель нестационарной Вселенной, составившую основу современной космологии. В 1931 г. за большие заслуги в развитии отечественной метеорологии ему была посмертно присуждена Ленинская премия.

В 1914 г. кружок насчитывал в своем составе более 90 чел. Среди его почетных членов были выдающиеся ученые Н.Е. Жуковский, С.Д. Карейша, П.К. Янковский, Н.Н. Митинский, преподаватели и инженеры Н.А. Рынин, М.В. Заустинский, М.Л. Григорашвили.

Кружок по изучению воздухоплавания и журнал «Аэромобиль», которые были созданы и работали под руководством Н. А. Рынина и при его непосредственном и активном участии, безусловно, сыграли огромную роль в деле пропаганды и популяризации идей воздухоплавания в институте и за его пределами. Занятия в кружке приобщали студентов к изучению теории воздухоплавания и авиации, конструкций летательных аппаратов и предоставляли возможность приобретения опыта первых самостоятельных полетов.

Вместе с тем Николай Алексеевич прекрасно понимал, что для серьезных занятий воздухоплаванием в институте должна быть создана специальная система подготовки кадров на строго научной основе с необходимой экспериментальной базой. Еще в апреле 1909 г. Н.А. Рынин стал факультативно читать лекции по воздухо-

плаванию в Институте инженеров путей сообщения членам кружка и всем интересующимся теорией авиации и устройством летательных аппаратов. В мае 1909 г. Н.А. Рынин обратился к декану и организатору первого в России кораблестроительного факультета Петербургского политехнического института профессору К.П. Боклевскому с предложением организовать курс воздухоплавания: «Многоуважаемый Константин Петрович! Решаюсь обратиться к Вам с предложением, вероятно, для Вас не новым, но, на мой взгляд, весьма важным. Дело в том, что при поразительных успехах, которые теперь обнаруживаются в воздухоплавании за границей, необходимо в России как можно скорее серьезно заняться этим вопросом, поставить изучение его на строго научную и прочную почву... я решаюсь обратиться именно к Вам с предложением учредить преподавание курса воздухоплавания при кораблестроительном отделении. (Ведь воздухоплавательный аппарат есть именно корабль, и методы изучения первого весьма похожи на методы изучения второго).

Хотелось бы, чтобы в кораблестроительном отделении, как первом в своем роде в России, правительство поставило бы изучение и преподавание воздухоплавания на прочное основание, и это будет иметь, очевидно, громадное историческое значение... Я не скрываю, что очень желал бы принять участие в этом преподавании и еду летом за границу для изучения различных вопросов по воздухоплаванию, и между прочим на воздухоплавательную выставку во Франкфурте-на-Майне.

В крайнем случае я согласился бы вести преподавание без всякого ассигнования кредита, так как выписать книги и журналы по воздухоплаванию можно было бы за счет общих ассигнований на библиотеку, а относительно же производства опытов можно было бы войти в сношения с другими учреждениями. При сем прилагаю примерную программу по курсу воздухоплавания.

Преданный Вам Н. Рынин. 6 мая 1909 г.» [10. Ф. 478. Оп. 7. Д. 3. Св. 595. Л. 1–2].

Прилагаемая Н. А. Рыниным программа по курсу воздухоплавания включала следующие разделы: 1) введение в курс воздухоплавания; 2) воздух и его свойства; 3) полет по воздуху в природе; 4) воздухоплавательные двигатели; 5) конструкция воздухоплавательных аппаратов; 6) служба движения в воздухоплавании; 7) воздухоплавательные заводы и мастерские; 8) воздухоплавательные выставки; 9) конкурсы, лекции, испытательные станции и пр.; 10) роль воздухоплавания в развитии других наук и роль последних в развитии воздухоплавания; 11) история воздухоплавания; 12) заключение [10. Ф. 478. Оп. 7. Д. 3. Св. 595. Л. 3–4].

12 мая 1909 г. при кораблестроительном отделении Петербургского политехнического института под председательством Боклевского состоялось первое заседание комиссии по вопросу об учреждении курса воздухоплавания [6, с. 116]. На заседании присутствовало 11 чел., в том числе крупный ученый в области теоретической и прикладной механики И.В. Мещерский, а также Н.А. Рынин и М.А. Шателен. Были намечены основные разделы курса:

1. Теоретическая аэродинамика; сопротивление воздуха, работа винтов.

2. Механизмы двигательные и вспомогательные.

3. Конструкция и расчет управляемых аэростатов и аэропланов.

М.А. Шателен предложил ввести в программу основы метеорологии, а Н.А. Рынин изложил свой проект учебного плана, в который рекомендовал ввести лабораторные работы по определению сопротивления воздуха, испытанию двигателей и частей воздухоплавательных аппаратов. В решении комиссии было записано: «...просить Н.А. Рынина и В.Ф. Найденова подготовить программу курса «Конструкция и расчет управляемых аэростатов и аэропланов»». В мае 1909 г. Совет Политехнического института обратился в Совет министров с просьбой учредить курсы воздухоплавания, но утверждены такие курсы были только 15 декабря 1909 г., после долгой переписки.

В это же время вопросы изучения и преподавания воздухоплавания рассматривались и в Институте инженеров путей сообщения. 28 июля 1909 г. Совет института обсудил рапорт Митинского об организации занятий и чтении лекций по воздухоплаванию и принял решение «навести справки о постановке преподавания воздухоплавания в Петербургском политехническом институте» [10. Ф. 381. Д. 568. Л. 143–144].

Между тем Н.А. Рынин летом 1909 г. выехал в командировку за границу – во Францию и Германию, где присутствовал на состязаниях аэропланов в Шампани, осматривал воздухоплавательный отдел промышленной выставки в Нанси, посещал школу воздухоплавания в По, высшую школу авиации в Париже и ознакомился с новейшими летательными аппаратами на воздухоплавательной выставке во Франкфурте-на-Майне [10. Ф. 381. Оп. 13. Д. 3786. Л. 2]. По возвращении в Россию он сделал доклад в Институте инженеров путей сообщения по результатам поездки «Новейшие успехи воздухоплавания» и опубликовал в 1910 г. две статьи: «Новейшие успехи воздухоплавания» и «Аэромеханические лаборатории: Историческая справка с добавлением различных данных об устройстве современных лабораторий».

5 сентября 1909 г. Митинский вновь подал рапорт на имя директора института: «Принимая во внимание то громадное развитие, которого достигло в настоящее время воздухоплавание, как с

теоретической, так и с практической стороны, явилось бы желательным и отвечающим требованиям жизни учреждение в Институте инженеров путей сообщения систематических лекций и занятий, относящихся к воздухоплаванию и изучению новых "воздушных" путей сообщения.

Ввиду этого имею честь внести в Совет предложение об организации курса воздухоплавания в Институте инженеров путей сообщения в этом же учебном году, идя тем самым навстречу желанию самих студентов института, организовавших в прошлом учебном году воздухоплавательный кружок. Со своей стороны рекомендовал бы пригласить для чтения лекций и организации занятий по воздухоплаванию преподавателя Института инженеров путей сообщения, адъюнкта прикладной механики С.-Петербургского политехнического института, инженера путей сообщения Н.А. Рынина, который, как мне известно, давно занимается воздухоплаванием, а лето сего года посвятил изучению воздухоплавания за границей» [10. Ф. 381. Оп. 13. Д. 568 а. Л. 739].

На заседании Совета Института инженеров путей сообщения 24 сентября 1909 г. был обсужден этот рапорт и было принято решение «организовать в текущем учебном году чтение общего курса воздухоплавания и курса двигателей внутреннего сгорания для автомобильного дела и воздухоплавания» [10. Ф. 381. Оп. 13. Д. 568 а. Л. 156–158].

Накануне этого заседания Н.А. Рынин подал рапорт на имя директора института с просьбой предоставить ему право чтения лекций по воздухоплаванию: «Имею честь просить о предоставлении мне в Институте инженеров путей сообщения чтения лекций по воздухоплаванию, если курс последних будет введен в институте... Вопросами аэромеханики я занимаюсь уже давно. С новейшими успехами техники и воздухоплавания я имел возможность познакомиться за лето сего года во время заграничной поездки. Зимой 1908–1909 года мною был сделан доклад в С.-Петербургском политехническом институте под заглавием «Аэроплан братьев Райт. Его устройство и управление»... Кроме того, я состою секретарем Научно-технического комитета Всероссийского аэроклуба и принимаю участие в рассмотрении проектов воздухоплавательных аппаратов, поступающих в аэроклуб. Я состою уже 9-й год преподавателем Института инженеров путей сообщения и 5 лет преподаю прикладную механику в С.-Петербургском политехническом институте.

Адъюнкт прикладной механики Н. Рынин. 9 сентября 1909 г.» [10. Ф. 381. Оп. 13. Д. 3786. Л. 4].

Учитывая этот рапорт и рекомендацию Митинского, Совет института 15 октября 1909 г. поручил Н.А. Рынину чтение общего курса воздухоплавания. Для чтения лекций в неделю выделялось по

2 ч в течение учебного семестра или по 1 ч в течение года. Сразу же после этого решения Совета, в октябре 1909 г., Н.А. Рынин приступил к чтению лекций по общему курсу воздухоплавания по следующей программе:

1. Применение метеорологии к воздухоплаванию (аэрология).
2. Общее описание устройства и эксплуатации воздухоплавательных аппаратов легче воздуха (воздушных шаров и дирижаблей).
3. Общее описание устройства и эксплуатации воздушных аппаратов тяжелее воздуха (аэропланов).

12 ноября 1909 г. Совет Института инженеров путей сообщения заслушал доклад Н.А. Рынина о постановке преподавания общего курса воздухоплавания и одобрил программу и содержание лекций [10. Ф. 381. Оп. 13. Д. 568. Л. 210–214], а 15 декабря Особый журнал Совета министров в разделе «О мерах к развитию воздухоплавания в России» уже сообщал: «Совет министров выслушал словесные объяснения товарища министра путей сообщения, сенатора Мясоедова-Иванова, заявившего, что в текущем учебном году курс воздухоплавания введен уже в Институте инженеров путей сообщения, причем необходимые на оплату лекций расходы покрываются из специальных средств названного учебного заведения... Не говоря уже о всестороннем инженерном образовании, которое дает своим слушателям высшее учебное заведение ведомства путей сообщения, при нем особенно хорошо поставлено преподавание весьма обширного курса легких машин, применяемых, как известно, в качестве двигателей к воздухоплавательным аппаратам. Таким образом, студенты старших курсов являются уже основательно подготовленными для восприятия основ воздухоплавания» [9. Ф. 418. Оп. 1. Д. 1356. Л. 203–210].

14 мая 1910 г. Николай Алексеевич докладывал Совету института об итогах первого года преподавания курса воздухоплавания [10. Ф. 381. Д. 569 а. Л. 328–329]. Он указывал, что число слушателей в среднем составляло не менее 50, а последние лекции во втором семестре 1909/1910 учебного года посещало около 100 студентов. С целью их ознакомления с конструкциями летательных аппаратов и экспериментальными работами в лабораториях были организованы экскурсии в Аэродинамический институт на станции Кучино близ Москвы, музей прикладной механики Московского университета и на Коломяжский ипподром в Петербурге для осмотра новейших аэропланов.

В течение года студенты выполняли рефераты по различным вопросам воздухоплавания, из которых наивысшую оценку получили доклады В. Никольского «О наблюдениях Шарля Рише за полетом птиц», А. Лебедева «Устройство приборов для испытания винтов» и

А. Воробьева «Дирижабль Торрес-Квеведо». Была издана первая часть лекций Н.А. Рынина по курсу воздухоплавания «Аэрология» и сдана в печать вторая – «Аэростатика».

Николай Алексеевич прекрасно понимал, что выполнение широкой учебной программы и проведение серьезной научной работы по воздухоплаванию в институте невозможно без создания экспериментальной базы, без аэромеханической лаборатории. К созданию аэромеханического кабинета в Институте инженеров путей сообщения Н.А. Рынин приступил еще в начале 1909 г., в чем большую помощь ему оказывали студенты – члены воздухоплавательно-го кружка. К этому времени кружок располагал большим количеством отечественных и иностранных книг и журналов по воздухоплавательной тематике, разнообразными метеорологическими инструментами и приборами.

22 октября 1909 г. Рынин обратился с рапортом на имя директора института, в котором убедительно доказывал необходимость создания аэромеханической лаборатории и просил выделить для этой цели помещение и средства: «Для того чтобы поставить преподавание на строго научную почву и получить возможность произвести новые исследования в этой области, необходимо при институте устроить аэромеханическую лабораторию, которая могла бы способствовать разрешению ряда вопросов, представляющихся при проектировании воздухоплавательных аппаратов [10. Ф. 381. Д. 568 а. Л. 881].»

На заседании 9 ноября 1909 г. директор института информировал членов Совета о том, что «Межведомственное совещание, в котором принимали участие представители государственного контроля и Министерства финансов, признало возможным ввиду организации в институте аэромеханической лаборатории увеличить суммы, исчисленные совещанием на устройство новых зданий института, на 103 тыс. руб.» [10. Ф. 381. Д. 568. Л. 217].

12 ноября того же года на очередном заседании Совета был заслушан доклад Н.А. Рынина об устройстве и оборудовании аэромеханической лаборатории. Он перечислил основные приборы, которыми должна быть оснащена лаборатория. Это в первую очередь приборы для изучения законов сопротивления воздуха при движении моделей воздухоплавательных аппаратов, законов давления воздуха, движущегося с известной скоростью навстречу неподвижным моделям, а также приспособления для испытания винтов – пропеллеров и для изучения действия аппаратов с реактивными двигателями (уже в 1909 г. его интересовали вопросы реактивного движения). Как инженер-путеец он считал необходимым иметь в лаборатории приборы для изучения аэродинамических свойств воздуха в применении к железнодорожному делу – выясне-

ния характера снежных и песчаных заносов, расчета мостов, маяков и крыш.

Н.А. Рынин в докладе сформулировал и основные научные проблемы, которые должны были исследоваться экспериментально и теоретически в лаборатории:

«1) изучение законов сопротивления воздуха (определение коэффициентов сопротивления воздуха для различных поверхностей и их комбинаций, центра давления воздуха на разные поверхности и подъемной силы пропеллеров разной формы и пр.);

2) рассмотрение практических приложений этих законов к проектированию различных летательных аппаратов (воздушных змеев, планеров, аэростатов, дирижаблей, аэропланов, вертолетов, ортоптеров, орнитоптеров и реактивных снарядов)».

После обсуждения доклада Совет института принял решение расположить аэромеханическую лабораторию в подвальных помещениях института и «просить профессора И.С. Китнера совместно с инженерами Н.А. Рыниным и М.В. Заустиным выработать дальнейший план аэродинамической лаборатории и смету новых расходов, связанных с ее устройством» [10. Ф. 381. Д. 568. Л. 210–214].

И уже 28 ноября 1909 г. Н.А. Рынин получил официальный ответ на свой рапорт от директора института, профессора А.А. Брандта: «Совет института 5 сего ноября, заслушав рапорт Ваш от 22 октября с. г., касающийся организации кабинета воздухоплавания при институте, определил.

1. Разрешить Вам приобрести прибор для изучения и демонстрации сопротивления воздуха, ассигновав для этой цели 400 рублей.

2. Просить инспектора института найти помещение для хранения этого прибора.

3. Список журналов и справочных книг по воздухоплаванию, представленный Вами, передать в библиотечную комиссию» [10. Ф. 381.3. Д. 3786. Л. 3].

Этим было положено начало создания в институте аэромеханической лаборатории.

12 января 1910 г. Н.А. Рынин сделал доклад в Собрании инженеров путей сообщения, в котором четко определил программу научных исследований только что созданной аэромеханической лаборатории:

1) определение сопротивления плоской пластинки при движении воздуха по нормали к ее поверхности;

2) определение сопротивления плоской пластинки при движении воздуха под углом к нормали ее поверхности;

3) определение сопротивления кривой поверхности;

4) определение сопротивления тел различной геометрической формы;

5) определение коэффициента трения воздуха;

б) исследование воздушных винтов;

а) определение силы тяги винта;

б) определение работы, затрачиваемой на вращение винта;

в) определение коэффициента полезного действия винта;

г) определение момента сопротивления винта.

В 1909/1910 учебном году планировалось значительное расширение помещений института, и Министерство путей сообщения наметало сооружение аэродинамической лаборатории, понимая, что «постановка преподавания воздухоплавания требует, чтобы теоретический курс сопровождался практическими занятиями в специально приспособленных вспомогательных учреждениях» [9. Ф. 418. Оп. 1. Д. 1356. Л. 203]. Пока правительство и министерские чиновники рассматривали «целесообразность этого вопроса», Н.А. Рынин продолжал работу над созданием аэродинамической лаборатории. Сначала это был небольшой кабинет (15 м²), в котором студенты проводили простейшие опыты по определению механических свойств воздуха. Но уже в мае 1910 г. в лаборатории была установлена малая аэродинамическая труба (диаметром 0,3 м, мощностью двигателя 0,25 л. с.), и Николай Алексеевич передал в дар институту разработанный и изготовленный им прибор для испытания воздушных винтов. В рапорте от 10 мая 1910 г. на имя директора института он писал: «Представляю при сем изготовленный мною прибор для испытания воздушных винтов... Прибором можно определять:

1) работу винта,

2) силу тяги винта,

3) момент сопротивления вращению.

Кроме того, прибор снабжен пустотелым винтом и приспособлен для изучения давлений и направления воздушных струй в любой точке винта при его вращении. Преподаватель Н. Рынин» [10. Ф. 381. Д. 569 а. Л. 324].

Совет института на заседании 20 мая 1910 г. «принял в дар прибор для испытания воздушных винтов и высказал Н.А. Рынину благодарность» [10. Оп. 13. Д. 3786. Л. 14].

В 1911 г. лаборатория была расширена до 30 м², и в ней была установлена вторая аэродинамическая труба диаметром 0,65 м с двигателем мощностью 16 л. с. Н.А. Рынин приобрел и сам конструировал, разрабатывал и вместе со студентами изготовлял различные приборы для изучения законов сопротивления воздуха. Уже

в 1911 г. в лаборатории были установлены приборы, позволяющие изучать давление ветра на здания, крыши, мосты, определять горизонтальные и вертикальные составляющие, и центр давления ветра на различные поверхности, и исследовать зависимость давления воздуха на тела от изменения их угла наклона к его направлению. В лаборатории имелось множество моделей различных геометрических фигур, поверхностей, зданий, мостов, снежных защит и летательных аппаратов.

24 февраля 1911 г. Н.А. Рынин обратился в Совет института с просьбой «о разрешении аэромеханическому кабинету и воздухоплавательному кружку при Институте инженеров путей сообщения принять участие в устраиваемой в Петербурге в апреле месяце с. г. 1-й Международной воздухоплавательной выставке». Совет института принял положительное решение и ассигновал Рынину 200 р. на расходы, связанные с подготовкой экспонатов [10. Ф. 381. Оп. 1. Д. 570. Л. 258].

Николай Алексеевич представил на выставку малую аэродинамическую трубу и прибор для испытания воздушных винтов собственной конструкции. От Института инженеров путей сообщения экспонировалось несколько приборов для измерения давления воздуха на различные поверхности и образцы механических испытаний частей аэростата. Кроме того, были представлены несколько студенческих работ (проект свободного аэростата, диаграммы и чертежи различных приборов, планер студента К.М. Леонтьева и др.) и печатные труды членов воздухоплавательного кружка (журнал «Аэромобиль», учебные курсы Рынина «Аэрология», «Аэростатика» и др.).

Участие Института инженеров путей сообщения в 1-й Международной воздухоплавательной выставке было весьма успешным. В списке наград, присужденных участникам этой выставки, утвержденном 28 апреля 1911 г. министром торговли и промышленности, значились и институт и лично Н. А. Рынин: «... 45. Институту инженеров путей сообщения, СПб. Поощрительный отзыв Русского технического общества за содействие развитию воздухоплавания своими работами в этой области.

... 49. Инженеру путей сообщения Н.А. Рынину. СПб. Поощрительный отзыв Русского технического общества за полезную деятельность в области экспериментального изучения воздухоплавания».

Вернулся Н. А. Рынин из-за границы с новыми творческими идеями, планами и замыслами и с удвоенной энергией приступил к учебной и научной работе. В первую очередь он добился строительства в лаборатории большой (диаметром 2,5 м) аэродинамиче-

ской трубы. Совет института «с целью выяснить вопрос о наиболее рациональном устройстве большой аэродинамической трубы во вновь строящихся зданиях института» постановил поручить Рынину «устроить опытную трубу малого размера, подобную проектируемой большой, и выяснить ее работу» [10. Ф. 381. Оп. 1. Д. 570. Л. 258], ассигновав для этой цели 800 р.

Уже 8 декабря 1912 г. Н.А. Рынин в рапорте Совету института докладывал о готовности этой экспериментальной трубы: «В настоящее время эта труба готова, опыты в ней производятся; равным образом закончено оборудование помещения, где находится эта труба (бывший музей), и студенты имеют возможность производить ряд работ по аэродинамике» [10. Ф. 381. Оп. 1. Д. 570. Л. 258]. Этот рапорт был рассмотрен на заседании Совета института 20 декабря 1912 г., и было вынесено решение «учесть увеличение потребных средств при составлении сметы на 1913 г.» [10. Ф. 381. Оп. 1. Д. 570. Л. 168].

Несмотря на относительную скромность оборудования аэромеханической лаборатории, Н.А. Рынин уже в начале 1913 г. намечал довольно широкую программу научных исследований:

- 1) определение давления ветра на здания и крыши;
- 2) определение давления ветра на фермы мостов;
- 3) определение геометрической формы передней части паровоза для уменьшения его лобового сопротивления;
- 4) аэродинамические испытания пропеллеров;
- 5) распределение давления ветра на поверхности змейкового аэростата.

К середине 1914 г. большая часть этой программы была выполнена, и результаты научных исследований были опубликованы в первых двух выпусках Трудов аэромеханической лаборатории (которые по инициативе Н.А. Рынина Институт инженеров путей сообщения начал публиковать с 1913 г.).

В апреле 1914 г. Н.А. Рынин представил в Совет института записку с просьбой предоставить кредит в размере 80 700 р. на постройку большой аэродинамической трубы и на оборудование новой аэромеханической лаборатории. К записке прилагались подробный проект лаборатории, смета расходов на ее строительство и оборудование и положительные отзывы на этот проект профессоров Н.Е. Жуковского и К.П. Боклевского [10. Ф. 381. Оп. 9. Д. 1. Л. 53–55]. Совет института решением от 8 мая 1914 г. утвердил смету на сооружение новой аэромеханической лаборатории [10. Ф. 381. Оп. 9. Д. 1. Л. 60], но строительство ее было прервано начавшейся войной.

Список литературы

1. Аэромобиль. – 1909. – № 2.
2. Библиотека воздухоплавания. – 1909. – № 1.
3. Воздухоплаватель. – 1909. – № 10.
4. Новая Русь. – 1909. – 22 (09) сент.
5. Преподавание воздухоплавания и деятельность кружка для изучения воздухоплавания в Институте инженеров путей сообщения. – СПб., 1914.
6. Повх И.Л. Первая высшая авиационная школа в России // Тр. ЛПИ. – 1948. – № 1.
7. Тарасов Б.Ф. Николай Алексеевич Рынин. 1877–1942. – Л.: Наука, 1990. – 168 с.
8. Устав кружка по изучению воздухоплавания в Институте инженеров путей сообщения. – СПб., 1909.
9. Центральный государственный архив Военно-морского флота (ЦГАВМФ). Ф. 418. Оп. 1. Д. 1356.
10. Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб).

ИСТОРИЯ НАУКИ И ТЕХНИКИ

УДК 006.91(091)(470.13) «1935/1941»

*И. А. Мартюшев**

О деятельности Коми отделения мер и весов по упорядочению измерительного хозяйства Коми АССР в довоенное время

В статье исследуется деятельность местного органа по метрологии, находящегося и обслуживающего территорию Коми АССР. Особое внимание уделено рассмотрению работ по осуществлению государственного метрологического надзора.

The article deals with activities of the local authority on metrology, located and functioning Komi ASSR. The emphasis is on studying activities directed at the state metrological supervision.

Ключевые слова: измерительное хозяйство; метрологический надзор; метрология; поверка и клеймение средств измерений; стандартизация.

Key words: Measuring base; metrological supervision; metrology; checking and a marking-off of measuring apparatuses; standardization.

Деятельность по стандартизации является одним из действенных инструментов нормативно-технического обеспечения развития промышленности и научно-технического прогресса. Руководство Советского государства, осознавая это, уже в первые годы становления СССР заботилось о разработке и практическом внедрении научно обоснованных форм и методов рационализации параметров выпускаемой продукции и применяемых технологических процессов производства, об установлении при помощи стандартов обоснованных требований к качеству выпускаемой продукции и реализуемых услуг. Велика роль стандартизации в повышении эффективности всех видов деятельности по организации производства продукции, укреплении обороноспособности и в целом для ускорения экономического и технического развития страны.

Наряду со стандартизацией, метрология как деятельность по установлению обязательных технических и юридических требований по применению единиц физических величин и методов и

* **Мартюшев Иван Анатольевич**, аспирант, Институт языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук, г. Сыктывкар.

средств обеспечения единства измерений также является одним из элементов деятельности по рационализации производства. Принимая это во внимание, руководство их деятельностью было объединено в одном государственном органе. Общесоюзный орган по стандартизации и метрологии имел разветвленную сеть территориальных органов и служб, которые осуществляли методологическую и практическую работу по стандартизации и метрологии на территории соответствующих союзных республик, а также в автономных республиках, краях, областях и крупных промышленных центрах [1, с. 4].

16 июля 1935 г. в Коми области, в г. Сыктывкаре было официально открыто Коми отделение мер и весов Архангельского управления мер и весов Центрального управления мер и весов Всесоюзного Комитета по стандартизации при Совете Труда и Обороне СССР. В 1936 г. все учреждения Центрального управления мер и весов на всей территории СССР были подчинены Народному комиссариату внутренних дел СССР, а Отделение в Коми области было преобразовано в самостоятельное Коми Отделение мер и весов при СНК Коми АССР, подчиненное Главному управлению мер и весов при НКВД СССР. В 1938 г. СНК ликвидировал Главное Управление мер и весов и создал Комитет по делам мер и измерительных приборов при СНК СССР. Коми отделение мер и весов было подчинено Комитету по делам мер и измерительных приборов при СНК СССР. В 1939 г. все местные органы были реорганизованы в Управления уполномоченных Комитета по делам мер и измерительных приборов, а Коми отделение мер и весов стало называться Управлением уполномоченного Комитета по делам мер и измерительных приборов при СНК Коми АССР.

Основными документами, составлявшими нормативную правовую базу деятельности местных метрологических органов были совместное Постановление Центрального исполнительного комитета СССР № 104 и СНК СССР № 2104 от 09 сентября 1934 г. «О мерах и весах» [15] и Положение об органах стандартизации от 17 июня 1933 г. [16].

В соответствии с Положением об органах стандартизации, Всесоюзный комитет стандартизации имел своих уполномоченных при экономических советах союзных республик, за исключением РСФСР, а также имел уполномоченных в автономных республиках, краях, областях и крупных промышленных центрах. Основной задачей местных органов был непосредственный контроль за работой по стандартизации и за состоянием контрольно-измерительного хозяйства [16]. В Постановлении «О мерах и весах» утверждалось, что весы, гири, литры, метры и другие измерительные приборы по списку, устанавливаемому СНК СССР, подлежали обязательному

клеймению, монополю, осуществляемому Центральным управлением мер и весов и его местными органами [15].

Основным направлением деятельности Коми отделения была метрология и, в частности, осуществление государственного метрологического надзора. Формами такого надзора были следующие:

1. Государственная поверка и клеймение средств измерений.
2. Проверки состояния и применения средств измерений, деятельности ведомственных метрологических служб в организациях и на предприятиях, соблюдения метрологических правил (ревизионная работа).
3. Регистрация предприятий и организаций, изготавливающих, ремонтирующих и поверяющих средства измерений.

Основную часть работ по всем этим направлениям осуществляли специально подготовленные государственные поверители.

Основным видом деятельности в первые годы функционирования Коми отделения мер и весов была государственная поверка и клеймение мер и измерительных приборов. Государственная поверка являлась основным методом поддержания точности измерений мер и измерительных приборов, что необходимо для обеспечения единства измерений на территории всей страны. Кроме деятельности по государственной поверке и клеймению измерительных приборов Коми отделением мер и весов также осуществлялась ревизионная работа. Назначением ревизионной работы было выявление количества, состава и качества измерительных приборов в отдельных организациях, входящих в систему того или иного ведомства и в целом по территории республики. Выявлялось общее количество приборов, количество законных и незаконных приборов. Деятельность по регистрации предприятий и организаций, изготавливающих или ремонтирующих измерительные приборы, осуществлялась в незначительном объеме.

Трудно переоценить значимость деятельности по метрологическому надзору для хозяйства республики. В первую очередь от качества данного вида деятельности зависела точность всех производимых измерений в промышленности и торговле региона. Это было важно как для огромных предприятий и целых отраслей народного хозяйства (в частности, позволяло производить наиболее точные расчеты, более рационально использовать имеющиеся ресурсы и планировать свою деятельность), так и для каждого гражданина, являющегося конечным потребителем товаров и услуг. Деятельность по метрологическому надзору была объявлена в качестве наиболее действенной меры против обмеривания и обвешивания. Кроме того, применение в работе неисправных, неверных или незаконных, т. е. без соответствующих поверительных клейм,

измерительных приборов и оборудования было запрещено и влекло за собой ответственность в соответствии с законодательством (в основном в виде штрафов и других экономических санкций).

В связи с тем, что Коми АССР была республикой сельскохозяйственной, промышленных предприятий, как например машиностроительных, металлургических заводов, производящих новые измерительные приборы, не было. Но в то же время огромные природные богатства Печорского края в связи со строительством стратегически важной железной дороги Котлас-Воркута быстро превращали Коми край в крупный индустриальный район, в топливную базу всего Советского Севера и города Ленинграда, в частности. В районах Ухты и Воркуты работали сотни нефтяных вышек, нефтеперерабатывающие и ремонтно-механические заводы и электростанции. Предприятия Ухты обеспечивали бензином и керосином не только нужды Коми АССР, но и отправляли эти продукты потребителям за пределами республики. Из Воркуты вывозилось огромное количество каменного угля. Немаловажное место Коми АССР занимала и в пушном хозяйстве, и особенно в лесозаготовках. Общая площадь лесов республики насчитывала более 27 млн га, что ежегодно давало для промышленности свыше 10 млн кубометров высококачественной древесины.

На 1937 г., т. е. в первые годы деятельности Коми отделения мер и весов, Коми АССР состояла из 12 районов (не считая г. Сыктывкара). На ее территории насчитывалось 657 колхозов, 23 совхоза и МТС, 192 промышленных предприятия, 814 торговых предприятий, 43 заготовительные организации, 61 организация транспорта, 112 органов здравоохранения, 140 органов связи, 270 прочих организаций, имеющих измерительные приборы [4. Л. 2]. К 1941 г. Коми АССР состояла уже из 16 районов с райцентрами, четырех рабочих поселков и одного города – Сыктывкара. Всего на территории Коми края имелось более 50 промышленных предприятий, 8 совхозов, 16 МТС, до 700 колхозов, более 1000 торговых точек, 300 пунктов органов здравоохранения, 175 пунктов органов связи, 15 заготовительных организаций [11. Л. 86]. Все эти организации имели для своей работы измерительные приборы и средства измерения, которые и составляли базу деятельности Коми отделения мер и весов. Ежегодно проверке подвергались до 6–8 районов республики.

Предприятия и организации, имевшие в своем хозяйстве подавляющую часть измерительных приборов и оборудования (более 90 %), находились в ведении Центрального союза потребительских обществ, Народного комиссариата торговли, Народного комиссариата пищевой промышленности, Народного комиссариата легкой

промышленности, Народного комиссариата лесной промышленности, Народного комиссариата земледелия, Народного комиссариата зерновых и животноводческих совхозов, Народного комиссариата водного транспорта, Народного комиссариата здравоохранения.

Вся работа по поверочной и ревизионной деятельности планировалась по кварталам, полугодиям и в целом на год, составлялись графики по обслуживанию районов и организаций. Однако в работе Коми отделения мер и весов были значительные трудности, что не позволяло выдерживать график и выполнять план.

Одним из наиболее значимых препятствий в работе Коми отделения мер и весов были трудности с транспортом и бездорожье. Территория Коми АССР составляла 395 тыс. кв. км, а расстояние от одной точки до другой в ряде случаев составляло до 400 км. Своего автотранспорта у Коми отделения долгое время не было, поэтому приходилось пользоваться всевозможным транспортом, начиная с оленьих упряжек и заканчивая самолетом. Были случаи, когда при отсутствии транспортных средств государственные поверители ходили от одного пункта до другого пешком, а необходимые для работы контрольные приборы оставляли на хранение до возможности движения какого-либо вида транспорта. При работе в колхозах, на внутриколхозных территориях перевозками занимались на лошадях, а в периоды, когда все лошади находились на лесозаготовках, контрольные приборы приходилось перевозить на коровах. Ситуация особенно обострялась весной и осенью, в период бездорожья. Все это вело к вынужденным простоям в работе [13. Л. 308]. Указанные проблемы с передвижением по районам республики также влияли и на качество ревизионной работы. При проведении ревизионной работы, выявлялся один из важнейших показателей, характеризующих качество измерительного хозяйства отдельных организаций, районов и Коми АССР в целом – общее количество и доля незаконных измерительных приборов. По окончании проведения ревизии в той или иной организации и при выявлении в ней незаконных приборов в обязательном порядке составлялся акт ревизии и давалось предписание, обязывающее привести ее измерительное хозяйство в законное состояние. В целях проверки того, насколько точно выполняются предписания, данные Коми отделением мер и весов, через определенные интервалы времени планировалось проведение в данных организациях повторных ревизий. Однако повторный выезд в районы удавалось осуществить очень редко, что делало проведение повторных ревизий по каждой из обревизованных точек почти невозможным.

Для решения вопроса обеспечения транспортными средствами постановлением Правительства Коми АССР было предусмотрено в

одном из пунктов обязать председателей райисполкомов оказывать содействие по передвижению государственных поверителей с контрольными приборами к пунктам государственной поверки. Но в большинстве случаев данное предписание не выполнялось, и райисполкомы отказывали в предоставлении транспорта.

В качестве примера можно привести объяснительную записку о деятельности одного из государственных поверителей Коми отделения мер и весов В.Н. Богданова в Прилузском районе. Для организации работы планировалось открыть два временных отделения в разных населенных пунктах данного района. После окончания работы одного из временных отделений и для перевозки оборудования весом 500 кг в другой населенный пункт государственный поверитель обратился за помощью в предоставлении транспорта в Прилузский райисполком, где получил отказ в предоставлении транспорта и предложение о передвижении на попутных лошадях. Однако попутных лошадей было мало и все они были с грузами. В итоге для решения вопроса пришлось отложить переезд государственного поверителя с контрольными измерительными приборами на несколько дней. Райисполком даже не помог в переброске груза на расстояние 500 м до ближайшего склада мастерской районного комбината для временного хранения там приборов. Государственному поверителю с помощниками пришлось самим на руках переносить измерительные приборы [6. Л. 15]. Документов с подобными примерами, характеризующими деятельность государственных поверителей в районах, сохранилось достаточно много.

Основной формой работы государственных поверителей в районах была организация временных отделений. По прибытии государственного поверителя в район райисполком вызывал на совещание руководителей всех организаций района, где выносил решение о том, в каких населенных пунктах района и в какие сроки поверитель будет производить поверку и клеймение приборов, а также устанавливал график предоставления приборов на государственную поверку. Все это оформлялось соответствующим постановлением, обязывающим все учреждения и предприятия, а также тех граждан, которые применяют измерительные приборы для целей торговли и производства, к представлению их на поверку и клеймение в установленные сроки. Средняя продолжительность работы временного отделения составляла 30 календарных дней, однако в ряде случаев данный срок составлял 90 и более дней. Учреждения и предприятия были обязаны бесплатно предоставлять государственным поверителям помещение, рабочую силу и вспомогательное оборудование, необходимое для проведения поверочных действий.

Работа государственного поверителя начиналась с получения сведений от организаций о наличии у них измерительных приборов, после чего проводилась непосредственная государственная поверка. Предоставление приборов по графику в основном не выдерживалось. Владельцы приборов несвоевременно привозили приборы, затягивали сроки, ссылаясь на всевозможные причины (отсутствие автотранспорта и др.), тем самым увеличивая время пребывания государственных поверителей в районах. Положение осложнялось еще и тем, что в отделении не было точного учета (а по отдельным районам и вообще никаких данных) наличия в обращении измерительных приборов, а также и количества точек по разным отраслям народного хозяйства.

По окончании работы государственные поверители составляли докладные записки для информирования Райисполкомов, а также начальников районных отделений внутренних дел и руководителей организаций о проведенной работе. С возвращением государственных поверителей из поездки по районам они составляли отчетный материал, на основании которого начальник Коми отделения ставил в известность республиканских руководителей об имевших место в той или иной организации результатах и об их обязанности устранить недостатки, выявленные в период работы временных отделений. При обнаружении в организации незаконных приборов (не имевших клейм, с просроченными клеймами), а также загрязненных и неисправных приборов, последние немедленно опломбировывались, изымались из обращения и направлялись в ремонтные мастерские.

Кроме вышеназванных проблем можно отметить также недостатки предоставленного Коми отделению помещения – малого по площади и не подходившего для реализации его функций: недостаточное количество мастерских, занимавшихся ремонтом измерительных приборов и средств измерений, неполная их укомплектованность кадрами; нехватка финансовых средств; слабая помощь местных властей.

Однако общесоюзный орган по делам мер и измерительных приборов не считал, что указанные недостатки должны влиять на реализацию плана и требовал от Коми отделения выполнения в полной мере запланированных показателей, особенно в предвоенное время [12. Л. 13]. Об объеме работы Коми отделения мер и весов и о степени выполнения плановых показателей можно судить из показателей в таблице (в скобках указана степень выполнения установленных плановых показателей) [3. Л. 8, 13, 31; 4. Л. 2; 7. Л. 14, 15, 26, 57; 9. Л. 62; 14. Л. 20; 10. Л. 31; 11. Л. 89, 80].

Количественные показатели работы Коми отделения мер
и весов за 1938–1941 гг.

	1938	1939	1940	1941
Количество охваченных районов	6	8	7	6
Количество открытых временных отделений	8	11	9	12
Периодическая поверка приборов, шт.	10761 (102 %)	14390 (97 %)	31690 (150 %)	22791 (70 %)
Поверка приборов после ремонта, шт.	9673 (67 %)	18042 (88 %)	8742 (90 %)	11150 (79 %)
Поверка приборов в порядке ревизии, шт.	24227 (83 %)	31954 (94 %)	35875 (80 %)	30912 (102 %)
Сумма сборов за выполненные работы, руб.	12497 (74 %)	18352 (69 %)	25246 (128 %)	35325 (89 %)
Объем работы, чел.-дни	438 (82 %)	567 (84 %)	567 (117 %)	603 (93 %)

Многие из вышеназванных проблем удалось решить после открытия новых постоянно действующих отделений, поверочных пунктов и мастерских по ремонту измерительных приборов.

В соответствии с директивами Главного управления мер и весов при НКВД СССР организация новых постоянных отделений должна была строиться с таким расчетом, чтобы новые постоянные отделения открывались в пунктах, имевших значительное количество проверяемых точек (торговые, промышленные предприятия и т. д.) и к которым экономически тяготел ряд районов. Учитывались также и другие моменты: нахождение в данных пунктах административно-политических центров, обеспечение постоянной загрузки на территории, обслуживаемой данным отделением, как правило, не менее двух государственных поверителей. Однако для отдаленных северных районов (к которым, в частности, и относилась часть территории Коми АССР), в которых требовалась по ряду причин организация отделения и которые не обеспечивали загрузку двух государственных поверителей, как исключение могли быть запланированы отделения в составе одного государственного поверителя [2. Л. 42].

В соответствии с этим в 1939 г. в селе Усть-Уса – районном центре Печорского района – планировалось открыть постоянное межрайонное отделение. Хотя предполагалось, что данное отделение будет обслуживать всего три района (Усть-Усинский, Ижемский,

Усть-Цилемский), но необходимость его открытия обуславливалась особой территориальной разбросанностью населенных пунктов в этих районах (от 25 до 350 км до райцентра), а также отдаленностью самих этих районов от центра Коми республики при отсутствии железнодорожной линии и автодвижения [5. Л. 1]. Количество населения в этих районах (без приезжих и з/к) насчитывало до 45000 чел. с числом населенных пунктов до 300. Кроме того в этих районах большое весовое хозяйство имели пункты Ухтижемлага, которые почти не обслуживались [7. Л. 13]. В Усть-Усе данное отделение организовано не было в силу решения о нецелесообразности его открытия, но СНК Коми АССР своим постановлением от 29 апреля 1939 г. обязал Народный комиссариат местной промышленности Коми АССР организовать в селе Усть-Цильма весоремонтную мастерскую для обслуживания районов указанного округа как самой мастерской, так и путем выездных бригад, а уполномоченного Комитета по делам мер и измерительных приборов при СНК Коми АССР – организовать вместе с этим постоянное межрайонное отделение на базе данной мастерской. В ноябре 1940 г. указанная мастерская была организована [8. Л. 69]. Позже, в августе 1941 г. постоянный поверочный пункт был открыт при Княж-погостском депо в поселке Железнодорожном Железнодорожного района. Данное поверочное отделение обслуживало в основном Севжелдорлаг НКВД [8. Л. 102]. В послевоенное время также были организованы постоянные отделения в городах Ухта и Воркута.

Таким образом, стандартизация и метрология стали важными направлениями в управлении народным хозяйством, в результате чего в стране сложилась единая государственная система стандартизации и обеспечения единства измерений, в основу которой была положена высокоразвитая эталонная база и государственная метрологическая служба, охватывающая все уровни народного хозяйства.

Коми отделение мер и весов, образованное в 1935 г., являлось территориальным органом Центрального Управления мер и весов НКВД СССР, осуществляющим метрологический надзор за измерительным хозяйством организаций и предприятий, находящихся на территории Коми АССР. Ежегодно государственной поверке и клеймению подвергалось несколько десятков тысяч мер и измерительных приборов, принадлежащих сотням организаций, осуществляющим свою деятельность на территории Коми АССР.

Однако в первые годы своей работы Коми отделение мер и весов столкнулось с целым рядом проблем и трудностей как субъективного, так и объективного характера, которые не могли не отразиться на результатах его деятельности. В основном это выразилось в невыполнении из года в год ряда запланированных пока-

зателей, что негативно сказывалось на измерительном хозяйстве республики. Учитывая это и в целях повышения эффективности своей деятельности Коми отделению мер и весов следовало более интенсивно использовать и другие формы работы, так как упорядочение измерительных приборов и приведение их в законное состояние путем лишь открытия временных отделений, особенно в столь специфичных климатических и территориальных условиях Коми АССР, было неэффективно и невозможно. Данная форма работы должна была активно дополняться и другими: предъявление соответствующих жестких требований к республиканским организациям и наркоматам, направленных на приведение в законное состояние измерительных приборов в их системах, систематическое проведение организационно-технических мероприятий, более тесная взаимосвязь с органами милиции и ремонтными мастерскими.

Список литературы

1. Белобрагин В.Я. Территориальные органы Госстандарта СССР. – М.: Изд-во стандартов, 1988. – 112 с.
2. НАРК. Ф. р-998. Оп. 1 Д. 1.
3. НАРК. Ф. Р-998. Оп. 1. Д. 4.
4. НАРК. Ф. р-998. Оп. 1 Д. 6.
5. НАРК. Ф. р-998. Оп. 1 Д. 7.
6. НАРК. Ф. р-998. Оп. 1 Д. 9.
7. НАРК. Ф. р-998. Оп. 1 Д. 10.
8. НАРК. Ф. р-998. Оп. 1 Д. 16.
9. НАРК. Ф. р-998. Оп. 1. Д. 17.
10. НАРК. Ф. р-998. Оп. 1. Д. 19.
11. НАРК. Ф. р-998. Оп. 1. Д. 20.
12. НАРК. Ф. р-998. Оп. 1. Д. 30.
13. НАРК. Ф. р-998. Оп. 1. Д. 45.
14. НАРК. Ф. р-998. Оп. 1. Д. 51.
15. О мерах и весах: Постановление ЦИК СССР N 104, СНК СССР № 2104 от 09.09.1934 // Известия ЦИК СССР и ВЦИК, 1934. № 213.
16. Положение об органах стандартизации: Постановление СНК СССР от 17.06.1933. № 1230 // СЗ СССР. 1933. № 39. ст. 235.

Обеспечение первого полета человека в космос: другая сторона событий

В статье идёт речь об обеспечении военными частями космического назначения первого полета человека в космос. Показана подготовка к полету ракеты-носителя и космического корабля на испытательном полигоне, а также особенности управления полетом космического корабля «Восток» с первым космонавтом на борту.

In the article deals the discussion with the guarantee by the soldiers of the units of the space application of the first manned space flight. Is shown preparation for the flight of carrier rocket and of spacecraft on the proving ground, and also the special feature of the flight control of the "Vostok" spacecraft with the first cosmonaut aboard.

Ключевые слова: воинские части космического назначения, космические аппараты, испытательные полигоны, Государственный центральный полигон (Капустин Яр), 5-й Научно-исследовательский испытательный полигон (Байконур), командно-измерительный комплекс, полет человека в космос, Ю.А. Гагарин.

Key words: the military units of the space application, automatic spacecraft, proving grounds, State central proving-ground (Kapustin Yar), the 5th scientific research proving ground (Baikonur), control-measuring complex, manned space flight, Y.A. Gagarin.

В год 50-летия полета человека в космос мы еще раз почувствовали величие подвига Ю.А. Гагарина, шагнувшего в космос 12 апреля 1961 г. первым из всего человечества. Однако и сегодня, на наш взгляд, проявляется тенденция, заложенная еще в советское время, показывать «парадную» сторону космонавтики – геройские подвиги наших космонавтов, первооткрывателей космоса. Историческая справедливость требует описания и другой стороны освоения космоса – тяжелой повседневной службы военнослужащих, обеспечивавших триумфальные полеты. В год полувекового юбилея первого полета человека в космическое пространство будет полезно рассказать заинтересованному читателю об обеспечении этого полета военными частями космического назначения.

В условиях послевоенного времени только вооружённые силы оказались способными выполнить задачи испытания и эксплуатации новой ракетно-космической техники. Богатый опыт боевой практиче-

* **Ершов Николай Владимирович**, кандидат исторических наук, доцент, заместитель начальника кафедры морально-психологического обеспечения войск, Военно-космическая академия имени А.Ф. Можайского.

ской деятельности, накопленный специалистами реактивной артиллерии, авиации, других видов и родов войск оказался востребованным при создании отечественных ракетно-космических систем. Поэтому в деятельности государственных и военных органов большое внимание уделялось созданию и совершенствованию воинских соединений, учреждений, частей и подразделений космического назначения. При их непосредственном участии были реализованы все важнейшие программы освоения космоса: военные, научные, исследовательские, межпланетарные, пилотируемые, международного сотрудничества. В период обеспечения первого полета человека в космос воинские части космического назначения находились в составе ракетных войск стратегического назначения.

Сегодня известно, наверное, всем, что первый человек стартовал в космос с космодрома Байконур. Космодром Байконур в то время назывался *5-й Научно-исследовательский испытательный полигон Министерства обороны СССР (5-й НИИП МО)*¹. Полигон был сформирован на основе постановления Президиума ЦК КПСС № П107/У от 12 февраля 1955 г. «О новом полигоне для Министерства обороны» [1. Л. 135–136] и постановления Совета Министров СССР от 12 февраля 1955 г. № 292-181сс «О новом полигоне для Министерства обороны» [2]. Его месторасположение было определено в районе станции Тюратам Кызыл-Ординской области Казахской ССР. Первоначально полигон предназначался для лётной отработки межконтинентальной баллистической ракеты Р-7 (ОКБ-1 С.П. Королева) и межконтинентальных крылатых ракет «Буря» (ОКБ-301 С.А. Лавочкина) и «Буран» (ОКБ-23 В.М. Мясищева) [1. Л. 137–140].

В дальнейшем проекты «Буря» и «Буран» были закрыты. Несколько испытательных пусков крылатой ракеты «Буря» были осуществлены с Государственного центрального полигона (Капустин Яр). А межконтинентальная баллистическая ракета (МБР) Р-7 была испытана и принята на вооружение. Именно эта ракета на долгие годы стала «рабочей лошадкой» отечественной космонавтики, став не только первой МБР, но и первой ракетой-носителем (РН). Именно она вывела на орбиту 4 октября 1957 г. первый искусственный спутник Земли.

Первым начальником 5-го НИИП стал гвардии генерал-лейтенант артиллерии А.И. Нестеренко. В дальнейшем 5-й НИИП возглавлял полковник, затем генерал-майор К.В. Герчик (1958–1960 гг.). Во время подготовки и осуществления первого полета человека в космос обязанности начальника полигона исполнял пол-

¹ В статье используются сокращения. Список сокращений приводится в конце статьи.

ковник А.Г. Захаров¹. Штатный начальник полигона генерал-майор К.В. Герчик находился на излечении после катастрофы 24 октября 1960 г., произошедшей во время подготовки к первому запуску экспериментальной ракеты Р-16.

К началу испытаний РН «Восток» и пилотируемого космического корабля (КК) в состав полигона входили два научно-испытательных управления и 127 частей полкового уровня [17. Л. 19, 40; 3], к которым относились отдельные инженерно-испытательные части и части обеспечения испытаний и эксплуатации ракетной техники. К осени 1960 г. на полигоне проходили службу уже более 10 тыс. военнослужащих [4, с. 209].

Полёт первого космонавта Земли продолжался 1 час 48 мин. Управление полетом осуществлялось через *командно-измерительный комплекс*, созданный еще в 1957 г. для обеспечения запуска первого ИСЗ. Развертывание основных подразделений командно-измерительного комплекса – отдельных научно-измерительных пунктов (ОНИП) – осуществлялось по всей территории страны, нередко в тяжелых климатических условиях. Первым начальником Центра контрольно-измерительных комплексов (Центра КИК) стал генерал-майор А.А. Витрук. В период подготовки и осуществления первого полета человека в космос командно-измерительным комплексом руководил А.Г. Карась.

Военнослужащие частей космического назначения 5-го НИИП и КИК к апрелю 1961 г. имели уже значительный опыт подготовки и обеспечения полетов различных космических аппаратов (КА). В период с октября 1957 г. по апрель 1961 г. они обеспечили полеты 13 КА. Статистика запусков космических объектов в период подготовки первого полета человека в космос приведена в табл. [8].

Таблица

Годы	Произведено пусков РН	Произведено запусков КА		
		Выведенных КА на орбиты	АМС (всего/успешных)	КК по программе «Восток» (всего/успешных)
1957	2	2	-	-
1958	5	1	-	-
1959	4	3	4/3	-
1960	9	4	4/0	5/1
1961 (до 12.04)	4	3	2/1	2/2
Всего	24	13	10/4	7/3

¹ Полковник, затем генерал-майор А.Г. Захаров в дальнейшем был назначен начальником полигона. Возглавлял 5-й НИИП в 1961–1965 гг.

Всего за этот период было осуществлено 24 пуска РН. Из них 10 выводили на орбиты автоматические межпланетные станции, полеты четырех из которых признаны успешными¹. Кроме обеспечения запусков РН и КА военнослужащие частей космического назначения в этот период испытывали боевую ракетную технику, несли боевое дежурство в условиях «холодной войны».

После решения правительства от 22 мая 1959 г. началась подготовка к осуществлению запуска пилотируемого космического корабля. Первый в СССР испытательный полёт по программе «Восток» (так называлась программа полёта человека в космос) состоялся 15 мая 1960 г. Со стартового комплекса № 1 был осуществлён пуск РН «Восток» (8К72), который вывел на околоземную орбиту первый корабль-спутник [12]. До конца 1960 г. были проведены еще четыре запуска, в том числе с собаками на борту. Лишь третий запуск 19 августа 1960 г. был полностью успешным, и собаки Белка и Стрелка возвратились на Землю.

Испытательные подразделения 5-го НИИП в период подготовки к полёту первого человека в космос были существенно усилены. Ещё в 1960 г. были организованы испытательные управления, в которых имелись отделы по основным техническим направлениям ракетно-космической техники. Отделы отвечали за полноту и качество испытательных работ, осуществляли руководство работой подразделений испытательной части. На стартовом комплексе № 1, с которого осуществлялись запуски первых искусственных спутников Земли (ИСЗ), работало 1-е испытательное управление под командованием инженер-подполковника Е.И. Осташева, погибшего 24 октября 1960 г. при катастрофе во время подготовки к первому запуску экспериментальной ракеты Р-16. Начальником 1-го управления был назначен инженер-подполковник А.С. Кириллов, руководивший в дальнейшем подготовкой первого пилотируемого полёта.

К концу марта 1961 г. завершилась подготовка всех средств, участвующих в запуске первого человека в космос. Хотя предстоящий запуск не афишировался, но по сосредоточению на 5-м НИИП участников этих работ, по завершению подготовки техники, по поступившим докладам о готовности служб было видно, что момент этот наступил. После успешного завершения 9 и 25 марта двух кон-

¹ Подробная статистика пусков РН и КА приводится в наших предыдущих статьях. См.: Ершов Н.В. Динамика пусков ракет-носителей с испытательных полигонов в 1957–1975 гг. (по материалам открытых источников информации) // Вестн. Ленингр. гос. ун-та им. А.С. Пушкина. 2009. – № 2. – С. 46–55; Ершов Н.В. Динамика запусков космических аппаратов с испытательных полигонов в 1957–1975 гг. (по материалам открытых источников информации) // Вестн. Лен. гос. ун-та им. А.С. Пушкина. 2010. – № 2. – С. 49–62.

трольных пусков кораблей с манекеном и собаками началась непосредственная подготовка к пуску пилотируемого корабля [5, с. 66–70].

Личный состав 5-го НИИП показал высокий уровень своей технической подготовки и профессионализма. При подготовке к запуску на технической позиции корабля «Восток-1» с 27 марта по 12 апреля 1961 г. было выявлено и устранено 70 замечаний и неисправностей, заменено 9 бортовых приборов, проведены работы по 48 техническим заданиям и указаниям. На все это было затрачено 360 часов плюс два стартовых дня [13, с. 193]. А ведь корабль был тщательно испытан на заводе-изготовителе.

Одновременно на 5-м НИИП готовилась к первому запуску новая межконтинентальная ракета Р-9, разработанная кооперацией предприятий под руководством ОКБ С.П. Королёва. Разработчики Р-9 были те же, что и ракеты Р-7А и корабля «Восток». Запуск ракеты Р-9 прошел успешно 9 апреля, что создало ощущение приподнятости и ожидания новых успехов.

Подготовку и запуск КК «Восток» осуществлял боевой расчёт 5-го НИИП в составе 678 чел. В его состав вошли военнослужащие 1-го испытательного управления, отдельной инженерно-испытательной части, особого отдела полигона, а также Главного управления ракетного вооружения, Центра подготовки космонавтов и др. Заметим, что подобных боевых расчётов не было ни в одном виде и роде войск. При этом от действий каждого члена боевого расчета зависели успех выполнения важной государственной задачи и жизнь космонавта.

В запуске КК с Ю.А. Гагариным на борту принимали участие 6 генералов, 263 офицера (в том числе 73 старших), 284 рядовых, 41 ефрейтор, 42 сержанта, 14 служащих Советской армии. В боевом расчете были представители командного состава, штабные работники, политработники и инженерно-технический состав. Основу боевого расчета составлял инженерно-технический состав (88 %). Более 10 % офицеров имели боевой опыт работы с ракетной техникой (служба в гвардейских минометных частях, в составе специальных подразделений в Германии по изучению немецкого реактивного вооружения). Более 50 % старших офицеров боевого расчета проходили службу на Государственном центральном полигоне (Капустин Яр), где участвовали в испытаниях первых образцов отечественной ракетной техники. Около 60 % офицеров обучались в военных учебных заведениях, готовивших специалистов-ракетчиков, или прошли переподготовку на курсах. Средний возраст офицеров боевого расчета – 29 лет [14].

После трагедии на 5-м НИИП 24 октября 1960 г. особое внимание стало уделяться соблюдению требований безопасности и тех-

нологической дисциплины. Был резко ужесточен порядок доступа на бетонную площадку стартовой позиции. Особый режим устанавливался с началом заправки ракеты. Для всех участников подготовки ввели специальные цветные нарукавные повязки. По мере сокращения времени подготовки все большее число цветных повязок обязаны были покидать старт. Последними после пятнадцатиминутной готовности уходили в бункер обладатели красных повязок. В сетевом графике указывалось точное время и место осуществления каждой операции на стартовой позиции. Ответственный исполнитель воинской части, контролирующие его офицер управления полигона и представитель промышленности должны были, выполнив свою операцию, покинуть рабочее место до очередного вызова или эвакуироваться в заранее известный район. Было сокращено общее число операторов и контролеров путём объединения и укрупнения многих операций. От каждого руководителя, начальника расчета или испытательной бригады, военного и представителя промышленности требовалось скрупулезное изучение своих операций, полная ответственность за их проведение в соответствии с сетевым графиком и доклад руководителю пуска о любом замечании [18. Л. 407].

Во время пуска РН с КК «Восток» было определено 15 мест эвакуации и выполнения функциональных обязанностей [14].

После принятия Государственной комиссией решения о запуске 12 апреля 1961 г. первого пилотируемого КК и назначения первого космонавта, подготовка корабля и РН были проведены строго по графику. В резервный день состоялась встреча Ю.А. Гагарина с личным составом боевого расчёта 1-го управления под командованием инженер-полковника А.С. Кириллова и отдельной инженерно-испытательной части полигона под командованием инженер-полковника В.Н. Юрина. На встрече присутствовали С.П. Королёв, Н.П. Каманин, Е.А. Карпов, будущие космонавты. Встреча продемонстрировала искреннее стремление участников сделать всё, что от них зависит, для успешного проведения запуска и полёта. Ю.А. Гагарин сердечно поблагодарил личный состав боевого расчёта и заверил, что доверие оправдывает [5, с. 70–71].

Герой Социалистического Труда А.С. Кириллов (это звание ему было присвоено в 1961 г. за большой вклад в создание ракетной техники и осуществление первого в мире полета человека в космос) описывал эти события в своих воспоминаниях [11].

12 апреля 1961 г. с 5-го НИИП со стартового комплекса № 1 был осуществлён пуск РН «Восток» (8К72), которая вывела на околоземную орбиту советский КК «Восток» с первым космонавтом на борту. Как вспоминает участник событий Б.В. Раушенбах, среди испытателей не было «фанфарной мажорности», «дескать, смотрите, сейчас мы такое совершим, что весь мир ахнет!», не заметны были и «ро-

бость, даже страх перед тем, что задумывалось». «На космодроме царила деловая будничная атмосфера...» [6, с. 642–643].

Запуск КК «Восток» с первым человеком на борту стал четырнадцатым по счёту запуском КА, который обеспечивал КИК. Наземная техника КИК для обеспечения полёта использовалась та же, что и при обеспечении полётов автоматических спутников. Исключение составили приёмопередающие связные радиостанции «Заря» для переговоров с космонавтами и телевизионные приёмные устройства для наблюдения с Земли за их внешним видом и положением дел на борту, введённые в действие на космодроме и нескольких ОНИП [15, с. 359–360]. Запись переговоров первого космонавта, осуществлённая при помощи этих средств КИК, неоднократно публиковалась [16, с. 126–140].

В период подготовки полёта человека в космос было осуществлено управление отработочными кораблями, запущенными в 1960–1961 гг. В ходе этих полётов были выработаны методы управления полётом пилотируемого корабля и его бортовой аппаратурой. Многие команды отрабатывались и передавались на борт КК впервые. В частности, при обеспечении полёта КК «Восток» с собаками Белкой и Стрелкой 19–20 августа 1960 г. посадка спускаемого аппарата осуществлялась по резервной – аварийной – системе. Команду начала цикла спуска передавал ОНИП-4 (Енисейск) [18. Л. 392].

Заметим, что объем информации, передаваемой КИК, значительно увеличился. С помощью телевизионной системы впервые велось систематическое наблюдение за состоянием и поведением животных. При этом изображения, передаваемые с борта КК на аппаратуру ОНИП, регистрировались на киноплёнку. В полёте регистрировались частота пульса, дыхания, артериальное давление, электрокардиограммы, фонокардиограммы (тоны сердца), двигательная активность и температура тела [10, с. 21–22].

Всё это позволило накопить опыт управления КК и обеспечить управление полётом пилотируемого КК «Восток» с первым космонавтом Ю.А. Гагариным 12 апреля 1961 г. Непосредственное управление КК «Восток» осуществляли Центр КИК, ОНИП-3 (Сары-Шаган), ОНИП-12 (Колпашево), ОНИП-4 (Енисейск), ОНИП-6 (Елизово), корабли Тихоокеанской географической экспедиции (ТОГЭ-4) и плавучего измерительного комплекса. Остальные ОНИП также находились в состоянии готовности на случай нештатных ситуаций [9, с. 75–76]. Переговоры с первым космонавтом Земли велись через радиостанции, установленные на старте (полигон), ОНИП-12 (Колпашёво), ОНИП-6 (Елизово) [7, с. 105–117].

Новизна выполняемых задач и несовершенство технической аппаратуры КИК привели к ряду недочётов в управлении полётом первого КК с человеком на борту. В частности, имел место естест-

венный кратковременный перерыв УКВ-связи руководителя полёта С.П. Королёва с космонавтом при переходе КК из зоны видимости ОНИП-3 (Сары-Шаган) в зону видимости ОНИП-12 (Колпашево). Региональная группа управления полётом под руководством будущего космонавта А.А. Леонова, расположенная на ОНИП-6 (Елизово) не получила к сеансу связи с Ю.А. Гагариным сведений от координационно-вычислительного центра в Москве о фактической орбите полёта КК. А.А. Леонов взял на себя ответственность сообщить первому космонавту, что орбита нормальная, хотя это не соответствовало действительности. Отклонение орбиты произошло из-за несвоевременного выключения двигателя третьей ступени РН. Оператор командной станции ОНИП-6 (Елизово) передал на КК разовую команду включения программно-временного устройства без учёта фактических отклонений орбиты от расчётной. В результате приземление первого космонавта произошло со значительным перелётом, не в Волгоградской, а в Саратовской области [9, с. 76].

Все эти и другие пробелы в управлении КК были естественными, вины в них военнослужащих КИК не было. При этом КИК оказался единственным средством управления КК и его системами. Первый космонавт в управлении КК участия фактически не принимал.

За успешное выполнение важной государственной задачи по обеспечению первого полета человека в космос сто военнослужащих 5-го НИИП и одна отдельная инженерно-испытательная часть 17 июня 1961 г. были награждены государственными наградами. Ряд военнослужащих КИК также были награждены.

Таким образом, военнослужащие частей космического назначения обеспечили первый полет человека в космос. Военнослужащие испытательного полигона обеспечили испытание стартового комплекса, подготовку к старту РН и КК и осуществили успешный пуск. Все задачи по управлению полётом в космос первого человека, возложенные на КИК, были также выполнены в полном объёме, несмотря на некоторое несовершенство технических средств, установленных, смонтированных и испытанных в сжатые сроки.

Список используемых сокращений

- ИСЗ – Искусственный спутник Земли
- КА – Космический аппарат
- КИК – Командно-измерительный комплекс
- КК – Космический корабль
- МБР – Межконтинентальная баллистическая ракета
- НИИП – Научно-исследовательский испытательный полигон
- ОНИП – Отдельный научно-измерительный пункт
- РН – Ракета-носитель

Список литературы

1. Архив Президента Российской Федерации (далее АП РФ). Ф. 3. Оп. 47. Д. 204.
2. АП РФ. Ф. 93. Дело с постановлениями Совета Министров СССР за 1955 г.
3. Архив войсковой части 11284. Инв. 324.
4. Байконуру – 50: история космодрома в воспоминаниях ветеранов / В.А. Меньшиков, Б.Е. Алескин, Э.Н. Андреев и др. / под общ. ред. А.Н. Перминова. – М.: Новости, 2005.
5. Военно-космические силы: Военно-исторический труд. Кн. 1: Космонавтика и Вооружённые силы / В.В. Фаворский, И.В. Мещеряков. – М.: Наука, 1997.
6. Голованов Я.К. Королёв: Факты и мифы. – М.: Наука, 1994.
7. Известия ЦК КПСС. – 1991. – № 5.
8. Искусственные спутники Земли // [Электронный ресурс] : ежемесеч. науч.-популяр. журн. Новости космонавтики. – 1996. – № 6. – URL: <http://www.novosti-kosmonavtiki.ru/conten-t/numbers/121/05.shtml#06>.
9. История командно-измерительного комплекса управления КА от истоков до Главного испытательного центра им. Г.С. Титова. Кн. 1. Общий очерк. – М.: Контакт-РЛ, 2006.
10. Касьян И. Первые шаги в космос. – М.: Знание, 1985.
11. Кириллов А.С. Тот памятный апрель 1961-го // Он был первым: записки, публицистические заметки, воспоминания. – М.: Воениздат, 1984.
12. Космические пуски и события в СССР и России // [Электронный ресурс]: Космос.info: сетевой информационный ресурс о космонавтике СССР и России. – URL.: <http://www.kosmos.info/dss.htm>.
13. Неизвестный Байконур: сборник воспоминаний ветеранов Байконура / Под общ. ред. Б.И. Посысаева. – М.: Глобус, 2001.
14. Нечеса В.Я. О боевом расчете, осуществившем запуск первого космического корабля // Науч. чт. памяти К.Э. Циолковского. – Калуга, 2003 // [Электронный ресурс]: На сайте Государственного музея истории космонавтики имени К.Э. Циолковского. – URL.: <http://readings.gmik.ru>.
15. Покровский Б.А. Космос начинается на Земле. – М.: Патриот, 1996.
16. Советская космическая инициатива в государственных документах. 1946–1964 гг. / под ред. Б.М. Батурина. – М.: РТСофт, 2008.
17. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации. Ф. 70. Оп. 869562. Д. 19.
18. Черток Б.Е. Ракеты и люди. Фили – Подлипки – Тюратам. – 2-е изд. – М.: Машиностроение, 1999.

УДК 94(47).073:355.087

*В. Л. Амчиславский**

Дело о крещении Геймана Янковича и особенности рекрутских наборов в еврейских общинах в царствование Николая I

В статье рассматриваются особенности рекрутских наборов в еврейских общинах России в царствование Николая I. При составлении списков солдат в еврейской среде происходило обострение социальных конфликтов; еврейское население стремилось уберечь от наборов своих детей. Семья Спрингенфельдов из Шлока пыталась окрестить будущего рекрута Г. Янковича.

The article discusses the peculiarities of recruitment in Jewish communities in Russia during the reign of Nicholas I. Making lists of soldiers sparked the aggravation of social conflicts in Jewish environment as parents tried to spare their children from the recruitment. The Springenfeld family from Sloka tried to baptize a future recruit G.Yankovich.

Ключевые слова: армия, кагал, кантонист, крещение, еврейская община, рекрутский набор, Петербург.

Key words: army, qahal, cantonist, baptism, Jewish community, recruitment, St. Petersburg.

Российских евреев стали призывать на военную службу по царскому указу 26 августа 1827 г. В этот день Николай I подписал «Устав рекрутской повинности и военной службы евреев», согласно которому еврейские общины обязаны были представлять рекрутов в возрасте от 12 до 25 лет [7, с. 728]. Новобранцы, не достигшие 18 лет, зачислялись в батальоны и полубатальоны военных кантонистов, а также в учебные карабинерные полки. В батальонах еврейские дети становились крепостными военного ведомства, оказавшись на ступень ниже мещанского сословия, к которому они ранее принадлежали [6, с. 114].

Судьба еврейских кантонистов стала объектом внимания дореволюционных русско-еврейских историков и получила отражение в произведениях литературы. Сложилась традиция отождествления кантонистов с «жертвами режима» и дискриминационной политики.

* **Амчиславский Виктор Леонидович**, аспирант кафедры русской истории, Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена.

Ю.И. Гессен, неизменно подчеркивавший репрессивный характер «еврейского законодательства» при Николае I, писал о «мученичестве» и «преследованиях», которые ожидали в армии малолетних рекрутов из черты оседлости [1, с. 35]. Подобная точка зрения характерна также для С.М. Дубнова [3, с. 115], С.М. Гинзбурга и многих других исследователей, вплоть до писавшего в 1980-х гг. Э. Флисфиша [8, с. 80–81].

Взгляды западных историков, работающих в области иудаики, до сих пор испытывают влияние трудов С.М. Дубнова и Ю.И. Гессена и, по выражению Джона Клиера, следуют «общей теме еврейского мученичества в российском государстве» [4, с. 43].

Й.М. Петровский-Штерн попытался преодолеть наследие русско-еврейской дореволюционной историографии, делавшей основной акцент на законодательных и религиозных притеснениях, и предложил отвергнуть укоренившуюся традицию, названную американским историком и социологом середины XX столетия С.В. Бароном «слезливой» концепцией (*lachrymose concept*) еврейской истории [6, с. 12]. По мнению Й.М. Петровского-Штерна, мемуары и исторические исследования рассматривали «еврейского кантониста изолированно, вне его специфического социального и военного контекста. ...Кантонист оказывался один на один со всей русской государственной машиной, озабоченной будто бы только тем, как бы загнать его в православие» [6, с. 114]. В определенной степени с Й.М. Петровским-Штерном можно согласиться. Религиозные предрассудки, тяжелые условия службы юных рекрутов являлись печальными, но ординарными элементами армейской повседневности. Порядки были суровыми для всех без исключения «детей-солдат». Тем не менее, новое осмысление еврейской рекрутчины часто лишает историю целостного взгляда; проблемы, волновавшие писателей и историков в XIX – первой половине XX в., не должны исчезать из современных работ, как будто их не существовало. Говоря о соотношении трагического и общепринятого, важно соблюдать принцип объективности и удержаться посередине этих двух полюсов, так как оба они составляют подлинное прошлое еврейских кантонистов.

Еврейские авторы всегда подчеркивали, что жители местечек опасались не только за жизнь и здоровье детей, но в значительной мере – за их национальное и религиозное самосохранение. Возможность беспрепятственно соблюдать в условиях армии традиции и заветы иудаизма казалась главам общин и родителям рекрутированных невыполнимой. Донесения, поступавшие в III отделение, сохранили сведения о подавленном настроении, в котором пребывало еврейское население черты оседлости во время первых рекрутских наборов. В воспоминаниях А.И. Паперна описана сцена расставания

матерей со своими детьми. Драма происходила в синагоге Копыля. Рыдающие матери врывались в храм во время молитвы и требовали вернуть их сыновей, внесенных в списки рекрутов незаконно. Однако все молчали: аргумент о том, что богатые семьи города покрывают финансовые недоимки бедных сограждан, обеспечивал безмолвие толпы [5, с. 44]. Отметим, что архивные документы подтверждают свидетельства мемуаристов. Отдать сына в солдаты означало расстаться с ним более чем на четверть века. Двадцатипятилетний срок службы кантониста начинался с 18 лет, и если его зачисляли в армию, к примеру, в возрасте 12 лет, то фактически рекрутчина для него продолжалась в течение 31 года.

Авторы, писавшие о проблемах сохранения иудаизма в рамках службы в кантонистских формированиях, были убеждены, что опасения за религиозную свободу детей приводили к трагическим историям и глубоким семейным драмам. Чтобы избежать набора и последующего насильственного крещения, сыновей прятали или наносили им тяжкие увечья. Однако армия вызывала такой страх у еврейских подданных царя, что в некоторых семьях опасались отнюдь не духовного насилия и отхода от иудаизма. Речь шла о спасении близкого человека от самой рекрутчины. Случалось, для избавления от службы прибегали к обратному средству – переходу в православие.

Обращение в христианство было редким явлением в еврейской среде в первой половине XIX в. Жители черты оседлости не часто прибегали к отказу от иудаизма ради того, чтобы избежать внесения в общинные рекрутские списки, поэтому особый интерес представляет история еврейского мальчика из городка Шлока (в 30 км от Риги) по имени Гейман Янкович. Он не был кантонистом, но его «армейская судьба» решалась в Петербурге. Архивное дело запечатлело тот момент жизни Геймана, когда он в буквальном смысле стоял на пороге своего солдатского будущего. Материалы о Геймане – редкое документальное свидетельство атмосферы, царившей в еврейских общинах во время набора новых рекрутов, а также тех исключительных мер, на которые решались обитатели еврейских местечек, желая уберечь детей от армии.

Противостояние родных Геймана с российско-еврейским бюрократическим механизмом развернулось весной 1840 г. в Санкт-Петербурге. В духовное ведомство обратилась крещеная еврейка Анна Вейс, являвшаяся тетушкой 11-летнего мальчика. Анна Осиповна проживала во «2-й Адмиралтейской части, 4 квартала, в доме г. Головиной № 203», неподалеку от управы благочиния [2. Л. 11]. 13 марта 1840 г. она составила прошение на имя обер-прокурора Святейшего синода Н.А. Протасова, в котором рассказала о бедственном положении своего осиротевшего племянника. Анна Осипов-

на, именовавшая себя в прошении «здешняя мещанская жена», поведала обер-прокурору о том, что в Риге семь лет назад скончался «шлокский мещанин, еврей Левин Янкович», оставив после себя «малолетнего сына Геймана Янковича в беднейшем положении» [2. Л. 2]. По словам тетушки, «несчастное дитя, не имея родственников на родине, был притесняем тамошним обществом и покинут на произвол жестокого жребия» [2. Л. 2]. Воспитанием сироты занималась сестра Левина Янковича – Гендель Спрингенфельд. Из других документов дела можно заключить, что петербурженка Анна Вейс и рижанка Гендель Спрингенфельд приходились родными сестрами покойному отцу мальчика. Рижская тетушка Геймана была настолько бедна, что содержать сироту ее семейству было не по силам, и ребенка решили отправить к крещеной петербургской родственнице. Далее граф Протасов с удивлением должен был узнать, что «не взирая на одиннадцатилетний свой возраст», маленький Гейман «прибыл за несколько дней» в Петербург, отыскал свою тетку и «с того времени» находится у нее, «изъявляя ревностное желание принять святое крещение и православную греко-российскую веру» [2. Л. 2–2 об.].

Обер-прокурор Синода, получив эти сведения, по заведенному порядку действовал в двух направлениях: полицейском и церковном. Вначале он обратился к министру внутренних дел А.Г. Строганову с вопросом о том, можно ли дозволить Гейману оставаться в столице для принятия крещения. Затем он изложил обстоятельства дела викарию петербургской митрополии епископу Венедикту. Консультация, согласно правилам, выяснила, у какого священника желает креститься мальчик и ожидала сведений от обер-полицмейстера столицы. Генерал-майору С.А. Кокошкину Строганов поручил навести справки о Геймане в Риге у военного генерал-губернатора барона М.И. Палена. Начальству в Петербурге было хорошо известно, что по «Положению о евреях» 1835 г. еврейским подданным не дозволялось приезжать в столицу для перехода в христианство. Все возможности законного пребывания в городе были четко регламентированы.

Допросы, которые провели чиновники Петербурга и Риги, сообщают интересные детали из жизни семьи Янковичей-Спрингенфельдов и шлокского еврейского общества. Собранные в деле материалы говорят об одном: смысл задуманного крещения мальчика сводился к «рекрутскому вопросу».

Допрошенный 7 апреля Гейман показал, что тетка Гендель «отпустила» его «в Петербург с извозчиком, ехавшим сюда с товарами» [2. Л. 11–11 об.]. Маленький путешественник «паспорта на проезд и вообще никакого вида» не имел, а значился в паспорте покойного отца. Вспомнил он и адрес тетушки: жила она «в Риге на Москов-

ском Форштате в улице Романовка ...в квартале надзирателя г. Станкевича» [2. Л. 11 об.]. Текст допроса Гейман «собственноручно подписал по-еврейски», как указано в консисторской копии. В тот же день опросили и Анну Вейс, которая объяснила, что не известила столичную полицию о прибытии племянника, полагая, что «ему, как одиннадцатилетнему мальчику, не может встретиться препятствия к проживанию здесь» [2. Л. 12 об.]. Но она ошибалась – российские власти не позволяли пребывать в столице более 6 недель даже малолетнему, если он был иудеем. Впрочем, Н.А. Протасов поначалу отмечал, что единственный приют Геймана – это квартира семейства Вейс, но документы, пришедшие из Риги во второй половине июня 1840 г., повлияли на отрицательное решение властей в Петербурге.

Рижская управа благочиния допросила «шлокскую еврейку Гендель Спрингенфельд, урожденную Янкевич», которая подтвердила обстоятельства поездки Геймана в столицу. Важной деталью допроса было заявление женщины о том, что ей ничего неизвестно о желании мальчика принять крещение. Не назвала она и возможных препятствий к обращению, как «впрочем, не в состоянии» была «показать, не будет ли кагальный амт (чиновник из администрации кагала – В.А.) шлокского еврейского общества делать какие-либо возражения против перехода Геймана» [2. Л. 9 об.]. Оставалось выяснить точку зрения руководства шлокской общины. Позиция кагала, высказанная 2 июня 1840 г. «кагальным амтом» чиновнику 2-й городской части Риги за № 62, раскрывает подлинный смысл всей истории.

Амт заявил, что Гейман, «яко сирота, воспитан был обществом, почему уже должен быть оному обязан. Податей никогда не платил, каковые за ним остаются, как равно и все прочие общественные повинности. Сверх того он с дядею по имени Мейер Спрингенфельд тайно отправился а Санкт-Петербург, без согласия кагала и без паспорта» [2. Л. 10]. Мейер был, по-видимому, мужем Гендель и помогал ей в спасении ребенка от «солдатства».

Чиновники кагала именовали мальчика «беглецом и бродягой» и, ссылаясь на «силу существующих законов», планировали после определения места нахождения Геймана сдать его в рекруты: «Его, как и других сего рода беглецов, кагал... назначил в рекруты. Об нем не было баллотировано в собрании общества единственно по той причине, что место пребывания его не было известно» [2. Л. 10]. После обращения рижской управы благочиния в шлокском кагале узнали о том, что Гейман находится в Петербурге и настоятельно потребовали предоставить ребенка в распоряжение кагала. Амт писал: «Ныне же, узнав о жительстве сего бродяги Геймана, и по запросу начальства, не настоит ли препятствия выбытию его из

здешнего общества, кагал обязывает с дозволения начальства, объявить о своих требованиях и созывать общества для баллотировки о нем, как о бродяге, казенном и общественном должнике. Местные препятствия против выбытия бродяги Геймана из нашего общества, состоят по сему в понятии (поимке) беглеца и должника казенных и общественных податей и в праве, из сего следующем для общества: отдать его в рекруты» [2. Л. 10 об.].

На первый взгляд, в формулировках «кагального амта» читается стремление демонизировать образ мальчика. Амт явно преувеличивал его вину и грехи перед общиной. Энергия, с которой шлоцкие евреи желали завладеть «беглецом» и предотвратить его крещение, вполне объяснима. Квитанция о сдаче рекрута была бесценна для тех членов общества, у которых стояли на очереди родные сыновья. Когда трехлетний Гейман осиротел, он автоматически попал в группу риска – отныне за него некому было поручиться, отстоять его при баллотировке или укрыть от набора иным способом. Если бы мальчику удалось стать православным, то для общины Шлока это означало бы потерю рекрута, потерю квитанции, а значит, вместо Геймана кантонистом должен был стать чей-то сын. Лидерам общины гораздо проще было распрощаться на 30 лет с сиротой, чем осложнять обстановку в местечке, сталкивая в противостоянии родителей потенциальных рекрутов.

Преувеличенность обвинений против ребенка почувствовал и рижский генерал-губернатор барон М.И. Пален, отметивший в отношении к министру внутренних дел, что мальчика «нельзя считать, как называет его кагал, бродягою, так как он еще малолетен» [2. Л. 8 об.]. Впрочем, М.И. Пален добавлял, что Гейману «не нужно бы было для принятия христианской веры ехать» в столицу, «ибо это мог бы учинить и здесь» [2. Л. 8 об.].

Кагал не только преувеличивал вину Геймана, но и откровенно искажал законы иудаизма и традиции еврейских общин. 11-летний мальчик не являлся полноправным членом общины, потому что таковым еврей становился по достижении 13 лет. В этом возрасте все еврейские мальчики проходили обряд посвящения во взрослую жизнь. Таким образом, Гейман не мог отвечать за свои поступки, так как по еврейским религиозным правилам он не являлся совершеннолетним. К тому же, притеснения Геймана вызывали отторжение у родственников ребенка, пожелавших вывести его из-под власти кагалников ценой отказа от иудаизма. Неудивительно, что институт кагала порождал резкую критику еврейских просвещенных интеллектуалов последующих десятилетий.

О крещеной тетушке «беглеца» почти ничего неизвестно. Пока материалы из Риги изучали в канцеляриях, полицейский надзиратель 2-й Адмиралтейской части посетил Анну Вейс и выяснил, что

тетка собиралась крестить племянника в церкви Спаса на Сенной у протоиерея Ивана Ивановича Иванова. Примечательно, что под текстом «показания» написано: «Издешняя мещанка Анна Вейс а за него по безграмете подписался дочь его Елена Вейс» [2. Л. 15]. Несмотря на нелепые ошибки и детский кривоватый почерк, расписка Елены Вейс – двоюродной сестры Геймана – была показателем, с одной стороны, неплохого знания русского языка, а с другой – того, что семья Вейс только вступала в процесс культурной ассимиляции. Любопытно, что сама Анна Осиповна не решилась поставить подпись, вероятно, в виду полного незнания русского языка, а поручила это своей дочери. Следует отметить, что Елена справилась с этим заданием не хуже еврейских воспитанников кантонистских батальонов. Несмотря на то что будущих солдат учили чтению и письму, выпускники батальонов, судя по росписям в «крещальных обязательствах», часто могли выводить лишь крестики.

30 июля 1840 г. консистория рассмотрела дело Геймана Янковича и, ссылаясь на «Положение о евреях» 1835 г., запрещающее евреям покидать пределы черты оседлости для принятия христианства, постановила: «Отказать ему в просьбе его о просвещении святым крещением, которое он всегда может принять на постоянном месте его жительства» [2. Л. 22 об.]. 9 августа епископ Венедикт утвердил это решение. Тогда же Геймана Янковича, по-видимому, отослали обратно в Ригу в распоряжение шлокского кагала. О дальнейшей его судьбе ничего неизвестно. Скорее всего мальчика ожидала рекрутчина, так как в 1841 г. ему исполнялось 12 лет, а община была крайне заинтересована выполнить план по сдаче новобранцев.

История Геймана Янковича, родные которого попытались избежать рекрутства через принятие мальчиком христианства, отнюдь не является примером массового поведения жителей еврейских местечек. Переход в православие в этой среде был явлением исключительным. Однако попытка родственников Геймана включает в себе одновременно и уникальные, и характерные черты. Уникальность ее состоит в том, что стремление уберечь мальчика от участи кантониста зашло настолько далеко, что близкие решили спасти его при помощи отказа от иудаизма в русской столице. С другой стороны, неординарность способа уклонения только подтверждает характерное желание еврейских семей во что бы то ни стало сохранить сыновей от набора и кагального самоуправства. Спасение Геймана в результате крещения и оставления его в столице на содержании тетушки было делом продуманным и верным, потому что на родине он не избежал бы армии. Однако обмануть власти в Петербурге и Риге семье Спрингенфельдов и Анне Вейс не удалось. Их планы натолкнулись на противодействие двух сил: российских и еврейских бюрократов.

Реализация плана крещения Геймана Янковича была возможна благодаря тому, что его тетка Анна Вейс являлась православной. Полугодовой отрезок биографии Г. Янковича, запечатленный в архивном деле, подтверждает свидетельства русско-еврейских межуаристов, отмечавших драматическую ситуацию, складывавшуюся в еврейских общинах в период рекрутских наборов.

Список литературы

1. Гессен Ю. История еврейского народа в России: в 2 т. – Изд. испр. – М.: Иерусалим, 1993. – Т. 2.
2. Дело о принятии христианской религии малолетним евреем Левином Янковичем, 1840 г. // ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 32. Д. 27.
3. Дубнов С. М. Из рассказов о кантонистах // Еврейская старина. – 1909. – № 2. Вып. III.
4. Клиер Дж. Откуда и куда идем: изучение дореволюционной истории российского еврейства в Соединенных Штатах в XX веке // История и культура российского и восточно-европейского еврейства: новые источники, новые подходы: материалы междунар. науч. конф. Москва, 8–10 декабря 2003 г. – М., 2004.
5. Паперна А.И. Из николаевской эпохи. Воспоминания // Пережитое. Сборник, посвященный общественной и культурной истории евреев в России. – Т. 2. – СПб., 1910.
6. Петровский-Штерн Й. Евреи в русской армии: 1827–1914. – М., 2003.
7. Полное собрание законов Российской империи. 2-е собр. Т. II. № 1330.
8. Флисфиш Э. Кантонисты. – Тель-Авив: Effect Publishing, б. г.

*О. А. Яковлева**

Роль Российского Дальнего Востока в евроазиатской политике во второй половине XIX – начале XX в.

В статье рассматриваются вопросы, связанные с эволюцией государственной политики на Российском Дальнем Востоке в конце XIX – начале XX вв. Основными направлениями были: решение транспортной проблемы, переселенческая политика, таможенная политика и др. Новый этап дальневосточной политики начался после неудачной Русско-японской войны (1904–1905 гг.): произошло увеличение средств, выделяемых на развитие региона, повысилась внимание к нему со стороны общественности. Важную роль стали играть Государственная дума и Государственный Совет, детально рассматривавшие дальневосточные законопроекты.

The article discusses issues related to the evolution of state policy in the Russian Far East in the late 19th - early 20th centuries. Basic directions were: decision of a transport problem, immigration policy, customs policy, etc. The new stage of a Far East policy began after a failed Russian-Japanese war (1904–1905). There was an increase of funds for regional development, the attention of the public raised to this issue. The State Duma and the State Council began to play the important role in a detailed discussion of Far East bills.

Ключевые слова: государственная политика, таможенная политика, генерал-губернаторство, Государственная Дума, Государственный Совет, Совет Министров, Азиатско-Тихоокеанский регион.

Key words: state policy, customs policy, Governorate General, the State Duma, the State Council, the Council of Ministers, the Asia-Pacific region.

Дальний Восток России – это богатейший в природном отношении регион, ресурсы которого трудно переоценить. Его океанский шельф, земные недра таят в себе колоссальные богатства. Однако, несомненно, ещё большую ценность имеет его стратегическое и геополитическое значение. Ведь Дальний Восток – это одна из ключевых точек во всем Азиатско-Тихоокеанском регионе, роль которого приобрела приоритетный характер во внешнеполитической стратегии России в последнее время.

* **Яковлева Ольга Александровна**, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина.

Для понимания роли Дальневосточного региона в современной государственной стратегии, необходимо рассмотреть его особенности, обратиться к историческому прошлому. Освоение края началось в далёком XVII в. После Смуты, возрождавшееся Российское государство стремилось изыскать любые способы пополнения казны, и одним из них стал поиск новых земель, богатых пушниной, серебром, другими природными богатствами. Русские землепроходцы, продвигаясь вглубь дальневосточных земель, облагали ясаком местные племена, строили укрепленные городки и остроги и одновременно несли свою культуру в неосвоенные и неизвестные территории. Однако к концу XVII в. обострилось соперничество нашей страны с Китаем, и для разграничения сфер влияния был подписан в 1689 г. Нерчинский договор. После этого Россия достаточно надолго отказалась от активной политики в Дальневосточном регионе. Лишь в середине XIX в. государственный интерес проявился вновь. С переориентацией правительственного внимания с севера на юг, на первый план вышли российско-китайские отношения, ключевую роль в которых приобрели Приамурский и Уссурийский края. Крымская война (1853–1856 гг.) продемонстрировала явную уязвимость российских позиций в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Возникла необходимость новой корректировки дальневосточной политики. Вот как определил главную цель присоединения к России обширного и почти пустынного Амурского края архиепископ Камчатский, Курильский и Алеутский Иннокентий в 1856 г.: «заблаговременно и без столкновений с другими державами приготовить несколько мест для заселения русских, когда для них тесно будет в России» [11]. Генерал-губернатор Восточной Сибири Н.Н. Муравьев вместе с тем полагал, что на Амуре и Дальнем Востоке Россия способна взять реванш «за все то, что она терпит от Запада». Он был увлечен открывавшимися перспективами утвердиться в Монголии и Маньчжурии, «которые должны отделиться от Китая и составить два отдельных княжества, под покровительством России» [11].

В дальнейшем роль и место Дальнего Востока в составе России, в её государственной политике неоднократно менялись в ходе исторического развития. Весь период освоения этой окраинной территории – это длительный и сложный процесс ее интеграции в единый российский народнохозяйственный комплекс, в единое административное пространство. Постановка новых политических и колонизационных задач в Дальневосточном регионе требовала и адекватного территориального продвижения и размещения государственной власти. Миграция властных институтов в региональном пространстве динамично меняла его административно-территориальную карту, следуя в фарватере имперской политики и отражая все её особенности.

В 60-х гг. XIX в. в правительственных кругах было высказано несколько новых идей об административно-территориальном устройстве Азиатской России, которые в последующие два десятилетия активно обсуждались. Так, Н.Н. Муравьев настаивал на необходимости создания на Дальнем Востоке отдельной «большой административной группы», в которую бы вошли Приморская, Амурская и Забайкальская области. Однако на единстве управления Восточной Сибирью и Дальним Востоком тогда настояло большинство министров, аргументируя свой отказ продовольственной зависимостью Приморской области от восточно-сибирских территорий. Но была еще одна объективная причина неудачи проекта, предложенного генерал-губернатором Восточной Сибири. Следует признать, что интерес к Дальнему Востоку снова стал снижаться и правительственное внимание переключилось на Среднюю Азию.

Заинтересованность к Дальнему Востоку продолжали проявлять только моряки, готовые вступить в соревнование со своими коллегами из других европейских стран за обладание выгодными морскими портами и коммуникациями. Именно с выходом к Тихому океану они связывали возможность «развить у нас в России морскую предприимчивость» [1, с. 117]. Для успешного развития российского флота необходимо было иметь незамерзающий порт, обеспечивавший постоянный выход в Тихий океан. В высших петербургских сферах превашировало сдержанное мнение о дальневосточном потенциале, которое ясно отразил в своих мемуарах военный министр Д.А. Милютин: «Эта отдаленнейшая из всех окраин России, пустынная, непроизводительная, лишенная путей сообщения, была похожа на оторванную колонию, мало полезную для метрополии. Редкое, разбросанное население едва было в состоянии прокормить себя, войскам же и морским командам Приамурской области даже продовольствие посылалось из Петербурга кругосветным путем и обходилось непомерно дорого. Гражданская администрация не имела средств к оживлению края» [6. Л.108].

Таким образом, хотя в начале 1860-х гг. идея создания нового генерал-губернаторства на Дальнем Востоке России не получила поддержки в правительственных кругах, это не означало, что она полностью исчезла из поля зрения государственных деятелей того времени. Тому свидетельством стала оживлённая дискуссия 1860-х – первой половины 1880-х гг. по поводу реорганизации административно-территориального устройства Российского Дальнего Востока. Политический смысл затянувшихся правительственных дебатов вокруг административного обособления Дальнего Востока в Приамурское генерал-губернаторство заключался в неясности понимания стратегического и геополитического значения Дальневосточного региона в имперской политике, ведомственных противоречий в фор-

мулировке приоритетов развития региона. Создание в 1884 г. Приамурского генерал-губернаторства открывало возможности для выхода за рамки централизации управления и установления некоторой административно-правовой автономии. Более осведомленная в нуждах региона местная высшая власть могла бы подойти к вопросам управления комплексно (чего требовал первый приамурский генерал-губернатор Н.А. Корф, предлагая в 1887 г. принять десятилетний план развития региона), преодолеть ведомственную разобщенность путем координации на региональном уровне деятельности отраслевых и территориальных учреждений.

В Азиатской России большие региональные общности, как правило, были оформлены в генерал-губернаторства, с четко выраженной военно-административной доминантой. Так основная территория Российского Дальнего Востока входила в состав Приамурского генерал-губернаторства – одного из самых обширных в стране, которое со времени образования в 1884 г. пережило несколько преобразований под влиянием различных социально-экономических и политических факторов. Российское самодержавие, стремясь создать крепкую, оперативно действующую власть в регионе и учитывая слабость средств коммуникации, должно было делегировать часть своих полномочий местной администрации, которую возглавлял Приамурский генерал-губернатор, назначаемый императором и подчинённый непосредственно МВД. Он обладал достаточно широкими полномочиями: командовал всеми вооружёнными силами края, возглавлял гражданскую администрацию, осуществлял дипломатические функции при сношении с соседними государствами и др. Таким образом, именно от генерал-губернатора во многом зависела реализация правительственного курса в Приамурье [16, с. 33–35].

Следует напомнить, что во второй половине XIX в. происходил процесс формирования геополитических теорий в контексте двух преобладающих в российском обществе концепций, которым соответствовали две основные группировки (по принципу геополитической ориентации), чётко выделившиеся в составе правящей элиты. Сторонники одной из них видели фокус русских интересов в Европе, в составе «европейского концерта», в поддержании баланса сил на континенте. К этой группировке принадлежало большинство министров иностранных дел – от К.В. Нессельроде (1816–1856) до С.Д. Сазонова (1910–1916). Их часто поддерживал император, а также многие влиятельные сановники. Вторая группировка, центром которой, естественно, был Азиатский департамент МИДа, поддерживала наступательную политику в Азии, даже ценой ухудшения отношений с другими державами. Наиболее яркими её представителями были генерал М.Г. Черняев (1828–1898) – губернатор Туркестана, Н.П. Иг-

натъев, возглавлявший некоторое время Азиатский департамент МИДа, позднее – представители «безобразовской клики» и, конечно, С.Ю. Витте.

Целью «европейцев» было сохранение престижа России как европейской державы, что не соответствовало в полной мере стратегическим и экономическим потребностям евроазиатской империи. Во взглядах же сторонников «азиатской» ориентации было больше политического прагматизма. В российском правительстве в конце XIX – начале XX в. наиболее ярким представителем этого направления был, как уже отмечалось, министр финансов С.Ю. Витте (1892–1903). Вся его деятельность была направлена на создание мощной индустриальной державы. Россия, по его мнению, в короткие сроки должна была догнать развитые в промышленном отношении страны Европы и США, занять прочные позиции на рынках Ближнего, Среднего и Дальнего Востока. Этим целям способствовало государственное железнодорожное строительство. Одним из самых выдающихся достижений в этой сфере стало строительство Транссибирской магистрали. С.Ю. Витте полагал, что она «обеспечит русскому военному флоту всё необходимое и даст твёрдую точку опоры в наших восточных портах», «создаст поворот в направлении сообщений между Европой и азиатским Востоком».

Особое внимание С.Ю. Витте уделял политике России на Дальнем Востоке, где усиливалась борьба крупнейших держав мира за колонии и сферы влияния. Наибольшую активность проявляли Англия, США и Япония. Тесная связь внешней политики с финансовыми вопросами (займы, внешняя торговля и др.) способствовали усилению влияния Витте на внешнюю политику России. Он полагал, что раздел Китая невыгоден для России, так как её позиции на Дальнем Востоке ещё очень слабы. Также он опасался проникновения Японии на континент и др.

В результате политики, проводимой Витте, влияние России в регионе значительно возросло: был учреждён Русско-Китайский банк (1895), началось строительство КВЖД. С.Ю. Витте особо подчёркивал несомненную выгоду экономического освоения окраин. Он был уверен, что насущной задачей является распространение европейской цивилизации в Азии. Знаменитая «евразийская программа» включала и положения о развитии Российского Дальнего Востока – укрепление края на базе промышленного освоения, совершенствования местной инфраструктуры, стимулирования торговли и т. д.

Таким образом, к концу XIX – началу XX в. геостратегическое значение Дальнего Востока существенно усилилось. На это указывал полковник Генерального штаба Н.А. Волошинов: «...все державы с завистью смотрят на наш Дальний Восток» [3, с. 56]. Стали очевидными успехи в освоении дальневосточных земель, увеличе-

нии численности населения, развитии хозяйства. Во многом это достигалось путём развития русской крестьянской колонизации. Казачье и крестьянское переселение почти полностью контролировалось и организовывалось государством и должно было способствовать укреплению связи Центральной Европейской России с далёкой азиатской окраиной. Именно переселенцы должны были духовно скрепить страну, являясь «живыми и убеждёнными проводниками общей веры в целостность неделимость нашего Отечества» [8, с. 124]. Председатель Комитета министров и вице-председатель Комитета Сибирской железной дороги Н.Х. Бунге указывал на русскую колонизацию как на способ стереть племенные различия: «Ослабление расовых особенностей окраин может быть достигнуто только привлечением в окраину коренного русского населения, но и это средство может быть надёжным только в том случае, если это привлечённое коренное население не усвоит себе языка, обычаев окраин, вместо того, чтобы принести туда своё» [2, с. 211].

Государственная дальневосточная политика нуждалась в идейном обосновании. Им стали идеи В.О. Ключевского, его ученика М.К. Любавского о специфике русской колонизации и естественном расширении границ России. Также представляет интерес позиция П.П. Семёнова-Тян-Шанского, который писал об изменении в результате колонизации этнографической границы между Европой и Азией путём её смещения всё дальше на восток [136, с. 354]. Его взгляды теоретически развил сын – В.П. Семёнов-Тян-Шанский, подчёркивавший, что не следует разделять Россию на Европейскую и Азиатскую. Он выделял особую «культурно-экономическую единицу» – Русскую Евразию, которую не нужно считать окраиной, а следует признавать «коренной и равноправной во всём русской земле» [14, с. 608–609]. В начале XX в. Д.И. Менделеев отмечал: «Россия по моему крайнему разумению назначена сгладить тысячелетнюю рознь Азии и Европы, помирить и слить два разных мира, найти способы уравнивания между передовым, но кичливым и непоследовательным европейским индивидуализмом и азиатской покорной, даже отсталой и приниженной, но всё же твёрдой государственно-социальной сплочённостью» [5, с. 181–183]. Таким образом, идея «евроазиатского единства» была преобладающей в теоретическом обосновании дальневосточной политики.

Региональная политика империи преследовала в конечном итоге цели политической и экономической интеграции страны, установления ее социальной, правовой, административной и даже народонаселенческой однородности. Но конкретные потребности управления заставляли правительство продолжать учитывать региональное своеобразие территорий, что придавало администра-

тивной политике на окраинах определенную противоречивость и непоследовательность. Многие вопросы управления, хозяйственного развития оставались нерешёнными. Процесс имперского расширения и сопровождавшего его административного переустройства дальневосточного региона в XIX в. не завершился – в 1903 г. было создано Дальневосточное наместничество с центром в Порт-Артуре. И только неудачная Русско-японская война (1904–1905) остановила внешнюю экспансию и заставила правительство внимательнее отнестись к внутренней региональной организации власти.

После поражения в войне главным выводом российского руководства стало признание «необеспеченности безопасности России на всём протяжении её дальневосточных границ» [12, с. 342]. В системе мер, предпринятых правительством для усиления обороноспособности, следует отметить мероприятия по укреплению военноморских сил на Тихом океане. Была создана Амурская военная речная флотилия, происходило усиление Сибирской военной флотилии в рамках Большой судостроительной программы, реконструировалась Владивостокская крепость и др.

Опасения за обороноспособность восточной окраины побуждали российское правительство вносить серьёзные коррективы во внутреннюю политику на Дальнем Востоке. Именно уязвимость берегов Тихого океана заставило власти предпринять важные стратегические меры по хозяйственному освоению Приамурья и Уссурийского края. Важнейшей задачей стало развитие транспортной системы – одного из главных условий сохранения территориальной целостности государства, развития национальной экономики, внутреннего рынка. Стало очевидным, что непродуманная и во многом авантюрная деятельность в Китае и Корее в конце XIX – начале XX в. не принесла ожидаемых результатов. Россия оказалась вынужденной вернуться к прежней модели региональной политики в Приамурском крае, в основе которой оставалась континентальная доктрина – приращение территории путём крестьянской колонизации, развитие коммуникаций и экономической интеграции, сохранение государственной целостности.

В изменившихся исторических условиях новое звучание приобрёл лозунг «единой и неделимой России», нашедший своё отражение в дальневосточной политике. Особую роль в реализации правительственного курса должна была сыграть Амурская железная дорога, призванная решать не только военно-стратегические и экономические, но и национальные задачи, т. е. способствовать русской колонизации отдалённого региона, превращению его в неотъемлемую часть Великой России. С 1907 по 1915 гг. осуществлялось это грандиозное строительство, последним звеном которого стало возведение моста через Амур в Хабаровске, введённого в эксплуатацию в 1916 г. Наряду с развитием железнодорожного

транспорта активно развивалось строительство «колёсных» дорог, морского и речного транспорта. Особое внимание уделялось оживлению морских перевозок. Наиболее значимыми стали проекты по реорганизации Добровольного флота, реконструкции Владивостокского морского порта, укреплению Заамурского корпуса пограничной стражи и др. [4, с. 60, 62, 63].

Российский Дальний Восток стал рассматриваться как место встречи двух цивилизаций – европейской и азиатской и способствовать взаимному культурному обогащению.

Необходимость быстрее заселения Приамурья и Приморья русским населением, способным стать надёжной опорой государства, укрепление границ, освоение новых территорий стали приоритетными направлениями и приобрели общегосударственное значение. В связи с поездкой в Сибирь П. А. Столыпина в 1910 г. бывший чиновник Комитета Сибирской железной дороги И. И. Тхоржевский с удовлетворением отмечал: «По обе стороны Урала тянулась, конечно, одна и та же Россия, только в разные периоды ее заселения, как бы в разные геологические эпохи. Впрочем, Западная Сибирь уже заметно сближалась с востоком Европейской России» [9]. А.В. Кривошеин, которого часто называли «министром Азиатской России» из-за его важной роли в осуществлении переселенческой политики, отмечал: «из придатка исторической России он (Д.В.) превратится в органическую часть становящейся евразийской географически, но русской по культуре Великой России» [9].

С началом аграрной «столыпинской» реформы переселение стало одним из приоритетных направлений государственной политики. Форсируя этот процесс, правительство стремилось ослабить земельный голод в центральных районах России и отправить безземельных крестьян осваивать земли, расположенные за Уралом. Процесс переселения, прерванный событиями Русско-японской войны (1904–1905), вновь возобновился с марта 1906 г. По Правилам, утвержденным 10 марта 1906 г., для Дальнего Востока было разрешено свободное переселение, т. е. без предварительной посылки ходоков, что привело к стихийности, неуправляемости переселения. Поток переселенцев, хлынувший в 1907 г. в Приамурье, превзошел все ожидания. Ведомства и местные власти оказались не готовыми принять и обустроить такое количество переселенцев. В экстренном порядке Совет Министров 15 августа 1907 г. отменил переселение в Амурскую и Приморскую области без предварительного «ходачества» [7, с. 65.] Самый острый кризис был преодолен, но основная проблема заселения Дальнего Востока оставалась неразрешенной. Правительство страны признавало необходимость создания единой комплексной программы по освоению Приамурья. Но сложная внутривластная ситуация в стране не позволила начать ее немедленную разработку. Лишь в 1909 г. был создан Ко-

митет по заселению Дальнего Востока под председательством премьер-министра П.А. Столыпина. Основными направлениями его деятельности стали переселенческая политика и содействие строительству Амурской железной дороги, а также освоению территории вокруг нее. Была разработана специальная программа, в которой излагались основные колонизационные мероприятия [12, с. 10]. Наиболее важными из них являлись: увеличение площади колонизационного запаса; принятие мер «против наплыва в Приамурье рабочих желтой расы»; привлечение в край русских рабочих; ускорение строительства Амурской железной дороги; развитие дорожного строительства; разработка льгот и мер поощрения для переселенцев и др.

Отдельным пунктом программы была обозначена «организация учрежденной для изучения Амурской железной дороги экспедиции», которой П.А. Столыпин уделял особое внимание. В начале июля 1909 г. он направил всем министрам своего кабинета «Соображения о порядке исследования и подготовке к заселению местностей, прилегающих к линии Амурской железной дороги». В них премьер-министр объяснял необходимость принятия со стороны правительства «особых мер к экономическому подъему этого края» [13]. В качестве первого шага он предлагал создание научно-исследовательской экспедиции, результаты деятельности которой должны были лечь в основу единой дальневосточной правительственной политики. П.А. Столыпин осознавал, что переселение на Дальний Восток приобрело несколько однобокий характер: переселялись преимущественно крестьяне и осваивали далекий край лишь в сельскохозяйственном отношении. Но подлинное освоение и развитие окраины возможно лишь при проведении не только земледельческой, но и промышленной колонизации. Поэтому П.А. Столыпин просил министерства направить своих специалистов на работу в составе Амурской экспедиции, напоминая о важном государственном значении дальневосточной окраины для укрепления позиций России в регионе: именно промышленное развитие края наряду с крестьянской колонизацией, создание местной добывающей и обрабатывающей промышленности по переработке леса, рыбопродуктов и т. д. Следует признать, что после «евразийской программы» С.Ю. Витте, правительство России не предпринимало попыток обобщения, систематизации основных пунктов дальневосточной политики. Вероятно, если бы трагическая гибель П.А. Столыпина не приостановила активную деятельность Комитета по заселению Дальнего Востока, результаты и данные Амурской экспедиции вполне могли бы лечь в основу комплексной программы освоения Дальневосточного региона.

Для пограничного и слабо укрепленного края особое значение имели государственные меры по охране природных ресурсов, развитие протекционистского законодательства, охранявшего интересы

отечественных предпринимательства и торговли, поощрение российской рабочей миграции и т. д. Закономерным следствием протекционистской политики стала отмена системы порто-франко: в 1909 г. режим беспошлинной торговли был отменён на юге Дальнего Востока, в 1910 г. – в Камчатской и Сахалинской областях, в 1913 г. – была закрыта 50-вёрстная полоса «свободной торговли» с Китаем. Одновременно развивались и совершенствовались таможенная, рыбоохранная, налоговая службы [4, с. 60–62].

За 1909–1914 гг. государственные расходы на Дальний Восток возросли с 55 млн до 105 млн руб. в год. Однако, Первая мировая война (1914–1918) приостановила многие планы и начинания, направленные на укрепление Приамурья. Сократились инвестиции и дотации, ослабел поток переселенцев.

Таким образом, следует признать, что для правительства России в начале XX в. развитие Дальневосточного региона оставалось одним из приоритетных направлений не только во внешней, но и во внутренней политике. Вектор дальневосточной политики оказался направленным внутрь края, а задачи внешней военной и экономической экспансии были отложены на будущее. Впервые за всю историю российского Дальнего Востока он приобрёл самоценность, стал оплотом для укрепления евроазиатского единства в регионе.

Список литературы

1. Болгурцев Б.Н. Русский флот на Дальнем Востоке. – Владивосток: Дальнаука, 1996.
2. Бунге Н.Х. Загробные заметки // Река времён. – М., 1995.
3. Волошинов Н.А. Записки. – СПб., 1901.
4. История Дальнего Востока России. Т. 3. Кн. 1 / отв. ред. Б.И. Мухачёв. – Владивосток: Дальнаука, 2003.
5. Менделеев Д.И. К познанию России. – М., 2002.
6. Милютин Д.А. Мои старческие воспоминания за 1816–1873 гг. / ОР РГБ. Ф. 169. К. 16. № 2.
7. Приамурье. Факты, цифры, наблюдения. – М., 1909.
8. Прутченко С.М. Сибирские окраины. Областные установления, связанные с Сибирским учреждением 1822 г., в строе управления русского государства. Историко-юридические очерки. – СПб., 1899. Т. 1.
9. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 268. Оп. 3. Д. 949. Л. 252-253.
10. РГИА. Ф. 394. Оп. 1. Д. 2. Л. 5.
11. РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 2. Д. 34. Л. 3.
12. Российская дипломатия в портретах. – М., 1992.
13. Семёнов П.П. Значение России в колонизационном движении европейских народов // Известия РГО. – 1892. – Т. 28. – Вып. 4.
14. Семёнов-Тян-Шанский В.П. О могущественном территориальном владении применительно к России // Арабески истории. – М., 1996.
15. Труды, командированной по Высочайшему повелению Амурской экспедиции. Вып. 1. Общий отчёт Амурской экспедиции за 1910 г. – СПб., 1911.
16. Уложение Сибирское. – 1892. – Т. 2. – Отд. 1. – № 192–213.

А. А. Голубев*

Экономическое обоснование важности для развития региона железной дороги Санкт-Петербург – Петрозаводск в исследованиях комиссии Л. К. Чермака

На основе исследований, проведенных по изучению территории, предназначенной для прокладки железнодорожной линии Санкт-Петербург – Петрозаводск обосновано ее значение для социально-экономического развития района, для эффективного использования природных ресурсов в расширении предпринимательства и торговли. Показана важность рельсовой связи столицы с центром Олонецкой губернии. Представлены расчеты грузооборота дороги, ее доходности, а также произведен расчет реального увеличения числа переселенцев в структуре местного населения.

The significance of the St. Petersburg – Petrozavodsk railway line for the region socio-economic development, for the effective natural resources using in business and commercial increasing is well-founded in the article on the base of investigations, made according to the surveying the territory of the line laying. The importance of railway connection of the capital with Olonetz province centre is shown here too. The calculations of the railway goods traffic, its profit-making capacity, as well as the calculation of migrants' number real growth in the structure of the local population are represented in the article.

Ключевые слова: промышленный район, экономическая эффективность, природные ресурсы, предпринимательская деятельность, экономический потенциал, единый хозяйственный комплекс, грузопоток, комбинированная транспортировка грузов, переселенческая политика, социально-экономическое развитие.

Key words: Industrial region, economic effectiveness, natural resources, business activities, economic potential, united economic complex, goods traffic, combine goods transporting, migration policy, socio-economic development.

В период зарождения российского капитализма ученые и исследователи выполняли задачи ставившиеся правительством по поиску новых перспективных центров экономического развития и предпринимательской деятельности. Благодаря этой плодотворной работе в России появлялись новые, имевшие большой потенциал промышленные районы, такие как Северный и Южный Урал, Сибирь, Кавказ, Донбасс и др. В процессе изучения регионов исследователи решали не только задачи поиска полезных ископаемых и

* **Голубев Александр Анатольевич**, кандидат исторических наук, доцент, Петрозаводский филиал Петербургского государственного университета путей сообщения.

определения величины природных богатств, но и обосновали возможности строительства промышленных предприятий, предлагали варианты их транспортного обеспечения. Важное значение имело исследование и научное обоснование экономической эффективности и влияния железных дорог на развитие регионов, по которым они проектировались.

В рамках исследований перспектив экономического развития Российской империи на рубеже XIX–XX вв. проводилось активное и системное изучение экономического потенциала Северо-Западного региона. Строительство железной дороги от Санкт-Петербурга до Петрозаводска имело огромное значение, так как стимулировало местную промышленность, давало толчок предпринимательской деятельности, отвечало государственным интересам освоения этих территорий, их экономическому и социальному развитию. Продвижение на север осуществлялось и в целях изучения доходов от вкладываемых капиталов, поскольку рельсовая колея и паровой двигатель давали возможность предпринимателям извлекать прибыль от перевозок.

С началом изучения и освоения экономического потенциала этого региона стали появляться первые обоснования учёных и специалистов по эффективности строительства железных дорог в этом крае. Для подготовки таких обоснований на Северо-Запад были командированы: в 1890 г. – капитан 2-го ранга Иванов, в 1896 г. – адмирал А.К. Сиденснер и в 1897 г. – генерал-адъютант, адмирал Ф.В. Дубасов. Императорское общество судоходства для изучения края организовало специальную научную и промысловую экспедицию, проработавшую с 1898 по 1907 гг. По результатам ее работы было подготовлено около 130 различных трудов [7, с. 163–195, 259–269]. Министерство путей сообщения в 1894 г. направило специальную экспедицию во главе с членом инженерного совета при министерстве Б.А. Риппасом [4]. Параллельно с ней работала экспедиция инженера Журдана. Материалы экспедиций использовались в дальнейшем при окончательных изысканиях по сооружению дороги. Однако стоит отметить, что изучение края экспедиции проводили фрагментарно, рассматривая отдельные проблемы. Многие же исследования в силу ряда объективных и субъективных обстоятельств оставались незавершенными.

Необходимость строительства железной дороги, соединившей Северо-Западный район России с Санкт-Петербургом? была обоснована в период выдвижения и обсуждения проектов строительства Мурманской железнодорожной магистрали. Особое внимание при обосновании важности железнодорожной магистрали уделялось ее влиянию на экономическое развитие региона, на повышение его роли в расширении торговых связей и включения в единый хозяйст-

венный комплекс России. Комиссия по проведению железных дорог на Севере России в 1894 г., обсуждая данный вопрос, акцентировала внимание на экономической важности железной дороги, которая могла связать Мурманское побережье со столицей и центральными территориями России. Однако представители военных ведомств, участвовавшие в работе комиссии, высказались за преждевременность такого решения. Они исходили из того, что это потребует от государства огромных денежных затрат. Затягивание строительства важной для России железнодорожной линии на север можно объяснить также и сложной финансовой ситуацией в стране.

Пытаясь ускорить решение вопроса транспортной связи Санкт-Петербурга с Петрозаводском, органы местного самоуправления губерний взяли на себя инициативу продвижения этого проекта и продолжения в перспективе линии далее до Мурманского побережья Баренцева моря. В феврале 1894 г. при Олонецком губернаторе М.Д. Демидове была создана совещательная комиссия по вопросу строительства железной дороги на Мурман. Активно продолжило данную деятельность Олонецкое губернское земство, которое в период с 1895 по 1908 гг. приняло ряд решений о проведении железной дороги в крае. Результатом работы стало решение вопроса о выделении средств на проведение изысканий для строительства железнодорожной линии. Предварительные изыскания на линии будущей железной дороги были проведены специально учрежденными экспедициями в период с 1901 по 1904 гг. Обследования носили предварительный характер и не позволили в полной мере обосновать важность железнодорожной линии с учетом экономических интересов этих территорий [5. Л. 63].

В 1909 г. с изменением социально-экономической обстановки в стране назрела насущная необходимость основательного изучения данного вопроса и обобщения всего накопленного материала предыдущих исследований, проведенных по определенным отдельным аспектам обоснования важности железнодорожной линии. Перед исследователями стояла задача изучить экономическое положение северных территорий Олонецкого края, Петербургской губернии и обосновать важность сооружения железной дороги. Одновременно было необходимо произвести расчеты экономической эффективности предполагаемой железной дороги. Обследование включало территории прилегания к линии проектируемой дороги: Повенецкий, Петрозаводский, Олонецкий, Лодейнопольский уезды, пять волостей Вытегорского уезда Олонецкой губернии, а также Новолодожский и Тихвинский уезды Петербургской губернии. Исследование проводилось в основном за счет средств, выделенных Олонецким губернским земством в объеме 15 тыс. руб.

Для проведения исследовательских работ были приглашены квалифицированные специалисты различных государственных ведомств: земледелия и землепользования, торговли, путей сообщения, государственного имущества и статистического, зарекомендовавших себя при проведении аналогичных работ в других губерниях России (Тверской, Вятской, Московской, Нижегородской, Курской и Петербургской). С их участием и была создана специальная комиссия по всестороннему изучению проблем территорий пролегания дороги. Комиссию возглавил Лев Карлович Чермак – известный земский статистик, выпускник Подмосковной Петровской земледельческой академии. До этого в 1887–1889 гг. Л.К. Чермак, по заданию земских органов принимал участие в исследованиях частновладельческих хозяйств Петербургской губернии. Результаты этих изысканий были опубликованы в 1888–1895 гг. в Петербургских земских сборниках. Позднее в 1896–1902 гг. по поручению Министерства земледелия и государственных имуществ Л.К. Чермак работал над исследованием трех степных областей Российской империи. Он исследовал складывание поземельных отношений переселенцев из Европейской России в Зауралье. Результаты исследования были опубликованы в журнале «Сибирские вопросы» [6].

Комиссия, опираясь на данные экспедиций, которые проводились в 1901–1904 гг., уточнила и конкретизировала направление линии железной дороги. При проектировании и определении направления железнодорожной линии учитывались оценочные данные по затратам на строительство, которые зависели от расстояния, условий местности и населенности, а также учитывалась обеспеченность магистрали грузопотоками, что позволяло решать проблемы прибыльности дороги. Выбранное направление должно было соответствовать интересам развития района строительства дороги, а также Центральной России, а в перспективе и всего Северо-Западного региона страны.

Рассматривалось два основных направления, представлявшие наибольший интерес для региона и имевшие свои достоинства и недостатки. Первое: Дубовики – Лодейное Поле – Петрозаводск и второе: Тихвин – Лодейное Поле – Петрозаводск. Первое направление было короче на 35 вёрст и более лёгким для строительства. Второе (Тихвинское) направление в первой части проходило через необжитые места, требовавшие дополнительных вложений для развития, но с богатыми лесными угодьями. Комиссия, понимая важность более удобного коммерческого пути, склонялась к строительству железнодорожной линии по первому варианту, который предусматривал следующее прохождение линии: по северо-восточной части Новолодожского уезда, Петербургской губернии (75 вёрст); далее по Лодейнопольскому уезду, Олонецкой губернии,

до реки Свирь (80 вёрст); за Свирью, около деревни Ревсельга, проектируемая линия вступала в Петрозаводский уезд (35 вёрст); от Ревсельги через Ладву, линия пролегла на Петрозаводск (75 вёрст).

Принимая во внимание, что окончательное определение направления железной дороги передавалось на усмотрение правительства, группа Л.К. Чермака также провела исследования направления на Тихвин, которое должно было пройти Лодейнопольским уездом (40 вёрст), Новолодожским (30 вёрст), Тихвинским (80 вёрст) и далее у реки Свирь данная линия совпадала с первым направлением. Кроме этого, была проведена предварительная рекогносцировка и более короткого пути от Суббоченниц к Тихвину. Систематизируя собранные по тихвинскому направлению материалы, комиссия особо отметила сложность прокладки железнодорожного пути в данной местности из-за большого количества непроходимых болот, рек, ручьев и других естественных преград. Дополнительные трудности в Тихвинском уезде создавало отсутствие в районе предполагаемого строительства достаточного количества населенных пунктов.

Учитывая традиционно сложившиеся развитые в данном регионе водные транспортные пути сообщения, комиссия выдвинула идею оптимального их использования как в ходе строительства, так и в процессе эксплуатации дороги. По территории строительства протекали реки Волхов, Сясь, Паша, Оять, Свирь, Олонка, Важина, Ивина, Лососинка. Проект учитывал также расположение Ладожского и Онежского озер. На основании этого обосновывалась актуальность и выгодность для региона соединения железнодорожных и водных путей сообщения в единый транспортный комплекс. При выборе направления Дубовики – Лодейное Поле – Петрозаводск линия железной дороги также планировалась близ наиболее активно эксплуатируемых водных транспортных артерий. Первые 75 вёрст железнодорожного пути предполагалось возвести в 7–15 верстах от Ладожского озера и ладожских каналов. От Доможирова до Важин железная дорога протяженностью 80 вёрст должна была проходить не далее 10 вёрст от реки Свирь. В некоторых местах это расстояние в проектируемой линии составляло менее одной версты. И только перейдя на правый берег Свири, линия железной дороги отходила от водных путей на значительное расстояние, однако проходила параллельно западному побережью Онежского озера. Близость к водным транспортным артериям позволяла быстрее строить дорогу, так как облегчалась доставка материалов и техники. Удобные водно-сплавные пути, подходившие к железной дороге, позволяли уменьшить расходы на перевалку леса и других грузов к поездам. Удобной была комбинированная транспортировка грузов в

район строительства и обратно (использование водных путей и грунтовых дорог). В связи с ранним замерзанием большей части северных вод, многие грузы не успевали доходить до адресата водным путём, застревая в промежуточных портах. В этой ситуации могла помочь только всесезонная железнодорожная линия, которая в зимнее время могла принять на себя большую часть грузов за счет уменьшения сезонного летнего грузопотока.

Окончательное направление линии было спроектировано в основном по предложенному группой Л. К. Чермака варианту Дубовики – Лодейное Поле – Петрозаводск. В соответствии с рекомендациями исследователей определялось и месторасположение будущих станций железной дороги: Дубовики, Михаила Архангела, Паша, Оять, Лодейное Поле, Погра и др.

Реализуя общегосударственные интересы и исходя из малочисленности населения территорий пролегания трассы, группа Л.К. Чермака уделила большое внимание вопросам переселенческой политики в район строительства дороги. В ходе работы был произведён расчёт земельных участков для передачи их переселенцам. В данном регионе такие земли составили 630 тыс. десятин. На одну семью из шести человек по установлению правительства выделялось 30 десятин. Из такого расчёта следует, что в район строительства было возможно переселение 20 тыс. семей, т. е. до 120 тыс. чел. В течение трёх лет, к окончанию строительства дороги, предполагалось переселить в данный район около 3 тыс. семей. К концу же первого пятилетия количество переселённых семей должно было достигнуть 8 тыс. Предполагалось увеличение населения только южной части Олонецкой губернии к 1919 г. до 365 тыс. чел. [8, с. 47–48]. По статистическим данным 20 гг. XX в. данный прогноз оправдался.

Особое внимание в ходе исследования комиссия обратила на определение эффективности проектируемой железной дороги, ее соответствия задачам экономического развития района строительства. Решая эту проблему, группа Л.К. Чермака провела исследование возможного грузооборота дороги. Основную часть грузов, ввозимых в Олонецкий край, составляли хлеб, сахар, соль, спирт, масло, мануфактура, железо, чугун и другие товары. По вывозу из региона на первом месте стоял лес. В перспективе значительную часть грузов, как предполагалось, могли бы составить мрамор, гранит, рыба, а также продукция горных заводов: Александровского, Кончезерского, Повенецкого и Тулмозерского. Возможный грузооборот дороги, по расчетам на 1909 г., выражался в следующих показателях: грузов прибытия – 3275 тыс. пудов, грузов отправления – 38110 тыс. пудов, всего – 41365 тыс. пудов. В исследованиях приведены и примерные расчёты по грузообороту на ближайшее десяти-

летие. Грузооборот железнодорожной линии к 1919 г. по этим расчётам предположительно должен был составить: в грузах отправления – 52659 тыс. пудов, в грузах прибытия – 5200 тыс. пудов, всего – 57850 тыс. пудов. [8, с. 39 – 42].

Несмотря на сложности военного времени и имевшиеся недостатки, Олонецкая железная дорога перевозила пассажиров и всевозможные грузы. За десять месяцев (январь – ноябрь 1916 г.) временной эксплуатации (кроме перевозок для нужд самой Олонецкой железнодорожной линии) было перевезено – около 68,8 тыс. чел., из них 22,8 тыс. – военнопленных, багажа – 18,6 тыс. пудов, грузов малой скорости – на сумму 4,5 млн руб. Для строительства железнодорожной линии Петрозаводск – Мурман было перевезено 4100 вагонов различных грузов и 19,6 тыс. военнопленных [1, с. 110].

В отношении финансового положения по прогнозу валовой доход дороги от грузов малой скорости за 1910 г. должен был составить 912,9 тыс. руб. От пассажирского движения по положению 1904 г. был установлен доход 500 руб. с версты за год. Так как на Севере широко развивались отходные промыслы и стал популярным туризм на Сунские водопады, то предполагалось, что количество пассажиров будет выше среднестатистических данных примерно в два раза, т. е. доход мог составить 1000 руб. с версты за год. Общая сумма от пассажирских перевозок рассчитывалась в 265 тыс. руб. В итоге валовой доход дороги предположительно должен был составить 1177,9 тыс. руб. в год. Расходы по эксплуатации, не зависевшие от движения, из-за сложности обслуживания дороги были установлены в 2 тыс. руб. на версту. Расходы, зависевшие от движения, были установлены 0,75 руб. на поездоверсту. В итоге на 1910 г. общие расходы должны были составить 776,45 тыс. руб. Следовательно, в 1910 г. предполагалось получение чистого дохода с дороги в сумме 136,45 тыс. руб. Кроме этого выручка от перевозки почты рассчитывалась ещё в 30 тыс. руб. На 1919 г. чистый доход от эксплуатации линии с учётом перевозки почты мог составить 439,17 тыс. руб. [8, с. 42–43].

Эти данные свидетельствуют о том, что проектируемая дорога должна была стать прибыльной уже с первого года эксплуатации и способной начинать покрывать долги по строительному капиталу. В связи с социально-экономическим развитием края основную массу дохода могла принести возраставшая торговля и особенно расширение вывоза леса, что составляло бы чистую прибыль в 300–400 тыс. руб. в год. Значительную часть грузов отправления составили бы лес, деготь, рыба, сено, строительный мрамор и гранит.

Подробные результаты исследования по экономическому обследованию края, проведенные группой Л. К. Чермака, в 1910 г. бы-

ли опубликованы в Санкт-Петербурге в «Материалах по статистико-экономическому описанию Олонецкого края» [3. Л. 16–17]. Данные материалы были использованы также и при рассмотрении вопроса о строительстве Мурманской железной дороги (линии Петрозаводск – Мурманск) в Межведомственной комиссии по железнодорожным изысканиям под председательством действительного статского советника А.Е. Струве в мае 1910 г. Межведомственная комиссия на основе исследований и проведённых изысканий специальной комиссией под руководством Л.К. Чермака приняла положительное решение: «...признать проектируемую линию Дубовики – Петрозаводск по какому бы направлению ни прошла таковая...» [2, с. 299 – 301].

Понимая ценность материалов, представленных группой Л.К. Чермака по результатам исследований, Олонецкое губернское земство летом 1910 г. обсудило подготовленный комиссией доклад о результатах изысканий. Однако, несмотря на общий положительный итог работы комиссии Л. К. Чермака, земское собрание отметило, что при подсчёте грузооборота авторы в значительной мере уменьшили его, так как использовали некоторые уже устаревшие сведения, полученные экспедициями 1901–1904 гг. Поэтому для продолжения работы была создана расширенная комиссия, в состав которой дополнительно вошли представители губернских земских комитетов. Комиссия в расширенном составе уточнила и дополнила материалы, собранные в 1909–1910 гг.

Для дальнейшего продвижения идеи строительства железной дороги в пределах Олонецкой и Петербургской губерний земство приняло решение опубликовать материалы исследования в полном объеме с рассылкой их во все государственные органы власти, причастные к решению проблем возведения новых железных дорог. Летом 1910 г. в Санкт-Петербурге вышла в свет «Записка об экономическом значении железной дороги Петрозаводск – Дубовики (с вариантом на Тихвин) и её возможном грузообороте», автором которой является Лев Карлович Чермак.

На протяжении подготовительного периода возведения железной дороги Санкт-Петербург – Петрозаводск многие специалисты обращались к решению проблемы транспортного обеспечения Петербургской, Олонецкой губерний и всего Северо-Западного региона России. Особое значение в решении данного вопроса сыграла работа комиссии под руководством Л.К. Чермака, которая исследовала направление будущей линии железной дороги с учетом местных экономических особенностей, изучила транспортную и социальную инфраструктуру района строительства, при этом уделила особое внимание местным ресурсам, наличию и использованию в период строительства и эксплуатации водных путей, вопросам переселен-

ческой политики. В противовес выдвигавшейся ранее точке зрения о нерентабельности возведения в этом районе железнодорожной магистрали, комиссия теоретически доказала экономическую эффективность будущей железной дороги.

Всесторонне исследуя данную проблему, комиссия пришла к выводу: «железная дорога, которая свяжет центр Обонежья с остальной страной, выведет его из состояния теперешней изолированности, а это-то обстоятельство не может не послужить могучим толчком к пробуждению его собственных дремлющих сил. Не меньшее для края значение будет иметь соединение его культурными путями сообщения с Северным морем, особенно если бы конечный пункт северной линии был где-нибудь на Мурманском берегу, обладающем незамерзающими бухтами, как тот же Александровский порт, что открывало бы путь России к открытому океану» [8, с. 47–48]. Данная железная дорога не только позволяла освоить богатые природными ресурсами территории, но и увеличить объемы морской торговли России с другими странами.

Исследование региона и природных ресурсов, произведенное этой комиссией, позволило дать экономическое обоснование важности для края железной дороги, выбрать не только более удобное для строительства и эксплуатации направление железной дороги, соединившей Санкт-Петербург с Петрозаводском и далее с побережьем Северного Ледовитого океана, а также и разрабатывать перспективные планы его социально-экономического развития.

Список литературы

1. Афанасьев А.И. и др. История нашего края. – Петрозаводск, 1973.
2. Бюллетень Межведомственной комиссии. – СПб., 1911. – № 8–9.
3. Национальный архив Республики Карелия (НА РК). Ф. 1952. Оп. 1. Д. 2310.
4. Риппас Б.А. На Кольском полуострове. Отчет о поездке летом 1894 года для осмотра местности по линии предполагаемой С.-Петербург – Мурманской железной дороги. – Петроград, 1915.
5. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 274. Оп. 2. Д. 11.
6. Сибирские вопросы. – 1908. – № 37–38.
7. Сиденснер А.К. Описание Мурманского побережья. – СПб., 1897.
8. Чермак Л.К. Записка об экономическом значении железной дороги Петрозаводск – Дубовики (с вариантом на Тихвин) и её возможном грузообороте. – СПб., 1910.

Воспитание гражданственности: институциональный подход

В статье рассмотрены глубинные основы понятий «патриотизм» и «гражданственность», раскрыты различные историко-философские концепции формирования ценностей гражданского общества.

In article So-called Bessonovoj from the philosophical point of view considers deep bases of concepts patriotism and civilization, various philosophical concepts of formation of true values of a civil society are opened.

Ключевые слова: индивидуум, ментальность, гражданственность, социокультурные институты, самоидентификация человека.

Key words: an individual, mentality, civilization, социокультурные institutes, self-identification of the person.

Смена системообразующих установок в обществе требует и изменения в отношении к воспитательной работе. Для России привязанность человека к Родине всегда носила особый смысл – философский, нравственный, религиозно-мистический. Чувство патриотизма рассматривалось как существенное отличие русского мироощущения от рационализированного и прагматичного европейского.

Например, Н.А. Бердяев писал об этом так: «Русскому народу ... свойственна большая коммунитарность, чем народам Запада, ему мало свойствен западный индивидуализм... Когда славянофилы, особенно К. Аксаков, подчеркивали значение хорового начала у русского народа в отличие от самодавления и изоляции индивидуума, они были правы» [1, с. 80].

Специфическим культурно-социальным феноменом называют российскую ментальность, основой которой выступает соборное сознание как объединяющее начало, опирающееся на единство славянского генофонда, православного вероисповедания, оригинальной традиционной культуры и нравственности.

* **Бессонова Татьяна Николаевна**, доктор философских наук, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Высший военно-морской институт радиоэлектроники имени А.С. Попова.

Человекоцентризм в соединении с рационалистическим мировоззрением и трудовой этикой – вот те ориентиры, которые сопутствовали и способствовали зарождению и развитию капиталистических отношений. Ментальность европейских наций веками складывалась с учетом этих ценностей. Высокая оценка труда всегда соседствовала с гражданско-патриотическими качествами личности. Индивидуалистические установки диктовали особое отношение к методологии исследования: бурное развитие получили субъективная социология и экономический институционализм.

Социологический институционализм, начиная со Спенсера и продолжая свою классическую линию, рассматривал любые общественные процессы, исходя из культурных и политических свойств конкретной социальной системы, в зависимость от которой ставилась частная воля, т. е, по сути, поведение и мысли человека объяснялись институциональными особенностями развития общества.

Экономический институционализм или неoinституционализм [2, с. 231–232] берет абстрактную рациональную волю, за которой нет никаких реальных общественных интересов, в качестве фундамента социального устройства. Большинство неoinституционалистов полагали, что природа социокультурных институтов определяется природой человека, поступки которого зависят от работы разума. Это в значительной мере объясняет то внимание, которое они уделяли теории организации и управлению контрактными отношениями. Виды такого управления зависят от институциональной среды и личностных черт экономических и политических деятелей.

Отечественный исследователь неoinституционализма привел следующие его характеристики: во-первых, новый институционализм отказывается от модели равновесия Вальраса-Эрроу-Дэбре как единственно верной модели и принимает допущения, предложенные культурологической теорией игр (Йохан Хейзинга – *homo ludens*); во-вторых, новый институционализм признает ограниченную рациональность индивидов, отказавшись от постулата оптимизации, лежащего в основе поведения *homo economicus*; в-третьих, новый институционализм отказывается от тезиса о стабильных субъективных предпочтениях индивидов [3, с. 13].

Неoinституциональное видение человека характерно для одного из теоретиков трансакционных издержек – О. Уильямсона. Он связывал институциональную среду с пространством параметров изменения издержек управления, т. е. рациональности. Уильямсон выделял три формы рациональности: максимизирующую (не учитывающую трансакций); ограниченную (разумом, познавательными возможностями управляющего); органическую или процессуальную (не вытекающую из степени рациональности поступков отдельных членов коллективного субъекта) [4, с. 94].

Индивидуально-личностные особенности экономического руководителя дают нам представление о возможностях его поведения. Институциональная экономика, согласно Джону Коммонсу (1862–1945), это волевая экономика, включающая психологические сделки [5, с. 1]. Поскольку она выражается в правовой стороне обмена, то речь идет не о психологическом явлении, а о культурно-социальном, выраженном в институциональной форме.

Трансакции – это волевые отношения, заключающиеся в действии, посредством которого определенное количество труда в виде прав собственности перемещается в обществе между его членами. Трансакция содержит элемент присвоения: внешняя ее сторона – распределение прав, внутренняя – распределение труда. Но труд как содержательный экономический момент утрачивает свое значение в волевой видимости трансакционной формы. Акцент на трансакционных издержках – результат игнорирования ведущей роли труда в объяснении как сущности, так и явлений социально-экономических отношений. Таким образом, следует сделать вывод о том, что в современных модернизационных процессах человеку надо переориентироваться и в этом плане. Трудовая этика как ценность жизни теряет свои позиции в капиталистическом мире не только благодаря выдвиганию на первый план ценностей потребления (это в бытовом плане особенно существенно), но и благодаря особым «установкам видеть и объяснять» – и это уже заслуги методологии экономической науки. Хотя психологи в этом плане преуспевают сегодня нисколько не меньше, разрабатывая формулы и технологии успеха.

Человек, воспитывающийся на индивидуалистических установках, и как продукт пусть и «самых успешных» технологий и стандартов может оказаться совершенно не готовым к принятию новых институциональных ценностей с далеко идущими из этого выводами. Более того, экономический институционализм не всегда готов, да и не может ответить на вопрос: каким образом надо воспитывать в человеке гражданские чувства и стремление быть патриотом своей страны, своего государства как основного общественного института.

Если в советский период отечественной истории институциональная ценность патриотизма преимущественно насыщалась интернациональным содержанием, то в сегодняшней России патриотизм приобрел национально-православный характер и поэтому требует осмысления своих специфических ментальных черт. Сама ценность патриотизма определяется онтологией целостности русского самосознания, самобытности русской национальной культуры, самоидентификацией россиянина как гражданина и православного человека.

Центр социологических исследований МГУ им. М.В. Ломоносова в конце 1990-х гг. с целью анализа патриотических качеств современной молодежи провел опрос среди студентов и старшекурсников гуманитарного и естественного профилей обучения [6, с. 71]. Было отмечено, что у студенческой молодежи представление о самоценности патриотизма не утрачено. Практически все московские студенты не сомневались в том, что патриотизм даже в нестабильное время по-прежнему присущ молодому поколению. Среди всех опрошенных только 1% студентов считали, что «любовь к Родине – анахронизм». Приблизительно половина опрошенных (53 %) определили патриотизм следующим образом: «Любовь к Родине естественна, но необходимо трезво ее оценивать», 11 % опрошенных отметили, что «человек должен превыше всего ставить свою Родину – за ее самобытность», 29 % респондентов присоединились к суждению: «Человек – гражданин мира и может любить разные страны за их достоинства».

В научной литературе сложилась традиция рассматривать воспитание и образование, да и социализацию в целом, с первостепенным учетом молодежного фактора. Будущее молодежи, а значит, и будущее страны в первую очередь зависит от духовно-нравственного потенциала общества. Воспитание доброты, честности, справедливости, нравственной ответственности, творчества и трудолюбия, патриотизма в самом широком понимании этого слова – вот задача вновь воссоздаваемой системы воспитательной работы в современной России. В ее основе лежит формирование устойчивых культурных традиций, которые представлены элементами культурного наследия: идеями, ценностями, обычаями, обрядами, символами, различными способами восприятия мира. Формирование социокультурных традиций неразрывно связано с личностной и национальной самоидентификацией человека.

Патриотизм и гражданственность выступают в качестве структурных компонентов формирования социальных и культурных институтов в любой стране. Огромное значение в становлении человека как гражданина сыграла социальная философия XVII в. Ядром гражданской философии и концентрированным выражением юридического мировоззрения выступали тогда естественно-правовые концепции, соединенные с теорией общественного договора. При всем многообразии, вариативности этих концепций их объединяли: допущение, что «от природы» индивидам присущи права и свободы, часть которых не подлежат отчуждению и в общественном состоянии; трактовка возникновения общества в форме юридического акта, сознательно и добровольно заключенного индивидами и определяющего взаимное перенесение прав и обязанностей.

Институциональный подход выявляет разницу в логике рассуждений при установлении прав между юристами и экономистами. Если экономисты решают, что и как делать для эффективного результата производства, то юристов интересует, кто и на что имеет права. Например, Рональд Коуз, чье творчество стало фундаментом неoinституционализма, считал, что социальные науки должны внести свой вклад в науку о природных задатках и предпочтениях человека. Он предлагал посмотреть на социальную природу тех, кто делает выбор, т. е. необходимо, по его мнению, соединить рассмотрение человеческой природы с анализом институциональных условий.

В своих исследованиях он делал акцент на влияние правил ответственности на размещение ресурсов. Коуз рассматривал такие институты, как рынок и фирму в их организационной альтернативности. Действительный выбор определенной формы зависит от величины трансакционных издержек. Именно трансакционные издержки, как считал Коуз, имеют решающее значение при определении назначения использования прав в экономике. Он отмечал, что только при четкой определенности прав собственности и нулевых трансакционных издержках распределение производственных ресурсов не будет меняться даже при перемещении прав собственности. «Если о факторах производства мыслить как о правах, – писал он, – становится легче понять, что право делать что-либо, имеющее вредные последствия... также является фактором производства»; «изменение закона воздействует на экономику, и многие последствия таких изменений еще скрыты от нас» [7, с. 32]. Издержки существования права всегда представляются потерей, вытекающей из обстоятельств применения данного права, т. е. право приобретается тем, для кого оно представляет наибольшую ценность.

Эти рассуждения, с одной стороны, привели к абстрагированию системы товарного производства как сущности общественного производства в экономической теории, а с другой – поставили вопрос о необходимости анализа институциональных факторов не только в экономике. Юридически правовой аспект исследования прав человека ставит нас перед проблемой институционального осмысления ментально-воспитательного процесса, его содержания и форм. Патриотизм немислим без формирования позиций гражданина и патриота. Гражданственность – это важнейшая социальная и нравственная ценность как для отдельного человека, так и общества в целом.

Современная энциклопедия следующим образом определяет понятие гражданственности: это комплекс определенных политических, социально-психологических и морально-нравственных качеств политических субъектов, т. е. граждан своего Отечества [8, с. 293]. Педагогический аспект формирования качеств гражданственности и

патриотизма состоит в гуманизации самого процесса воспитания: признании ценности воспитанника как личности, его прав на свободу, счастье, социальную защиту, на развитие способностей.

Гражданственность – основа культуры современного человека. Она предполагает развитое политическое сознание граждан в сочетании с ответственностью за жизнеспособность и совершенствование существующих социокультурных институтов. Гражданственность – это политическая и культурная активность человека, ощущающего себя полноправным гражданином своей страны, о котором заботится его государство. И забота эта проявляется не только в социальной помощи, но прежде всего в том, что человек сам может обеспечить себя и свою семью. Главная забота государства о своих гражданах должна состоять в обеспечении трудовых гарантий своим гражданам. Многие воспитательные декларации могут и не потребоваться, когда люди уверены, что их труд будет востребован и оценен. Гражданственность немыслима без участия граждан в управлении своей страной. Гражданственность отражает также приобщенность каждого человека к гражданскому обществу, что невозможно вне участия в самоуправлении и общественной самоорганизации.

Ценностные ориентиры выступают логическим центром ценностно-мировоззренческой системы, вследствие чего являются основной оценочно-аналитической и поисково-экспериментальной деятельности сознания творческой личности, придают идентификации воспитуемого гуманистическую направленность. Лучший воспитатель патриотизма, конечно, сама жизнь, убежденность, что мы живем в гражданском обществе; в этом аспекте для молодежи важно восприятие и положительная оценка общественного опыта, развитие правосознания и трудовой этики.

Быстрая смена «моды» на ценности не способствует развитию этих качеств. Отношение к истории – тоже важный показатель патриотического воспитания и этнокультурной идентификации человека. Негативное отношение к историческому прошлому, формирование чувства превосходства «поколения циников и прагматиков», подрыв традиций уважительного отношения к учителю, подкрепляемый пренебрежительной бюджетной политикой его оплаты – все это работает на антипатриотизм молодежи. Вскрывая причины антипатриотизма, как явления современной российской действительности, известный петербургский педагог, профессор В.А. Мосолов писал: «Теперь, в постсоветский период, казалось бы, в социально-экономической и политической сферах российского общества произошла самая что ни на есть революция. Не долгими, вековыми путями, а почти мгновенно у нас возник новый общественный строй – капитализм, при котором собственность на средства производства сосредоточена в руках немногих, существует наемный

труд и, конечно же, эксплуатация человека человеком, пропасть между богатыми и бедными, зачастую сращивание промышленного, финансового и торгового капитала с властными структурами. Поскольку наш капитализм молодой, то он и похож, и вместе с тем не похож на современный западный капитализм. Он сходен своими экономическими устоями, но отличается – своей дикостью, организованной жадностью, безудержным гедонизмом элиты, слабой защищенностью простого человека» [9, с. 62.].

На идентификационные сбои и антипатриотизм оказывает влияние также антиисторическая установка современного культурного сознания. Новое время определило утверждение исключительного смыслового значения истории, отношение к ней как к фундаментальной культурной ценности. Сегодня же все чаще настоящее характеризуется как тотально самодостаточное, что находит отражение в дебатах о конце истории (Фр. Фукуяма и др.), о постисторическом (термин Р. Сейденберга), постцивилизационном (К. Боулдинг) состоянии общества и его культуры. Современный человек не соотносится с прошлым постоянно.

История уже не рассматривается в качестве важнейшего ценностного ресурса. Связано это с рядом социокультурных факторов: во-первых, с оценкой принципиального своеобразия нынешнего этапа культурного и социального развития; во-вторых, с тем, что собственно традиция перестала быть нормативно-обязательной; в-третьих, с установлением тесной связи социальной жизни с процессами управления и планирования. Таким образом, выявляются вполне объективные основы идеологии антиисторизма. В постиндустриальном обществе определяющими факторами являются информация, управление и организация.

Об актуальности исторического знания и его значении для культуры в целом и социокультурной ориентации человека, в частности, говорилось многими исследователями [10, с. 51]. На наш взгляд, чрезвычайно важным является правильное понимание функций и значения исторического познания в культурантропологическом контексте. Немецкий философ Вильгельм Дильтей (1833–1911), чьи культурно-исторические исследования были сопряжены с герменевтическим толкованием культуры, подчеркивал в своем труде «Введение в науки о духе. Критика исторического разума» (1883): «Что есть человек, говорит ему его история». История у Дильтея – средство «для открытия человека самому себе», а человек – средство «для открытия истории самой себе». Философия, по мнению Дильтея, должна быть направлена на духовный мир человека, на жизнь, акцентируя историчность, духовность человека.

Это должна быть наука о мировоззрении, определяющей стороной которого становится ценностный аспект. Во многом под влия-

нием этих рассуждений сложилась философия культурно-исторической детерминации сознания другого немецкого философа К. Ясперса. «Мы стремимся понять историю как некое целое, чтобы тем самым понять себя», – писал Карл Ясперс (1883–1969), размышляя о смысле истории [11, с. 11].

Известный немецкий философ Иоахим Риттер утверждал, что современность дает плодотворную возможность «нового осмысления задач философии и гуманитарных наук». Он считал, что прогресс цивилизации непрерывно создает «раздвоение» естественных потребностей человека и его исторического существования в рамках общества. Но раздвоение требует не преодоления, а гармонизации. Историческое сознание сегодня должно восстановить связи между «истоком» и «будущим», чтобы связь эта формировала основные ориентиры человека в мире. Только «наука о духе» открывает человеку технической цивилизации возможность исторической индивидуализации. О. Марквард, ученик И. Риттера, выразился еще более четко: «Чем современнее становится современный мир, тем неизбежнее наука о духе».

Последователь и приверженец философской школы Риттера Герман Люббе отмечал, что значение истории увеличивается вместе с динамикой современной цивилизации, «цивилизационная динамика сопровождается прогрессирующей музеефикацией» [12, с. 87]. Иными словами, философская и историческая мысль давно отметили наступление такого этапа в историческом движении человечества, когда «множество элементов, принадлежащих настоящему, все же твердо относятся ко вчерашнему или позавчерашнему дню» [13, с. 57].

Генезис ценностных ориентаций – действительно, сложный процесс. Сейчас у многих молодых людей есть стремление к познанию мира и своего места в нем, истине, нравственному совершенствованию, осмыслению себя и истории своей страны. Это обнадеживает, на это следует опираться в воспитательной деятельности. Профессиональное обучение и гуманистическое воспитание должны слиться в органический процесс целенаправленного формирования личности. Какие качества личности «работают» на патриотизм?

Идентификация личности есть приписывание человеком себя к институту, общности, отождествление с ними. Воспитание патриотизма и гражданственности имеют именно такую направленность. Они помогают человеку определиться с этнической, профессиональной, территориально-государственной принадлежностью, с вопросом: кто есть я? Человек испытывает чувство гордости за прошлое своего народа, культурные ценности своей страны, выдающиеся достижения отечественных деятелей науки, искусства,

образования. С чувством гордости приходит ответственность, готовность защищать интересы Родины. Так, через институциональную самоидентификацию личности формируются высокие нравственные качества, гражданственность и патриотизм [14, с. 85].

В одной из статей научно-теоретического журнала «Философия и общество» была сделана интересная попытка наметить системные критерии социальной зрелости в связи с выработкой методологии исследования молодежных проблем [15, с. 80]. Это важная проблема и для институциональных процессов. Вот эти критерии социальной зрелости:

- способность поддерживать и развивать структуру общества, т. е. формировать и развивать многообразие социальных и культурных связей между отдельными индивидами и группами людей;
- способность создавать новые ценности материальной и духовной культуры;
- способность расширять саму социальную систему как в процессе освоения окружающей среды, так и путем усложнения богатства связей между обществом и природой.

В качестве выводов отметим:

1. Модернизационные процессы как в мире, так и в нашей стране и быстрое внедрение в жизнь коммуникативно-процессуального способа восприятия и видения с особой остротой поставили проблему самоидентификации личности. В этих условиях актуализируется, возрастает сложность воспитательной работы. От состояния идентификационных определений личности зависят судьбы многих институтов, в том числе и самого главного – государства. Перспективы развития страны во многом зависят от философии личности, от того, какие ценности и ориентиры ей приписываются. Гражданские позиции человека включают в себя и такое понятие, кого считать героем – человека, рискующего жизнью во имя Отечества или просто предприимчивого человека.

2. Воспитание патриотизма личности и ее гражданственности сегодня следует рассматривать как основополагающую институциональную ценность российского общества. Здесь все должно быть продумано и взвешено: политика государства, общественное мнение, установки массового сознания и т. д. Среди приоритетных направлений воспитательной работы в этом плане, требующих общественной и государственной поддержки и усилий на институциональном уровне, мы называем:

- поддержание ценностей трудовой этики;
- воспитание правосознания и ответственности;
- воспитание историей;
- рассматривание коллективности как культурной ценности;

- взвешенная разработка механизмов оценки поведения иощрения гражданина;
- поддержка самоуправленческих начал и воспитание самоуправления;
- создание положительного фона для оценки гражданами деятельности институтов власти и законодательства.

Список литературы

1. Бердяев Н.А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века //О России и русской философской культуре. Философы русского послеоктябрьского зарубежья. – М., 1990.
2. Давыденкова А.Г. Воспитание патриотизма и гражданственности как институциональных ценностей // IX Царскосельские чтения. Всерос. науч.-практ. конф. 8–9 апр. 2005 г. – Т. II. – СПб., 2005.
3. Коуз Р. Фирма, рынок и право. – М., 1993.
4. Курочкин А.В. Гуманитарные технологии. Проблема выбора методологических оснований // Гуманитар. технологии и полит. процессы в России. – СПб., 2001.
5. Леньшин В.П. Методологические подходы к исследованию молодежи // Философия и общество. – 2004. – № 3.
6. Люббе Г. В ногу со временем. О сокращении нашего пребывания в настоящем // Вопр. философии. – 1999. – № 4.
7. Мосолов В.А. О революциях и патриотизме в истории философствования // IX Царскосельские чтения. Всерос. науч.-практ. конф. 8–9 апр. 2005 г. Т. II. – СПб., 2005.
8. Цит. по: Плотников Н.С. Реабилитация историзма. Философские исследования Германа Люббе // Вопр. философии. – 1994. – № 4.
9. Рассадникова И.В. Об актуальности исторического знания // Мировоззрение. Философия. Наука: сб. науч. ст. – Сер. Философские беседы. Вып. 9, 10. – Волгоград, 2002.
10. Уильямсон О. Экономические институты капитализма. – СПб., 1996.
11. См.: Фаустова Э. О патриотических чувствах молодежи // Высш. образование в России. – 1997. – № 4.
12. См.: Соловьев Э.Г. Гражданственность / Политическая энцикл: в 2 т. – М., 1999. – Т. 1.
13. Ясперс К. Истоки истории и ее цель. – Вып. 1. – М., 1978.
14. Commons J. Institutional Economics. – N/Y. 193.
15. См.: Stanfield J. Nhe Scope, Method, and Significance of Original Institutional economics // Jornal of Economic Issues. – 1999. 33/2.

УДК 94(470.55/58).081 «1861»

*С. Г. Шустов**

Подготовка реформы 1861 г. в горнозаводских вотчинах Урала

В статье рассматривается процесс подготовки проведения реформы 1861 г. в крупных горнозаводских вотчинах Урала в основном на материалах имений графов Строгановых. Исследуются экономические и социопсихологические сложности восприятия реформы крестьянами и заводскими мастерами.

The article deals with the process of preparation of carrying out the reform of 1861 in large metallurgical fiefs of the Ural based mostly on the materials of estates belonging to Stroganov earls. The author focuses his attention on the economical and socio-psychological difficulties of perception of the reform by peasants and plant workers.

Ключевые слова: 1861 г., староверы, землеустройство, наёмный труд, крестьяне, мастера, горные заводы.

Key words: 1861, Old Believers, land organization, hired labour, peasants, craftsmen, mountain factories.

В последние годы значительно повысился интерес ученых к различным аспектам реформ 1860–1870-х гг. в России. Об этом свидетельствует появление ряда исследований, авторы которых по-новому рассматривают подготовку и проведение Великих реформ Александра II [2]. Один из ведущих специалистов по российским реформам 60-х – 70-х гг. XIX в. Л.Г. Захарова считает, что среди вопросов, требующих внимания историков, особо значимым является исследование того, «каким виделось сосуществование помещичьего и крестьянского хозяйства в будущем [6, с. 164].

Владельцы уральских горнозаводских вотчин Строгановы, Лазаревы, Шуваловы, Голицыны и Всеволожские были весьма заинтересованы в том, чтобы в ходе реформы сохранить за собой как можно больше земли и продолжить работу их заводов, рудников, соляных промыслов с наибольшей прибылью. В данной статье, основанной на использовании российского законодательства, архивных и иных документальных материалах исследуются подготовка к проведению реформы в самых крупных горнозаводских вотчин Ура-

* **Шустов Сергей Григорьевич**, кандидат исторических наук, профессор кафедры истории и культурологии, Прикамский социальный институт, г. Пермь.

ла Пермского майората графини Н.П. Строгановой и Пермского наследственного имения графов С.Г. и А.Г. Строгановых и те трудности, которые проявились в период подготовки реформы.

Согласно «Положениям 19 февраля 1961 г.» важным условием успеха реформы была подготовка и введение уставных грамот на основе добровольных соглашений между помещиками и бывшими крепостными. В ст. 36 «Правил о порядке приведения в действие положений о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости» прямо указывалось: «От усмотрения владельца зависит, призвать крестьян к участию в составлении уставной грамоты или составить оную без их участия. Но если владелец намеревается предоставить уставную грамоту от себя и от крестьян как добровольную сделку, основанную на обоюдном согласии, то он должен предварительно сообщить её крестьянам на сходе» [9, с. 225].

На практике мнения крестьян, мастеровых и промысловых работников в имениях уральских горнозаводчиков, в том числе и графов Строгановых, были проигнорированы, что вскоре вылилось в ряд серьёзных экономических и социальных проблем. Очень слабая информированность бывших крепостных о содержании законов и готовившихся уставных грамот рождали в среде крестьян и мастеровых различные слухи и домыслы.

На рубеже 50–60-х гг. XIX в. в Пермской губернии появилось много прорицателей и толкователей реформы. Особенно много их было среди староверов-раскольников. В имения графов Строгановых входили села и деревни, населенные старообрядцами. Они проживали в Ильинском округе, Обвинском Поречье, Сретенском, Кривецком и Егвинском ведомствах, в Оханском уезде – в селах Соновском, Дубровском, Острожском, Карагайской, Большесосновской, Черновской и других волостях [8, с. 28, 31, 33, 37, 38].

У староверов почти каждое общество имело своего пророка, сулившего даровое пользование землёй, лесами, рыбными ловлями, призывавших крестьян не платить повинности и оброки за землю.

Одним из таких проповедников «настоящей реформы» был поверенный главноуправляющего Пермским нераздельным имением старовер Адриан Павлович Пушкин, проживавший в Перми [11. Л. 3].

За три года до отмены крепостного права, по заданию графов Строгановых, как их поверенный, он собирал материалы для составления проектов об освобождении крепостных крестьян и мастеровых и из вопросов, составленных для него графом С.Г. Строгановым, понял замысел реформы [13, с. 671]. В это время в среде крепостного крестьянства Пермской губернии появились слухи о грядущих изменениях. Как только в печати был опубликован рескрипт императора Виленскому генерал-губернатору Назимову, граф С.Г. Строганов направил 31 декабря 1857 г. из сто-

лицы секретное письмо главноуправляющему Пермского имения В.А. Волегову следующего содержания: «из газет вы уже знаете о Высочайшем соизволении, дарованном дворянам Виленской, Ковенской, Гродненской и Санкт-Петербургской губерний приступить к обсуждению в комитетах и комиссиях условия освобождения крестьян от крепостнического состояния на основании указаний Его Императорского Величества и разъяснений Министра внутренних дел. Опубликование этой важной новости должно оказать сильное влияние на расположение умов служителей и крестьян. В подобных случаях неразумные толкования, злонамеренно-лживые объявления произведут брожения умов и волнения между крестьянами, а потому рекомендую вам внимательно следить за настроениями умов в имении и, в случае надобности, принимать энергичные меры против распространения лживых слухов. Всех же, кто будет обращаться к вам за разъяснениями по этому вопросу, убеждать, что с нашей стороны будут употреблены всевозможные старания для скорого и возможно выгодного для нас и крестьян принятия решения вопроса тогда, когда дойдёт очередь до Пермской губернии. Пусть же наши служители и крестьяне ожидают этого времени в спокойствии и уверенности, что мы сделаем все возможное для их блага». Граф просил управляющего информировать его регулярно «о состоянии умов в имении», используя для этого хорошие источники [12. Л. 5–5об].

В донесении от 30 января 1858 г. В.А. Волегов сообщал графу С.Г. Строганову: «Люди в имении совершенно спокойны и, по видимому, не желают перемены. Ныне хорошо известно незавидное положение казённых крестьян, в недалеком расстоянии от них живущих. Один из Добрянского округа подзаводской крестьянин Пётр Орлов, проживавший в Филатовском ведомстве и пользующийся по зажиточности своей влиянием на многих раскольников, был у меня недавно и спрашивая об этом, с сожалением отозвался: "что все хорошие мужики не хотят уходить от графа, на что нам ещё лучшего, слава богу, нам и здесь хорошо и начальство своё знаем"» [12. Л. 7 об].

Управляющий, передавая мнение зажиточного раскольника, человека консервативных взглядов, больше никаких отзывов крестьян и мастеровых на начавшуюся подготовку реформ не приводит. Важно то, что зажиточный крестьянин-раскольник знает о грядущих изменениях, но либо он как истинный старовер не хочет ничего нового, либо скрывает своё настоящее отношение к реформе заведомо угодным Волегову ответом.

Практически в это время, 17 февраля 1858 г. А.П. Пушкин во время поездки в Петербург, близ Зимнего дворца встретился с императором Александром II и назвал себя «Посланником божьим по

крестьянскому делу» [13, с. 664], а тремя годами позже – 25 марта 1861 г., домогался встречи с императором в Царском Селе, но был полицией выслан из столицы «как сумасбродный человек» [13, с. 665]. Оба визита Пушкина в Петербург и его встреча с императором, давали ему возможность по возвращении на Урал в своей пропаганде апеллировать к царскому имени.

В начале июля 1859 г. в Ильинское Главное управление нераздельного имения поступили присланные графом С.Г. Строгановым оба проекта устройства быта крепостного населения вотчин, разработанные комитетом уральских заводладельцев [14]. Проекты были разосланы по вотчинным и заводским управлениям для изучения и высказывания мнений их служащими. Граф писал в сопроводительном письме: «Замечания писать прямо на подлинниках проектов» [3. Л. 48 об]. Трудно предположить, что информация о готовившихся реформах не достигла крестьян и мастеровых. Поэтому в 1859-х – 1860-х гг. слухи о готовящейся реформе имели достаточно широкое распространение среди крестьян вотчинных имений Пермской губернии.

В начале 60-х гг. А.П. Пушкин создаёт своё учение и активно его пропагандирует. Учение Пушкина было основано, как все раскольничьи учения, на подборе текстов Священного Писания, приведённых отрывками сообразно его идеям. Пушкин пытался доказать, что лишь он один может установить на земле правду и мир, единство человечества, что он – избранник божий, помазанный Духом господним для умиротворения человечества, избранник, о котором распятый на Голгофе говорил, что «он засвидетельствует обо мне, он наставит людей на всякую истину» [13, с. 668–669]. Относительно освобождения крестьян из крепостной зависимости Пушкин говорил, что они освобождены только духом, но не «телом», и считал освобождение крестьян неполным, поскольку они освобождены хотя и с землёй, но не безвозмездно.

Адриан Пушкин имел многих приверженцев в среде старообрядцев строгановских имений, которые считали его лицом «высшего призвания, в интересах которого он ратовал» [13, с. 669–670].

Некоторые из «ревнителей народных польз» были очень смелыми и настойчивыми агитаторами и долго волновали народное сознание, создавая дополнительные препятствия и затруднения в решении крестьянского вопроса. Восприимчивость крестьян и мастеровых к их идеям была усилена самим освобождением от крепостной зависимости и обязательного труда, т. е. «опьянением свободой», а также некоторым ухудшением экономического положения, введением новых трудовых отношений, уставных грамот и т. п.

В сознании крестьян не укладывалось дарование Положением 19 февраля 1861 г. широких прав, без предоставления им земли в

полную собственность и сохранение оброка и повинностей, Они считали, что подлинное освобождение предполагает передачу им в собственность всей земли, находившейся в их пользовании и полная отмена всех оброков и повинностей [1, с. 54]. Именно на таком понимании «воли» основывались все крестьянские утопии в России [7].

Реальный процесс «привязки» законов 19 февраля 1861 г. к условиям горнозаводских вотчин оказался значительно более сложным, чем представлялось накануне реформы, несмотря на наличие двух специальных законов в виде «Дополнительных правил» [4; 5]. Трудность их применения заключалась в том, что в горнозаводских имениях земельный вопрос при всей его важности оказался не главным. Самым главным стал вопрос перевода рабочей силы горнозаводского производства с обязательного труда на вольнонаёмный труд, а также переход на денежную оплату труда. Поскольку практически все крестьяне уральских вотчинных имений участвовали во вспомогательных заводских операциях, правда в разной степени занятости, они все наделялись землей на общих основаниях.

Большое беспокойство вотчинников и, в первую очередь графа С.Г. Строганова, как одного из лидеров уральских заводоладельцев вызывало освобождение квалифицированных заводских рабочих-мастеровых. С одной стороны, реформа давала мастерам полную свободу выбора трудовой деятельности. Они могли остаться работать на заводе, могли перейти к любому другому занятию, уехать или остаться в заводском поселке. Те, кто оставался жить в посёлке и те, кто работал на заводе, могли выкупить свою усадебную землю в собственность и арендовать за деньги другие земельные угодья, в необходимом для них количестве.

В условиях свободного выбора трудовой деятельности, опираясь на «Дополнительные правила о приписанных к частным горным заводам людям ведомства Министерства финансов» [4, с. 376–382], граф С.Г. Строганов предложил систему льгот для мастеровых, оставшихся работать на заводах имений. Перед мастерами открывалось два варианта отношения к усадебной, выгонной и покосной земле. По первому варианту мастера могли вступать в обязательные отношения с заводоладельцем, т. е. получить за оброк по 1 дес. покосов и по 200 кв. саж. выгона. Оброк мог быть заменён частью их рабочего времени, т. е. вычетами из зарплаты. По второму варианту, который предусматривали «Дополнительные правила» ст. 13, они могли отказаться от надела, т. е. не вступать в обязательные отношения с заводоладельцами [4, с. 378]. В таком случае они уравнивали себя в правах на выгоны и покосы с мастерами, которые не работали на заводе. После этого работавшие на заводе мастера могли потребовать от заводоладельца предоставле-

ния им покосов, дров, начать регулировать отношения по работе школы, больницы, церкви и других общественных учреждений. При этом требования к заводовладельцу предъявляло бы общество мастеровых, а не каждый мастерской поодиночке.

Граф С.Г. Строганов прекрасно понимал возможные варианты развития отношений с мастерскими. И поступил просто: объявил, что работающие на заводе мастерские получают значительные льготы, в том числе бесплатное пользование покосами и безвозмездное обеспечение лесом и дровами, а также усадьбу в собственности даром в течение девяти лет. Это предложение графа заставило задуматься даже самых консервативных мастеровых.

Ведущая роль промышленного сектора в экономике уральских горнозаводских вотчин была их главным отличием от сельскохозяйственных поместий. С учётом этого Совет управляющих и граф С.Г. Строганов сформулировали основные условия наделения землёй бывших крепостных своих имений. Рекомендации Совета управляющих и распоряжения С.Г. Строганова были направлены для ознакомления собственникам других уральских имений, в частности Х.Е. Лазареву [10. Л. 69–70]. Общим для всех горнопромышленников было стремление сохранить в своей собственности сырьевые и энергетические ресурсы, необходимые для ведения горного, металлургического и солеваренного производств.

Другой общий принцип реализации реформы был продиктован техническим уровнем горнозаводской промышленности, постоянно требовавшей большого количества высококвалифицированного труда мастеровых и ещё большего вспомогательного труда крестьян. Поэтому при проведении земельной реформы в имениях старались сохранить за предприятиями рабочую силу в прежнем количестве. Поскольку капиталистический рынок труда только начал формироваться, для заводовладельцев было крайне важно сохранить, хотя бы на первые пореформенные годы, несколько обновлённую, но традиционную систему обеспечения заводов рабочей силой.

Список литературы

1. Б.С. К истории упразднения крепостного права в Пермской губернии // Русь. – 1883. – № 13. – 1 июля. – С. 54.

2. Великие реформы в России. 1856–1874 / под ред. Л.Г. Захаровой, Б. Эклофа, Дж. Бушнелла. – М., 1992; Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX века). Т.2. – СПб., 2003; Медушевский А.Н. Великая реформа и модернизация России // Рос. история. – 2011. – № 1 и др.

3. Государственный архив Пермского края (ГАПК). Ф. 41. Оп. 2. Д. 1.

4. Дополнительные правила о приписанных к частным горным заводам людям ведомства Министерства финансов // Полн. собр. законов Рос. империи (далее – ПСЗ). Собр. второе. – Т. 36. – Отд. 1. № 36667. 1861.

5. Дополнительные правила о крестьянах и рабочих, отбывающих работы при Пермских частных горных заводах и соляных промыслах // ПСЗ. Собр. второе. – Т. 36. – Отд. 1. № 36668.
6. Захарова Л.Г. Великие реформы 1860-х – 1870-х годов: поворотный пункт российской истории // Отеч. история. – 2005. – № 4.
7. См. Клибанов А.И. Народная социальная утопия в России XIX в. – М., 1978.
8. Обзорение Пермского раскола, так называемого старообрядчества / сост. А.П. 1863. – С. 28, 31, 33, 37, 38.
9. Правила о порядке приведения в действие положений о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости // ПСЗ. Собр. второе. – Т. 36. – Отд. 1. № 36661.
10. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 1252. Оп. 1. Д. 1928.
11. РГАДА. Ф. 1278. Оп. 2. Ч. 1. Д. 482.
12. РГАДА. Ф. 1278. Оп. 2. Ч. 1. Д. 1505.
13. Струве Б.В. К истории раскола и упразднения крепостного права в Пермской губернии // Рус. старина. – 1884. – Т. XI, XII.
14. См. Шустов С.Г. Граф С.Г. Строганов и отмена крепостного права на уральских горных заводах // Рос. история. – 2009. – № 5.

В. А. Веретенко*

Организация акушерской помощи дворянкам в России во второй половине XIX – начале XX в.

В статье обращается внимание на кардинальное изменение организации акушерской помощи дворянкам в России, произошедшее за относительно короткий – 50–60 лет период буржуазной модернизации страны.

The article draws attention to the radical change in the organization of obstetric care to Russian noblewoman, which occurred over a relatively short period of 50–60 years during the period of bourgeois modernization.

Ключевые слова: дворянки, беременность, роды, родовспоможение, стационарная и разъездная акушерская помощь.

Key words: noblewomen, pregnancy, childbirth, obstetric aid, stationary and traveling obstetric care.

В середине XIX в. периоды беременности и родов составляли значительную часть жизни дворянки, впрочем как и представительниц других сословий. Если у состоявшей в браке и не жившей раздельно с мужем женщины не было проблем со здоровьем, то она могла родить в течение жизни 15–20 детей. Такая частота делала данное явление вполне обыденным, если не сказать рутинным. Как справедливо отмечает исследовательница доиндустриальной дворянской повседневности А.В. Белова «множественно повторявшиеся беременности (вплоть до 22-х) должны были способствовать восприятию их дворянками как своего естественного, обычного физиологического и психологического состояния» [1, с. 380].

Как и в предшествующие столетия, рождение детей у дворян происходило практически исключительно дома. Врачебная акушерская помощь была явлением достаточно редким и доступным лишь в крупных городах или очень состоятельным людям, имевшим возможность позаботиться о приглашении доктора заранее. Последнее же было крайне сложно организовать хотя бы потому, что срок предстоящих родов традиционно высчитывали сами женщины, причем делали они это уже во второй половине беременности, когда окончательно убеждались в самом ее факте. В результате они мог-

* **Веретенко Валентина Александровна**, доктор исторических наук, профессор кафедры истории, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина.

ли легко ошибиться на один – два месяца в одну или другую сторону [1, с. 422].

В крупных провинциальных городах практиковали два – три врача, к которым можно было обратиться, правда, они могли оказаться сильно загруженными, заниматься инфекционными больными или опоздать, а то и вовсе не явиться к родам по каким-либо другим причинам. В сельской же местности ситуация с врачебной помощью была еще хуже. Так например, заботливый муж и отец полковник К.П. Колзаков, отправленный в заграничную командировку во второй половине 50-х гг. XIX в., перед отъездом вывез семью из имения в Царское Село. Единственной причиной переезда стало опасение за жизнь и здоровье его жены и троих маленьких детей, так как живя в деревне, которая, кстати, находилась недалеко от железной дороги и всего в ночном перегоне от Петербурга, семья оказывалась «без доктора – без всякой помощи» [7. Д. 4. Л. 3 об.].

В подобной ситуации, а часто и заодно с обращением к доктору, провинциальные роженицы-дворянки вызывали одну из местных повитух, только очень небольшая часть из которых имела специализированное образование. В основном же это были крестьянки, либо приобщившиеся к своему ремеслу по наследству, либо снискавшие всеобщее уважение пожилые женщины, сами родившие не менее десятка детей [9, с. 3–28]. Но иногда и такой повитухи не находилось, и дворянка, подчас родовитая и вполне обеспеченная, оказывалась предоставлена лишь себе, власти своих родных и милости божьей. В этом плане очень показательна история первых родов княгини М.Н. Волконской: «Роды были очень тяжелы, без повивальной бабки (она приехала только на другой день). Отец требовал, чтобы я сидела в кресле, мать, как опытная мать семейства, хотела, чтобы я легла в постель во избежание простуды, и вот начинается спор, а я страдаю; наконец, воля мужчины, как всегда, взяла верх; меня поместили в большом кресле, в котором я жестко промучилась без всякой медицинской помощи. Наш доктор был в отсутствии, находясь при больном в 15 верстах от нас; пришла какая-то крестьянка из нашей деревни, выдававшая себя за бабку, но не смела ко мне подойти и, став на колени в углу комнаты, молилась за меня. Наконец к утру приехал доктор, и я родила своего маленького Николая, с которым впоследствии мне было суждено расстаться навсегда. У меня хватило сил дойти босиком до постели, которая не была согрета и показалась мне холодной, как лед; меня сейчас же бросило в сильный жар, и сделалось воспаление мозга, которое продержало меня в постели в продолжение двух месяцев» [2, с. 16–17].

За полстолетия до деревенских родов М. Волконской похожая ситуация могла произойти и в самой столице Российской империи.

Вот о чем вспоминала графиня В.Н. Головина (1766–1819): «Двадцати лет у меня были ужасные роды. На восьмом месяце беременности я захворала сильнейшей корью и была на краю могилы. Это случилось во время путешествия Императрицы в Крым. Часть докторов была с Ее Величеством, другие были в Гатчине во дворце, в котором Великий Князь Павел проводил часть лета. У молодых Великих Князей и Великих Княгинь не было кори, и поэтому доктора не могли приехать ко мне. Мне остался полковой хирург; он запустил болезнь; с ребенком, находившемся во мне, начались судороги; я терпела жестокие мучения. Граф Строганов, который был очень привязан ко мне, отправился к Великой Княгине, чтобы вызвать в ней участие к моему тяжелому положению. Она послала мне сначала доктора, потом акушера. Мои страдания были так сильны, что пришлось дать мне опиуму, чтобы усыпить меня на двенадцать часов. Когда я пробудилась от искусственного сна, у меня не было сил для разрешения от бремени; пришлось прибегнуть к инструментам. Я мужественно перенесла эту мучительную операцию; мой муж стоял близ меня, едва дыша, и я боялась, что он может упасть в обморок. Ребенок умер через двадцать четыре часа, но я узнала об этом по истечении трех недель. Я была при смерти, но постоянно спрашивала его, и мне отвечали, что волнение, которое я испытаю при виде его, очень ухудшит мое положение» [3, с. 23–24].

В отличие от народной традиции, для которой было характерно ограничение пространства родов и отправка роженицы в баню или даже сарай, в дворянской среде рождение детей происходило в привычной для женщины обстановке – в семейной спальне или другом помещении дома или усадьбы. Отличались дворянские роды от крестьянских и еще одним – присутствием на них матери роженицы, ее других старших родственниц, а иногда и мужа [1, с. 425–433]. Но в целом уровень родовспоможения, с которым приходилось сталкиваться представительницам привилегированного сословия, мало отличался от того, через что проходили их незнатные и небогатые современницы. Так что, вывод о том, что «несчетное число матерей гибнет в городах и селах жертвами неумения или невежества подающих помощь роженицам», содержащийся в записке, поданной в 1870 г. в медицинский факультет Киевского университета св. Владимира профессором патологии А. Шкляревским, касался не только простого народа [10. Д. 866. Л. 60–69].

За двадцать пореформенных лет положение в этой области медицины значительно изменилось. В результате появления широкой сети повивальных школ, разного рода специализированных учебных заведений, дававших своим учащимся акушерскую подготовку, и, наконец, открытия в 1872 г. Курсов ученых акушеров при

Медико-хирургической академии, к середине 80-х гг. XIX в. практически все дворянские дети появлялись на свет при помощи квалифицированных специалистов. В большинстве своем это были дипломированные повивальные бабки и акушерки, и очень редко, и только в крупных городах – врачи. Характерным в этом плане является порядок действий, осуществленный проживавшими в С.-Петербурге членами семьи сенатора С.И. Зарудного в 1875 г. Когда жена этого высокопоставленного чиновника, находившаяся на сносях, почувствовала приближение родов, к ней была вызвана акушерка. Она провела с роженицей более суток и приняла младенца. Роды оказались очень тяжелыми, и возникла опасность для здоровья матери, в этой ситуации к женщине был приглашен доктор, посещавший больную в течение нескольких недель до ее окончательного выздоровления [5. Д. 1. Л. 6–7].

По подсчетам современников в 1897 г. в России насчитывалось около 9 тыс. повивальных бабок, 6 тыс. из которых практиковало в городах [8, с. 25]. Конечно, это было недопустимо мало для страны, где ежегодно рождалось несколько миллионов детей, но по крайней мере на дворянок хватало. Значительная часть таких специалисток сама принадлежала к привилегированному сословию. Так, из обучавшихся в училище фельдшерниц С.-Петербургского дамского лазаретного комитета девушек 1852–63 гг. рождения дворянок было около трети (28,5 %) [12].

Возрастало и число специализированных лечебных заведений, оказывавших стационарную акушерскую помощь. Прежде всего это, конечно, касалось столицы Российской империи. В 1882 г. в Петербурге существовало 15 родовспомогательных заведений, содержавшихся частью за счет городских средств, а частью – за счет частных. Некоторые из них, например Повивальный институт, Мариинский родильный дом были крупными учреждениями, оказывавшими помощь нескольким тысячам рожениц в год, другие – небольшими, на 2–4 кровати [14. Д. 3466. Л. 1–8]. Спустя 20 лет прием рожениц в столице осуществляло уже 60 учреждений. Список этих заведений включал: 13 городских родильных приютов, 4 родильных дома, 2 внегородских родильных приюта, 4 городских больницы, 4 негородских больницы, 2 клиники Военно-Медицинской академии и 2 клиники Женского медицинского института при Петропавловской городской больнице. А также родильные отделения лазарета экспедиции заготовления государственных бумаг, больницы женского отделения тюрьмы, родильный покой Таможенного Ведомства. К числу родовспомогательных учреждений, содержавшихся частными лицами, принадлежало 18 убежищ, которыми заведовали

повивальные бабки и 8 разного наименования лечебных заведений, принадлежавших врачам [4, с. 33–34].

Несмотря на ежегодное увеличение числа родовспомогательных заведений, дворянки предпочитали рожать дома, приглашая акушерку (доктора) к себе. До начала XX в. родильные дома, с их «тайными комнатами» использовались женщинами данной социальной группы в основном лишь для незаконного рождения, с тем, чтобы, скрыв сам факт появления младенца на свет, немедленно передать ребенка в воспитательный дом или в деревню. Впрочем, схожее отношение к родовспомогательным заведениям было характерно в 1870–90-е гг. и для представительниц других сословий, которые шли в роддома, опять таки, для незаконного рождения или потому что в них помощь предоставлялась значительно дешевле, чем на дому, а нередко вообще бесплатно [13, с. 32]. Недаром даже в 1893 г. незамужние женщины составляли две трети рожениц в стационарах. По социальному же положению привилегированные посетительницы (в эту группу совместно входили дворянки, верхи городских сословий, а также жены и дочери лиц духовного звания) – составляли лишь 6,3 % рожавших в специализированных учреждениях женщин [6].

Яркие воспоминания об организации родовспоможения в семье столичных обеспеченных дворян в конце XIX в. оставила Е.С. Кавос. Ночью 28-го ноября 1890 г. женщина почувствовала первые схватки: «Утром я послала за Долининой [акушерка – В.В.]– она говорила ничего нет и думаю, что еще пожалуй через неделю, но днем я себя чувствовала не хорошо, маленькие схватки начались часов в 5 – а сильные в 9 вечера; сидел у меня Водовозов Вася, но я едва с ним разговаривала от боли, а Женя [муж, Евгений Кавос – В.В.] все уходил в свою мастерскую. Наконец в 11 я написала письмо Долининой; она приехала около часу... в 4 часа утра мы послали за Пушкиной [женщина-врач – В.В.]; но потом я очень жалела, что за ней послала. Можно было отлично и без нее; она была очень неприятная, придирчивая к Долининой и с ней ссорилась – и расходов меньше» [5. Д. 9. Л. 184]. Таким образом, при наличии достаточных средств, дворяне предпочитали вызывать на роды и акушерку, и врача. Оба эти специалиста вели женщину и в течение всего времени выздоровления. Так, к семье Кавос акушерка приходила до и после рождения ребенка 17 раз, а врач – 10. За их визиты и помощь при родах супруги заплатили соответственно 30 руб. акушерке Долининой и 50 руб. доктору Пушкиной [5. Д. 9. Л. 155]. Мало того, сразу же после рождения ребенка к нему был приглашен педиатр, который посещал младенца не менее одного раза в неделю, когда

он был здоров, и ежедневно, если ребенок заболел [5. Д. 9. Л. 88–89, 123–125].

К началу XX в. отношение дворянок к стационарной помощи значительно изменилось. Можно предположить, что данная эволюция была вызвана тремя основными обстоятельствами. Прежде всего, к этому времени была уже накоплена достаточно точная статистика эффективности стационарного и разъездного способов родовспоможения, демонстрировавшая значительно меньшую смертность и рожениц, и младенцев, при первом варианте в отличие от второго [4, с. 34–39; 9, с. 106–119]. Эта информация постоянно доводилась до сведения врачей, а через них поступала к их пациенткам. Во-вторых, немаловажно и то, что в городах большинство известных акушеров работало в родильных отделениях и приютах, и, наблюдая беременную в течение всего предродового периода, они затем предлагали ей прийти рожать в свою больницу. Наконец, серьезную роль играла для дворянских семей большая дешевизна стационарной помощи, чем разъездной. В результате в 10-е г. XX в. уже не вызывало никакого удивления когда дворянка, жена чиновника, имевшего средний доход, заранее договаривалась о предоставлении ей отдельной комнаты в родовспомогательном заведении, куда ее и отвозил муж с приближением родов [11. Д. 40. Л. 22 об. – 23].

Таким образом, за полстолетия в организации родовспоможения дворянкам в России произошли кардинальные изменения. В середине XIX в. лишь единичные представительницы первенствующего сословия могли рассчитывать на получение квалифицированной помощи, и несмотря на всю свою знатность и богатство, оказывались в самые критические минуты жизни заложницами в руках невежественных бабок. К началу же XX в. не только жительницы крупных городов, но и провинциальные дворянки имели практически повсеместный доступ к системе разъездной акушерской помощи. Столичные же и губернские роженицы, как и приезжие, при желании, могли обратиться и в стационарное родовспомогательное заведение, стоимость родов, в котором оказывалась значительно меньше приглашения акушерки на дом.

Список литературы

1. Белова А.В. Повседневная жизнь провинциальной дворянки Центральной России (XVIII – середина XIX в.): дис. ... д-ра ист. наук. – М., 2009.
2. Волконская М.Н. Записки М.Н. Волконской / предисл. М. Сергеева, прим. Б.Г. Кокошко. – М.: Мол. гвардия, 1977.
3. Головина В.Н. Мемуары. – М.: АСТ: Астрель: Люкс, 2005.
4. Желтухина В.В. Убежища для беременных и рожениц // Акушерство и гинекология. – 1904.

5. Институт русской литературы (ИРЛИ РАН) (Пушкинский дом). Ф. 445. – Е.С. Зарудная-Кавос.
6. Михайлов В.М. Средние русские акушерские итоги за пятьдесят лет по материалам печатных отчетов родовспомогательных учреждений. 1840–1890. – Новгород: тип. И.И. Игнатовского, 1895.
7. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 358 – Колзаков К.П.
8. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года. – СПб., 1905.
9. Рейн Г.Е. Родовспоможение в России: сб. докл. на IX Пироговском съезде. – СПб.: тип. Мин-ва путей сообщ., 1906.
10. Российский государственный исторический архив (РГИА) Ф. 733. Оп. 147.
11. РГИА.Ф. 1102. Оп. 1.
12. Список воспитанниц училища фельдшерниц Санкт-Петербургского дамского лазаретного Комитета. – СПб., 1903.
13. Сутугин. Повивальный институт в Петербурге. Отчёт за 1888 год // Акушерство и гинекология. – 1889. – № 11.
14. Центральный государственный исторический архив С.-Петербурга (ЦГИА СПб.) Ф. 792. Оп. 1.

В. Н. Заколотная*

Государство и общество в деле организации социальной помощи детям-сиротам в Петербурге и губернии во второй половине XIX – начале XX в.

В статье дается характеристика государственных мероприятий по поддержке сирот, осуществлявшихся в России во второй половине XIX в. Особое внимание в этой деятельности уделяется роли общественности.

The article characterizes the support of the state to orphans, which existed in the second part half of the XIXth century. The article pays special attention to the role of the community.

Ключевые слова: Россия, опека, сиротство, несовершеннолетние, общество.

Key words: Russia, custody, orphanage, the adolescent, community.

Изучение проблемы сиротства в последние годы приобрело особую актуальность в связи со значительным ростом численности детей, оказавшихся без попечения родителей и нуждающихся в социальной помощи и реабилитации. В стремлении государственных и общественных структур решить данную проблему чрезвычайно важен учёт исторического опыта, позволяющего раскрыть причины, тенденции и закономерности развития этого явления.

Система социально-педагогической защиты сирот в Петербурге имела много особенных черт, которые были обусловлены социально-экономическими и историко-культурными причинами. В данной статье предполагается рассмотреть историко-педагогическую проблему социального призрения в России во второй половине XIX – начале XX в., отмечая её региональные особенности в Петербурге.

Во второй половине XIX в. работа по оказанию помощи в воспитании детей дошкольного возраста получила большую поддержку и стала частью государственной политики. Однако правительство всячески пыталось регламентировать любую благотворительную деятельность.

В Петербурге были сосредоточены благотворительные учреждения, которые удовлетворяли не только местным нуждам, но и распространяли помощь на провинцию. Так, в Петербурге находи-

* **Заколотная Вера Никифоровна**, аспирант кафедры истории, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина.

лись главные управления имевших многочисленные отделения, рассеянных по всей стране важных благотворительных ведомств и учреждений, таких как Ведомство учреждений императрицы Марии Федоровны, Императорское человеколюбивое общество и Российское общество Красного Креста [7, с. 10].

Ещё в 1802 г. было организовано ведающее делом призрения детей малоимущих слоёв населения Императорское человеколюбивое общество (только за годы царствования Александра I им было основано 10 богоугодных заведений лишь в одном Петербурге) [16, с. 66]. Благотворительные заведения этого общества в 1896 г. были расположены в Петербурге, Москве и еще 25 городах России. Всего их насчитывалось 210, из них 57 учебно-воспитательных, в которых обучалось и призревалось свыше 5500 сирот и детей бедных родителей [6, с. 39]. В 1902 г. заведения общества существовали уже в 32 городах империи. Из 225 заведений 65 были учебно-воспитательными, в которых призревалось и обучалось свыше 7 тыс. сирот [5, с. 57].

К концу XIX в. Ведомство учреждений Марии Федоровны насчитывало около 500 учреждений, а в начале XX в. – максимальное количество – 683. Особенно впечатляющей была деятельность этого учреждения в отношении призрения младенцев. Так, оба столичных воспитательных дома ежегодно принимали на своё попечение более 20 тыс. незаконнорожденных младенцев и до 1 тыс. законных, а также призывали в деревнях у воспитателей до 80 тыс. оставшихся на попечении дома до 21-летнего возраста питомцев, которые учились более чем в ста школах. Из всего этого общего количества призываемых сирот до 60 % приходились на Петербург [15]. Ежегодно в 176 приютах ведомства призывалось до 14 тыс. детей. В приютах они обучались грамоте, другим наукам по программам народных училищ и какому-либо мастерству [3, с. 60–61].

К 1900 г. в ведении Ведомства учреждений императрицы Марии Федоровны возникло 85 новых приютов, а всего в этот год во всех приютах учреждения призывалось 18874 детей. Число пользовавшихся полным содержанием от приютов детей достигло 9410 и сверх того 693 ребёнка были помещены к частным лицам и в деревню за плату. Приютское ведомство к 1901 г. имело имущество на более чем 15,7 млн руб.: почти 9554 тыс. собственно денег, 5,92 млн движимого, более чем на 243 тыс. недвижимого имущества [5, с. 2].

В конце 1830-х гг. был создан Гатчинский сиротский институт (ГСИ), чья работа была тесно связана с именем русского педагога Е.О. Гугеля (1804–1841). В отличие от Московского института, где воспитывались только девочки, которые готовились быть домашними воспитательницами и наставницами, в Гатчинском были и маль-

чки, которые готовились к занятию должностей домашних учителей, а позднее – правоведов и канцелярских служащих [13]. В связи с общей реформой образования в стране в 1865 г. Гатчинский сиротский институт был реорганизован в гимназию для «осиротевших сыновей бедных офицеров военной и гражданской службы». В состав института входили школа для малолетних детей, гимназия, учительское отделение, женская гимназия для приходящих девочек [14, с. 98–102].

Вместе с тем потребности в сфере общественного призрения не могли быть удовлетворены деятельностью исключительно государственных учреждений. У представителей определённых категорий общества возникало желание и потребность оказания благотворительной помощи нуждающимся, в частности детям-сиротам. В начале XX в. в городе активно действовали многочисленные благотворительные общества и попечительские советы. В целом же по стране в 1902 г. существовало 11400 благотворительных учреждений и 19108 попечительских советов. Только в Петербурге их приход составлял 7200 руб., по тем временам сумма огромная. Деньги шли на создание учебно-воспитательных учреждений, содержание домов для бедных детей, ночных приютов для бродяжек, народных столовых, амбулаторий и больниц. В обществе сохранялось и укреплялось устойчивое мнение о необходимости призрения детей, положительное отношение к благотворительности.

Разнообразие на местах форм и видов призрения осиротевших детей, деятельности по его осуществлению предопределялось и тем, что всюду действовали свои положения, правила, уставы, имевшие как много общего, так и специфического. Возникла специализация разных обществ, таких как: «Общество защиты детей от жестокого обращения», «Детские ясли», «Общество спасения падших девушек» и «Капля молока» [2, с. 55].

Во второй половине XIX в. государство активно перекладывало устройство сирот на организации, в ведении которых находились отдельные группы населения. Например, когда речь шла о просящих милостыню детей, вопрос слушал Николаевский комитет, который разбирал это дело «по состоянию» этих сирот. Детей крестьян под расписку вручали местному старосте, солдатских детей препровождали в роту кантонистов и т. д. Если неизвестно было, чей это ребёнок, его записывали в мещанское сословие.

Само собой разумеется, что вся деятельность по устройству осиротевшего ребёнка в детское учреждение определённым образом регламентировалась. Например, для столичных воспитательных домов существовали с 18 декабря 1890 г. временные правила о приёме младенцев. В 1894 г. они были заменены правилами постоянными, действовавшими до октября 1917 г. [12, с. 35].

Основным законодательным актом, регламентировавшим деятельность учреждений детского призрения был Устав «О сиротских домах и о домах воспитательных» [11, с. 53]. В качестве приложения к нему было помещено «Положение о сиротских домах» [11, с. 32–33]. В Уставе отмечалось, что сиротские дома относились к разряду благотворительных заведений и находились в ведении приказов общественного призрения. Их целью являлось призрение детей-сирот от 7 до 11 лет включительно.

Социальный состав принимаемых детей был неоднородным. В дома принимались сироты обоего пола из детей купцов, мещан, цеховых и людей других состояний, оставшихся после смерти родителей в требующем призрения положении. Принимались также сироты из среды чиновников и канцелярских служащих, которые пользовались некими привилегиями. Ответственность за приём возлагался на городского голову губернии, где учреждалось заведение. Городской голова был обязан собрать необходимые сведения о сиротах; их имущественном положении; их семьях; их родственниках; о состоянии здоровья и др. Земская управа или приказ общественного призрения на основе полученных от городского головы сведений принимал специальное постановление о приёме. Дети чиновников и канцелярских служащих принимались в сиротские дома по разрешению губернатора. При этом составлялись специальные списки таких детей к 1 июля, в которых указывались сведения о службе отца, происхождении сироты, его возрасте, состоянии здоровья и имущественном состоянии. Данные списки передавались земским управам и приказам общественного призрения [11, с. 119].

В приютах дети-сироты обучались по программе приходских училищ. Они изучали Закон Божий, краткий катехизис и священную историю, обучались чтению по книгам церковной и гражданской печати, чистописанию и четырём первым действиям арифметики. Преподавание осуществлялось учителями гимназий или имевшими на это право лицами, а Закон Божий – священником. Преподавание разрешалось только по прямому согласованию с земской управой или приказом общественного призрения. Экзамены в приюте должны были проводиться публично в присутствии губернатора, губернского предводителя дворянства, городского головы, членов земской управы или приказа общественного призрения, директора училища, а также приглашённых губернатором лиц [11, с. 112].

Количество призреваемых сирот зависело от выделяемых финансов и утверждаемых МВД штатов заведений. Стоит отметить, что в сиротских домах могли содержаться и пансионеры обоего пола всех сословий. Дети содержались за счёт обществ, к которым принадлежали их родители, родственники и благотворители.

Уставом предусматривалось наличие в сиротских домах почётных попечителей. Право быть почётным попечителем предоставлялось тем благотворителям, которые сделали сиротским домам значительные приношения. Им предоставлялась возможность участвовать в совещаниях об устройстве сирот. Они могли выступать со своими предложениями об улучшении управления домами и содержания сирот. В этом случае правительство поощряло частную благотворительность.

Характерно, что детские приюты лидировали среди всех благотворительных учреждений Петербурга. К 1890-м гг. они составляли 33 % от общего числа этих учреждений.

Примечательной чертой этого периода является зарождение профессиональной помощи и появление профессиональных специалистов. Начали организовываться различные курсы, ставшие началом профессионального обучения кадров для социальных служб. «Социальная школа» в октябре 1911 г. была образована на юридическом факультете Психоневрологического института в С.-Петербурге, где одной из кафедр была «кафедра общественного призрения». В этом же году был сделан первый набор студентов по специальности «общественное призрение».

Одним из важнейших направлений деятельности учёных и практиков в этот период было оказание помощи и построение системы воспитательно-исправительных учреждений, куда попадали нищие и беспризорные дети. В начале XX в. активную деятельность по устройству таких детей развернул общественный Совет по призрению беспризорных. Их передавали в семьи, которые получали определённую плату; создавали «искусственные» семьи из нескольких детей во главе с заслуживающими доверия женщинами; организовывали небольшие приюты [9].

С середины XIX в. активизировалась деятельность церковных приютов. Для данного периода вообще было характерно открытие приютов при действующих монастырях. Во второй половине XIX в. они по-прежнему оставались наиболее распространённой формой благотворительной деятельности православной церкви. Несмотря на ограниченные воспитательные возможности, монастырские приюты, как и детские приюты трудолюбия, решали жизненно важные проблемы обездоленных детей: предоставляли им жилище, одежду и питание. Воспитание детей осуществлялось в процессе организации их жизнедеятельности [10, с. 7].

В тех губерниях, как отмечается в письме хозяйственного департамента Министерства внутренних дел (1867): «в коих не имеется ни воспитательных, ни сиротских домов, принимая доставляемых полицией подкидышей и оставшихся без родственников сирот, не распределяют детей этих, как предписано законом (ст. 545 Устава общественного призрения, т. XIII Свода Законов) между благотворителями, но оставляют их при богоугодных заведениях». Дети содер-

жались в приютах за счёт казны монастыря. Количество призреваемых было различным, причем в некоторые годы их не было совсем [8, с. 517–524].

Вместе с тем правительство осознавало недостаточную приспособленность богоугодных заведений для воспитания малолетних детей. Поэтому МВД поручило общественным приказам не оставлять детей в богоугодных заведениях, а отправлять их в воспитательные дома. Однако концентрация воспитательных учреждений для детей-сирот в столичных городах привела к негативным последствиям, ибо питомцы доставлялись из некоторых губерний целыми партиями совершенно истощёнными и быстро умирали. Такая доставка получила характер преступного промысла.

В целом государство и общественность были равнодушны к проблеме сиротства. Предпринимались разнообразные попытки её решения. Зачастую внедрение новых форм социальной поддержки детей-сирот сопровождалось значительной просветительской работой среди населения. В то же время, состояние детских учреждений отражало недостатки общероссийской системы предоставления помощи сиротам – отсутствие централизованного государственного финансирования, системности в её реализации [1, с. 44–51].

Список литературы

1. Бреева Е.Б. Социальное сиротство. Опыт социологического обследования // Социологические исслед. – 2004. – № 4.
2. Жестокое обращение с детьми / под ред. Т.Я. Сафроновой. – М., 2001.
3. Лыткин В.А. История социальной работы в России. – СПб., 1997.
4. Максимов Е.Д. Отчёт по ведомству детских приютов, состоящих под непосредственным их Императорских Величеств покровительством за 1900 г. – СПб., 1902.
5. Максимов Е.Д. Отчёт по ведомству детских приютов, состоящих под непосредственным их Императорских Величеств покровительством за 1901 г. – СПб., 1902.
6. Мельников В.П., Холостова Е.И. История социальной работы в России. – М., 1998.
7. Обзор социально-экономического устройства в дореволюционной России. – М., 1990.
8. Петрова А.В. Благотворительность в православной традиции XIX–XX вв. – Курск, 2004.
9. РГИА. Ф. 1287. Оп. 17. Д. 353.
10. РГИА. Ф. 1287. Оп. 18. Д. 826.
11. Свод законов Российской империи. Т. XIII. – СПб., 1892.
12. Слуцкий Е.Г. Беспризорность в России: вновь грозная реальность // Социологические исслед. – 2004. – № 4.
13. Становление и развитие системы учреждений социального призрения детей-сирот в Санкт-Петербурге (XVIII — начало XX в.). – СПб., 2000;
14. Холостова Е.И. Генезис социальной работы в России. – М., 1994.
15. Энциклопедия благотворительности в СПб. <http://www.encspb.ru/index.php>.
16. Юридический вестник. – 1875.

А. В. Гусев*

Исторические аспекты создания местной системы защиты населения и объектов от воздушного и химического нападения в СССР

В статье рассматриваются вопросы создания и становления в городах СССР системы защиты населения и объектов народного хозяйства от воздушного и химического нападения вероятного противника в предвоенные годы. На основе различных источников показаны основные направления деятельности ЦК ВКП(б), СНК СССР и Реввоенсовета СССР по формированию централизованной общесоюзной организации – местной противовоздушной обороны страны.

The article is devoted to the questions of founding and developing the system of civil and facility defence in the USSR cities from air and gas attacks of the probable enemy in the prewar years. Guidelines for the Central Committee of the Communist Party of the Soviet Union (Bolsheviks), Council of People`s Commissars and Revolutionary War Council`s activity in forming centralized All-Union organization – the country`s local anti-aircraft defence are shown on the basis of different sources.

Ключевые слова: воздушное нападение, группа самозащиты, защита населения, индивидуальные средства защиты, местная противовоздушная оборона, убежище.

Key words: air attack, self-defence group, civil defence, personal protection equipment, local anti-aircraft defence, dugout.

В 1932 г. состояние противовоздушной обороны (ПВО) Советского Союза неоднократно рассматривалось на правительственном уровне. Результатом этих обсуждений стало принятие ряда документов, определивших основы ее организации на всей территории страны. 21 сентября 1932 г., Постановлением СНК СССР в военных округах учреждались комиссии содействия ПВО. Их председателями назначались командующие войсками, а членами – заместители председателей СНК республик, председатели областных исполкомов, представители партийных, профсоюзных органов, Осоавиахима, войск ОГПУ [5, с. 45]. 4 октября 1932 г. СНК СССР утвердил новое Положение о ПВО СССР. Этим было положено начало деятельности централизованной общесоюзной организации – местной противовоздушной обороны (МПВО) СССР.

* **Гусев Александр Викторович**, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры защиты в чрезвычайных ситуациях, Костромской государственной технологической университет.

Положение определяло перечень мероприятий в угрожаемых зонах (досыгаемости авиации вероятного противника). Они подразделялись на подготовительные (проводимые при угрозе нападения с воздуха), в момент нападения и после него. Подготовительные мероприятия включали в себя: обучение населения; строительство убежищ, командных и наблюдательных пунктов; создание индивидуальных средств защиты; развитие средств оповещения и связи; дублирование, резервирование и рассредоточение источников и сетей электро-, газо-, водо- и пароснабжения предприятий. При введении «Угрожаемого положения» органы МПВО должны были оповестить население; осуществить маскировку; обеспечить население противогазами; организовать защиту людей, животных, материальных ценностей, воды, продуктов питания, фуража; подготовить к работе формирования. При нападении противника с воздуха следовало подать сигнал «Воздушная тревога» и обеспечить выполнение мероприятий, предусмотренных этим сигналом; при разрушениях – спасти людей из завалов, горящих зданий, оказывать пострадавшим медицинскую помощь, ликвидировать аварии, расчищать проезды, дегазировать технику, одежду, обувь, обезвреживать невзорвавшиеся авиабомбы.

В угрожаемой зоне были определены города-пункты ПВО и объекты ПВО (крупнейшие предприятия). Начальником пункта ПВО назначался командир воинской части ПВО, а начальником объекта ПВО – директор предприятия. В городах создавались штабы МПВО, в военных округах – комиссии содействия ПВО.

Развитие МПВО шло по военному и по гражданскому направлениям. МПВО в городах располагала специальными кадровыми частями и добровольными формированиями. В крупных городах стали формироваться кадровые отдельные батальоны, а затем и полки. В городах-пунктах ПВО организовывались добровольные формирования МПВО: участковые команды (в границах участков милиции) и объектовые команды (на предприятиях), а при домоуправлениях – группы самозащиты. Формирования создавались из расчета: 15 чел. от 100–300 рабочих и служащих – на предприятиях и от 200–500 чел. жителей – при домоуправлениях. В участковые команды входили противопожарные, аварийно-восстановительные, медико-санитарные, дегазационные и ветеринарные формирования. Группы самозащиты состояли из шести звеньев: медицинского, аварийно-восстановительного, противопожарной защиты, охраны порядка и наблюдения, дегазационного и обслуживания убежищ [10, с. 254]. Участковые команды и группы самозащиты подчинялись начальнику отделения милиции, а объектовые команды – начальнику МПВО объекта.

20 сентября 1934 г. были опубликованы нормы комплекса «Готов к ПВХО» (противовоздушной и противохимической обороне). Постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 8 августа 1935 г. «О работе Осоавиахима» подготовка населения к сдаче нормативов «Готов к ПВХО» и организация формирований МПВО объявлены важнейшими задачами Осоавиахима. Большую популярность в обучении граждан завоевали учения ПВХО. Личный состав формирований и население приобретали на них нужные навыки, учились тому, как надо практически выполнять защитные мероприятия. Применялись и другие формы обучения: военно-химические соревнования, походы в противогазах. В начале сентября 1935 г. в Москве состоялись первые всесоюзные соревнования по ПВХО, в которых приняло участие свыше 1000 чел. В 1936 г. в них участвовало 50 тыс. трудящихся, а в 1938 г. – 2800 тыс. чел. За шесть предвоенных лет в организациях Осоавиахима прошли подготовку более 38 760 тыс. граждан. Число первичных формирований МПВО к 1940 г. достигло 20 тыс. [7, с. 14].

Важное значение в деятельности МПВО имело Постановление СНК СССР от 20 июня 1937 г. «О местной (гражданской) противовоздушной обороне Москвы, Ленинграда, Баку и Киева». В соответствии с ним председатели исполкомов стали начальниками МПВО городов и районов. В состав горсоветов и райсоветов были введены должности заместителей председателей горсовета (райсовета) по МПВО. В конце 30-х гг. были образованы службы МПВО: оповещения и связи, убежищ, транспортная, противопожарная, медико-санитарная, аварийно-восстановительная, охраны порядка и безопасности, светомаскировки, торговли и общественного питания, водоснабжения и канализации, восстановления зданий, дорог и мостов, ветеринарная. В штабах МПВО городов учреждалась служба противохимической защиты.

Вынашивая разбойничьи планы нападения на Советский Союз, Германия делала ставку на массированное применение авиации. В своей доктрине Гитлер отводил ей роль огромной разрушительной силы в уничтожении советских городов, истреблении мирных жителей. В одном из своих выступлений перед генералитетом вермахта по вопросу предстоящей войны с СССР он заявил, что «речь идет о борьбе на уничтожение... На востоке жестокость является благом для будущего» [9, с. 34]. В Германии была развернута работа по созданию и наращиванию не только обычных средств вооружения: многие химические концерны были впряжены в военную колесницу фашизма. В огромных количествах готовились отравляющие вещества, способные принести гибель миллионам людей. Учитывая это, ЦК ВКП(б) и СНК СССР принимали необходимые меры, чтобы не только уберечь страну от возможного воздушного и химического на-

падения противника, но и наладить выпуск средств индивидуальной противохимической защиты, организовать оборудование убежищ, обучить население действиям в этих условиях.

Нужды МПВО стояли в центре внимания всех партийных и советских органов. Бывший председатель исполкома Моссовета в предвоенные и военные годы В.П. Пронин вспоминал: «Москва два последних года усиленно готовилась к МПВО. В городе развернулись большие работы по строительству бомбоубежищ, по приспособлению метрополитена к обслуживанию населения во время воздушных налетов, обеспечивалось централизованное выключение освещения. В противопожарных командах, санитарных дружинах, группах самозащиты и аварийно-восстановительных подразделениях было обучено более полумиллиона москвичей» [2, с. 24].

Б.А. Борисов, работавший в годы войны в Севастополе, писал: «Во время часто проводимых учений все руководящие работники города дотошно проверяли состояние затемнения города: ездили на предприятия, заглядывали во дворы, забирались на вышки, на Малахов курган. Не раз в воздух поднимались военные летчики и указывали на недостатки светомаскировки города. На предприятиях даже выполнение важных спецзаказов с наступлением темноты разрешалось вести только при условии соблюдения светомаскировки. На городском активе решили приступить к тщательной тренировке штабов, команд и служб МПВО, привлечь население, проводить в обстановке, приближенной к боевой. Возникали пожары на пустырях и площадях – не условно, а по-настоящему, где-нибудь в тупике; подрывали железнодорожные пути, выводили из строя водопровод, телефонную связь, электроосвещение. На предприятиях освоились с работой в условиях светомаскировки, и их руководители уже не ссылались на то, что постоянно проводимые учения МПВО мешают выполнять план. И как же впрок пошли все эти уроки! Доставляли они всем много беспокойства, но мы их потом не раз вспоминали добрым словом» [1, с. 43].

Важным этапом совершенствования структуры ПВО страны явились предвоенные годы. В условиях обострившейся международной обстановки и подготовки вооруженных сил к войне, СНК СССР 7 октября 1940 г. принял Постановление № 136. В нем все вопросы по подготовке защиты городов-пунктов и населения при нападении воздушного противника были возложены на НКВД СССР. 29 октября 1940 г. в его составе было образовано Главное управление МПВО. Управление развернуло работу по анализу и обобщению накопленного опыта деятельности МПВО, координации усилий различных ее структур, разработке вопросов организации и тактики действий, по совершенствованию взаимодействия с органами военного управления. На основании приказа НКО СССР от 27 декабря

1940 г. № 0368 Управление ПВО РККА было преобразовано в Главное управление ПВО Красной армии. ГУ ПВО осуществляло общее руководство ПВО территории страны. Непосредственное руководство ПВО на местах возлагалось на командующих войсками военных округов [6, с. 458]. В январе 1941 г. СНК СССР принял Постановление «Об организации противовоздушной обороны». В нем определялась угрожаемая по воздушному нападению зона на глубину до 1200 км от государственной границы. Территория СССР была разделена на зоны ПВО, представлявшие собой оперативные объединения войск ПВО. Зоны делились на районы и пункты ПВО внутри районов. К началу войны численность личного состава войск ПВО составляла 182 тыс. человек. Для решения задач ПВО наиболее важных центров страны было выделено 40 истребительных авиаполков, насчитывавших около 1500 боевых самолетов, 1206 экипажей [3, с. 20]. На предприятиях насчитывалось более 25 тыс. формирований, а для жителей городов имелось свыше 30 млн противогазов. В городах строились бомбо- и газубежища. Серьезные меры к укреплению МПВО принимались в Москве. На всех предприятиях, в учебных заведениях, домах проводились учения, которые охватили более двух миллионов человек. К началу войны в МПВО столицы насчитывалось до 650 тыс. подготовленных бойцов [8, с. 7].

Весной 1941 г. в СССР было проведено несколько учений по ПВХО. В условиях начавшейся Второй мировой войны в них было меньше парадности и условностей. Об этом, в частности, свидетельствуют учения в Октябрьском районе Саратова (24–25 мая) и Вольске (26–27 мая). На предприятиях разрабатывались планы обороны, создавались группы самозащиты и посты ПВХО, действовали пожарные, аварийно-восстановительные и другие команды. Всего в этих учениях участвовали до 10 тыс. чел. [4. Л. 153, 176–177]. В Туле, всего за месяц до начала Великой Отечественной войны, с 22 по 25 мая 1941 г. прошли городские учения по светомаскировке, а 1 и 2 июня – учения МПВО и отрядов Осоавиахима. В ходе этих учений отрабатывались практические действия при объявлении сигналов воздушной и химической тревоги, по ликвидации последствий ударов противника, оказанию помощи пострадавшим.

Вместе с тем, несмотря на принимаемые ЦК ВКП(б), СНК СССР серьезные меры по укреплению МПВО, за оставшееся до начала войны время не удалось осуществить полностью все необходимые мероприятия, решить назревшие вопросы защиты населения и объектов народного хозяйства от воздушного нападения противника. Уязвимые места в организации МПВО имелись и являлись они в основном следствием просчетов нашей военной доктрины тех лет, не допускавшей отхода Красной армии в глубь территории страны. По-

этому мероприятия МПВО проводились в полном объеме только в пограничной зоне и на глубину действия бомбардировочной авиации вероятного противника. Во всех же других регионах Советского Союза работа по подготовке населения к ПВХО велась лишь организациями Осоавиахима. Тем не менее, в предвоенный период были заложены прочные организационные основы развития и совершенствования системы МПВО, и она оказалась в целом неплохо подготовленной к выполнению многотрудных задач военного времени.

Список литературы

1. Борисов Б.А. Записки секретаря горкома. – М., 1964.
2. Военные знания. – 1967. – № 6.
3. Военно-исторический журнал.– 2004. – № 12.
4. Государственный архив новейшей истории Саратовской области (ГАНИСО). Ф. 81. Оп. 1. Д. 592.
5. Гражданская защита.– 2002. – № 9.
6. История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945. Т. 1. – М., 1963.
7. Котлуков К.Г. Гражданская оборона вчера и сегодня. – М., 1975.
8. Каммерер Ю.Ю. Москве – воздушная тревога. Местная ПВО в годы войны. – М., 1991.
9. Кузнецов Д.Н. В годы суровых испытаний. – М., 1985.
10. Советская военная энциклопедия. – М., 1978.

**Деятельность постоянных комиссий
Горьковского – Нижегородского областного Совета
народных депутатов в 1985–1991 гг.**

В статье раскрывается структура, кадровый состав и функции постоянных комиссий Нижегородского областного Совета народных депутатов, а также их роль в проведении социально-экономических и политических реформ. В апреле 1990 г. к руководству комиссиями пришли новые люди, которые передали властные полномочия губернатору области в декабре 1991 г.

Article opens structure, personnel structure and functions of the constant commissions of the Nizhniy Novgorod country council of People's Deputies, and also their role in carrying out of social and economic and political reforms. In April 1990, head of the Commission came to the new people who have transferred authority of the governor in December 1991.

Ключевые слова: постоянные комиссии областного Совета, Верховный совет СССР, государственное управление, администрация губернатора.

Key words: Standing Committees of the Regional Council, the Supreme Soviet of the USSR, public administration, administration of the Governor.

Прежде чем рассмотреть статус и деятельность постоянных комиссий Горьковского облсовета в период перестройки, следует отметить, что они являлись элементом системы органов государственного управления СССР. Естественно, что изменение конституционной системы управления, начатое в 1988 г., затронуло все структуры власти, сверху донизу. Однако реформы, проводимые на местах, обладают определенной спецификой, выявляя которую можно более точно составить представление о перестройке и роли в ней постоянных комиссий областного уровня. История постоянных комиссий явно разделяется на два этапа: с марта 1985 г. они работали в правовом режиме Конституции 1977 г., с апреля 1990 г. и до декабря 1991 г. – в новой структуре, с новыми кадрами и в новом правовом режиме.

Постоянные комиссии, как инструмент работы Верховного Совета СССР, были сформированы впервые еще в январе 1938 г.

* **Сачава Георгий Михайлович**, соискатель кафедры истории государства и права, Нижегородский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Проведенная в 1966 г. реформа управления (как государственных, так и партийных органов) отчасти затронула и постоянные комиссии ВС СССР (их количество увеличилось). Согласно Положению 1967 г. эти учреждения определялись как «вспомогательные органы палат, образуемые для предварительного рассмотрения и подготовки вопросов, относящихся к ведению ВС СССР» [1]. Во главе постоянных комиссий стояли, как правило, высокопоставленные партийные функционеры (секретари ЦК КПСС, например), которые и направляли деятельность комиссий.

В Конституции СССР 1977 г. постоянные комиссии ВС СССР впервые были определены как конституционный орган: в гл. 15 «Высшие органы государственной власти и управления СССР» были описаны полномочия и порядок формирования постоянных комиссий, которые работали в период между сессиями ВС СССР (Ст. 112). Естественно, что придание постоянным комиссиям конституционного статуса оказало влияние на Положение о них, принятое на первой сессии ВС СССР в 1979 г. [2]. Они уже не значились как «вспомогательный орган» палат Верховного Совета, поскольку на них возлагалась разработка «по поручению Верховного Совета СССР, соответствующей палаты, Президиума Верховного Совета СССР или по собственной инициативе проектов законов СССР и других актов СССР, а также подготовка заключений к таким вопросам, переданным комиссиям на предварительное или дополнительное рассмотрение» (П. 2, Ст. 13 Положения).

В 1979 г. были образованы 16 комиссий ВС СССР, построенных по отраслевому принципу: мандатная; законодательных предположений; по иностранным делам; планово-бюджетная; по промышленности; по транспорту и связи; по строительству и промышленности строительных материалов; по сельскому хозяйству; по науке и технике; по товарам народного потребления и торговле; по жилищно-коммунальному хозяйству и бытовому обслуживанию населения; по здравоохранению и социальному обеспечению; по народному образованию и культуре; по вопросам труда и быта женщин, охраны материнства и детства; по делам молодежи; по охране природы и рациональному использованию природных ресурсов. В 1984 г. к существующим комиссиям добавилась постоянная комиссия по энергетике, комиссия по сельскому хозяйству была преобразована в комиссию по агропромышленному комплексу. Незначительные изменения в названии произошли с комиссиями по товарам народного потребления и торговле и по жилищно-коммунальному хозяйству и бытовому обслуживанию населения [10, с. 21–23].

Несмотря на то что решения комиссий не были юридически обязательными для палат ВС СССР, деятельность их поднималась на новую высоту, так как им предлагалось подготавливать решения

для ВС, особенно в социально-экономической сфере. Деятельность и статус постоянных комиссий ВС СССР 1977–1989 гг. рассмотрены юристами, которые не пришли к единому мнению о степени самостоятельности комиссий в системе государственного управления СССР [7; 8; 9].

В местных советах также функционировали постоянные комиссии, наделенные функцией предварительного рассмотрения вопросов и подготовки решений. После принятия Конституции СССР 1977 г. было обновлено и Положение о постоянных комиссиях, утвержденное Президиумом ВС РСФСР 3 марта 1983 г. Комиссии формировались за счет депутатов облсовета «для предварительного рассмотрения и подготовки вопросов, относящихся к ведению Совета, а также для содействия проведению в жизнь решений Совета и вышестоящих государственных органов, контроля за деятельностью государственных органов, предприятий, учреждений и организаций» [3]. Основными задачами постоянных комиссий были: разработка предложений и подготовка заключений для Совета и исполкома; содействие в работе государственным органам и организациям; контроль за деятельностью исполкома, предприятий, учреждений и организаций по соблюдению законодательства Союза ССР и РСФСР; рассмотрение социально-экономических, хозяйственных вопросов, связанных в том числе с улучшением условий труда и быта советских людей (ст. 2. Положения).

15 марта 1985 г. открылась Первая сессия Горьковского облсовета народных депутатов девятнадцатого созыва, на которой были образованы 15 постоянных комиссий [11. Д. 2311. Л. 14–32]. Большинство из них дублировали комиссии ВС СССР, часть комиссий ВС не были воссозданы в области – мандатная, по иностранным делам, по науке и технике, по энергетике, законодательных предположений. Названия (а значит и функции, и направления деятельности) некоторых комиссий были немного расширены: комиссии не только по транспорту, но и по дорожному строительству; не только по здравоохранению, но и по физкультуре и спорту; не только по коммунальному хозяйству, но и по благоустройству; не только по образованию, но и по науке; не только по торговле, но и по общественному питанию. Была и комиссия, которой не было в ВС СССР – по социальной законности и охране государственного и общественного порядка.

Комиссии возглавляли председатели городских исполкомов: Борского – по торговле (Н.И. Юсов), Кстовского – по соцзаконности (Г.М. Залюбин), Павловского – по охране природы (Р.И. Половинкин), Дзержинского – по промышленности (Ю.В. Макаров). Секретари горкомов и райкомов также возглавляли ряд комиссий: Городецкого – по транспорту (В.П. Меньков), по агропромышленно-

му комплексу – Починковского (бывший председатель колхоза С.А. Курзенков), по образованию – преподаватель Арзамасского филиала Горьковского политехнического института и первый секретарь М.Ф. Балакин, по культуре – первый секретарь Нижегородского райкома КПСС, зам. председателя Горьковского облисполкома, бывший доцент Института инженеров водного транспорта А.В. Втюрин. Ряд комиссий возглавляли специалисты: планово-бюджетную – управляющий Горьковской областной конторой Госбанка СССР Г.И. Колташев, по здравоохранению – главврач областной клинической больницы им. Семашко О.А. Обухов.

17 декабря 1985 г. был принят перспективный комплексный план работы Горьковского облсовета народных депутатов на 1986 год. В нем значительное место уделялось и работе постоянных комиссий, на которые возлагались контролирующие функции: было подчеркнуто, что необходимо, чтобы все постоянные комиссии облсовета ежегодно проверяли исполнение не менее двух-трех решений облсовета и облисполкома, упорядочили учет и анализ своих рекомендаций [11. Д. 2314. Л. 51]. Надо признаться, что этим самым реализовывалась ленинская идея о слиянии законодательной и исполнительной властей.

Так например, 22 мая 1985 г. был опубликован Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об усилении борьбы с пьянством», которым были предусмотрены наказания для лиц за распитие спиртных напитков и появление в общественных местах и на производстве; за изготовление самогона или иных самодельных спиртных напитков были предусмотрены меры административного и уголовного воздействия [4]. Для реализации этого Указа на местном уровне при облисполкоме решением облсовета была создана наблюдательная комиссия по борьбе с пьянством. Ее возглавил первый заместитель председателя облисполкома А.М. Макиевский, его заместителем стал заведующий отделом пропаганды и агитации обкома КПСС В.И. Жмачинский [11. Д. 3211. Л. 50]. Наблюдательная комиссия по борьбе с пьянством и алкоголизмом имела право наказывать нарушителей в административном порядке, в то время как интересующая нас постоянная комиссия облсовета таких прав не имела. Однако деятельность наблюдательной комиссии была подконтрольна постоянной комиссии облсовета.

Горьковский облисполком по согласованию с постоянной комиссией по соцзаконности и охране государственного и общественного порядка облсовета разработал ряд мероприятий. Например, решением № 267 от 31 мая 1985 г. «О мерах по преодолению пьянства и алкоголизма, искоренению самогонварения» облисполком обязал райгорисполкомы, отделы и управления облисполкома «решительно усилить борьбу с пьянством, алкоголизмом; самогонварением и из-

готовлением... крепких спиртных напитков» [11. Д. 2149. Л. 154–159]. Кроме того, Горьковский облисполком разработал комплекс мероприятий по борьбе с пьянством и алкоголизмом, в том числе были запланированы ограничительные меры по продаже спиртного, было решено повысить роль руководителей всех уровней в деле борьбы с пьянством, предполагалось увеличить производство и продажу товаров спортивного назначения, усилить пропаганду здорового образа жизни и культпросветработу, организовать фото- и книжные выставки на тему «Трезвость – норма жизни», провести ряд других мероприятий [11. Д. 2149. Л. 160–171, 167–171].

Первые результаты борьбы с пьянством в Горьком и области были положительными. Выступая на 17 областной партконференции в январе 1986 г. и подводя итоги кампании борьбы с пьянством за 7 месяцев 1985 г., член ЦК КПСС С.А. Шалаев указал, что на 30 % снизился производственный травматизм, на треть уменьшилось количество водителей, совершивших дорожно-транспортные происшествия, на 18 % сократилось количество преступлений, совершенных в пьяном виде [6. Л. 169–170].

Это только одно из многих направлений деятельности постоянной комиссии. Кроме борьбы с пьянством на ней обсуждались вопросы борьбы с преступностью, организации работы дружинников и т. п., контролировалась деятельность органов МВД, сотрудники комиссии работали с жалобами от населения и выезжали на места для проверки «сигналов» о злоупотреблениях властью.

Примерно таким же образом строилась работа и других комиссий. Так, комиссия по культуре еще в 1986 г. отчитывалась о выполнении решения ЦК КПСС от 1984 г. о контроле над кинематографом, комиссия по товарам народного потребления пыталась как-то решить проблемы с товарным дефицитом.

Однако традиционная работа комиссий была изменена перестройкой. Нужно было отвечать на дух нового времени. Начало конституционной реформы в СССР было положено на Двадцать второй внеочередной сессии ВС СССР одиннадцатого созыва в декабре 1988 г. В мае 1989 г. основа Конституции СССР 1977 г. была изменена, а вместе с ней – старая система управления. Это сказалось и на деятельности постоянных комиссий облсовета. Перед комиссиями стояла задача увязать в правовом отношении идеи и лозунги, выдвинутые в период перестройки, с действующим законодательством, провести важные социально-экономические и политические реформы, решить сложные финансовые вопросы.

3–5 апреля 1990 г. состоялась Первая сессия облсовета двадцать первого созыва. К власти наряду с депутатами, избранными по номенклатурному принципу, пришли депутаты, избранные на альтернативной основе. Председателем Горьковского облисполкома

ма на сессии облсовета 3–5 апреля 1990 г. 21 созыва был избран А.А. Соколов. Его заместителем стал бывший секретарь обкома КПСС Ю.С. Макаров [Д. 3090. Л. 42–44].

Несмотря на альтернативные выборы, руководство облсовета и облисполкома было избрано из числа номенклатурных работников. Но настроения и мнения депутатов нового облсовета перестали быть как прежде едиными. Депутатский корпус разделился примерно поровну: одна часть депутатов придерживалась консервативных коммунистических взглядов, другая принадлежала к лагерю демократов, требующих немедленных перемен. Каждая из сторон имела свои представления о прошлом и настоящем страны, предлагала свои варианты её реформирования. Между этими двумя группами депутатов развернулась в дальнейшем настоящая борьба и споры о путях социально-экономического развития Горьковской области.

Первая сессия облсовета избрала 16 новых постоянных комиссий. Нужно отметить, что новые комиссии отличались от тех, которые были созданы при старом уже порядке. Некоторые старые комиссии были объединены (по строительству и по коммунальному хозяйству, по культуре и по образованию, по торговле и по бытовому обслуживанию), а также появились совершенно новые комиссии – по вопросам научно-технического прогресса (Е.Д. Белоусов), по экономической реформе (директор завода аппаратуры связи им. А.С. Попова И.Б. Петяшин), по гласности и СМИ (преподаватель Горьковского высшего зенитного ракетного командного училища ПВО С.В. Белковский).

Почти полностью был сменен кадровый состав постоянных комиссий, их руководители. Прежде всего прежние партийные работники и руководители городских исполкомов вынуждены были уступить места специалистам, пришедшим в депутаты на основе демократических выборов. Комиссию по транспорту и связи возглавил руководитель Управления связи Нижегородской области В.Ф. Люлин, по культуре, науке и воспитанию – ректор педагогического института И.Е. Куров, комиссию по молодежи – организатор Клуба молодых ученых при Доме ученых, один из создателей объединения «Кандидаты за демократию» в г. Горьком доцент Нижегородского технического университета В.Н. Ершов, комиссию по вопросам законности – председатель Первой постоянной сессии Горьковского областного суда В.Ф. Попов, комиссию по производству товаров народного потребления – гендиректор Богородского швейно-галантерейного объединения В.Н. Широков. Комиссию по здравоохранению продолжал возглавлять О.А. Обухов, а вот планово-бюджетную комиссию вместо профессионала Г.И. Колташева возглавил первый секретарь Чкаловского райкома КПСС Г.Н. Гудков. Комиссию по продовольствию возглавил первый секретарь

Пильненского райкома партии А.П. Дудкин, в прошлом директор комбината хлебопродуктов.

Новый Горьковский облсовет решением 3 апреля 1990 г. образовал из председателей постоянных комиссий главный руководящий орган советской управленческой системы – президиум облсовета, к которому перешла вся полнота власти. Президиум возглавил первый секретарь Горьковского обкома КПСС и народный депутат СССР Г.М. Ходырев [11. Д. 3090. Л. 38].

Рассмотрим коротко деятельность двух важнейших комиссий, принявших самое активное участие в ходе перестройки.

Советские производственный и товарно-распределительный механизмы к весне 1990 г. были полностью разбалансированы. Складывавшаяся ситуация требовала от руководителей всех уровней власти поиска выхода из начавшегося кризиса. Этот выход был найден в переходе к рыночным отношениям. Новые кооперативы, зачастую торгово-посреднические и закупочные, получили в СССР большие полномочия. Значительная часть таких кооператоров, ничего не производя, в больших количествах скупала товары и продукты по госцене, припрятывала их на складах и в гаражах, чтобы затем перепродать эти товары и продукты с наибольшей выгодой. Третья сессия облсовета 21 созыва, состоявшаяся 20–22 ноября 1990 г., подсчитала, что за два года число кооперативов выросло до 1700 с годовым объемом реализации продукции около 500 млн руб. [11. Д. 3092. Л. 238]. В этих условиях постоянная комиссия облсовета по производству товаров народного потребления, распределению товарных ресурсов, торговле, бытовому обслуживанию населения подготовила решение президиума Горьковского облсовета от 12 октября 1990 г. № 95 «О дальнейшем развитии торговли и бытового обслуживания населения области в условиях рыночной экономики». Для стабилизации потребительского рынка президиум облсовета решил принять одобренные постоянной комиссией предложения облисполкома о разгосударствлении собственности предприятий торговли, общественного питания, бытового обслуживания населения на основе развития арендных отношений, выкупа имущества, образования акционерных обществ как одно из основных направлений по углублению экономической реформы в области и переходу к рыночным отношениям.

Были утверждены первоочередные мероприятия по демонополизации торговли, общественного питания, бытового обслуживания, положение о межведомственных инвентаризационных комиссиях при местных Советах. Положение о конкурсной продаже предприятий, методика оценки стоимости имущества госпредприятий, подлежащих выкупу. Контроль за исполнением данного решения был возложен на постоянную комиссию облсовета по производству то-

варов народного потребления, распределению товарных ресурсов, торговле, бытовому обслуживанию населения [11. Д. 3101. Л. 171–172]. При активном участии постоянных комиссий облсовета по производству товаров народного потребления, распределению товарных ресурсов, торговли, бытового обслуживания населения были разработаны документы, формировавшие механизм по разгосударствлению и приватизации госпредприятий: Положение о порядке и условиях лицензирования торговой деятельности и деятельности по оказанию бытовых услуг на территории Нижегородской области [11. Д. 3222. Л. 196–200]; Положение об оценке имущества госпредприятий, подлежащих выкупу или сдаче в аренду с последующим выкупом [11. Д. 3222. Л. 261–271]; Положение о рабочих комиссиях по разгосударствлению и приватизации имущества предприятий и о межведомственных инвентаризационных комиссиях при местных Советах в Нижегородской области [11. Д. 3222. Л. 192–195].

Четвертая сессия Горьковского облсовета, состоявшаяся 16–18 января 1991 г., заслушала вопрос о выполнении социально-экономического плана за 1990 г. В обсуждении приняли участие председатели и члены постоянных комиссий облсовета. Отмечено, что план 1990 г. по основным показателям был не выполнен, и облсовет признал работу облисполкома недостаточной [11. Д. 3221. Л. 3, 6, 8].

Невыполнение плана стало результатом реализации радикальных реформ производства и экономики в Горьковской области. Было запланировано довести общий объем розничного товарооборота государственной и кооперативной торговли (в действующих ценах) до 640 млн руб., считать главными задачами по структурной перестройке и стабилизации народного хозяйства развитие предпринимательства, разработку и проведение разгосударствления и приватизации госсобственности, оздоровление денежного обращения, стабилизацию потребительского рынка. Постоянным комиссиям предложено было установить контроль за ходом выполнения плана на 1991 год [11. Д. 3221. Л. 9–13]. Работа комиссии по товарам народного потребления была распланирована до конца 1991 г., но этим планам не суждено было сбыться.

Одним из важнейших политических шагов, сделанных постоянной комиссией по законности и правопорядку нового состава было создание регламента Нижегородского облсовета. 22 ноября 1990 г. Регламент был утвержден на Третьей сессии облсовета [11. Д. 3092. Л. 12–13]. Этот нормативный акт сочетал принципы, свойственные советской системе госуправления, с элементами гражданского буржуазного общества. Он определял порядок работы облсовета, права и полномочия его председателя, президиума, постоянных комиссий, облисполкома. В основу документа были поло-

жены идеи народного волеизъявления, законности и защиты прав человека, сочетания местных и государственных интересов, расширены права кооперативов в местном самоуправлении, зафиксирован запрет совмещения должности руководителя системы госуправления с его работой в общественно-политической организации [11. Д. 3092. Л. 12–54]. Регламент ограничил властные полномочия партноменклатуры в действующей системе госуправления, он запретил чиновникам вмешательство в деятельность органов милиции на стадии дознания и предварительного расследования по уголовным делам, а также по гражданским делам [11. Д. 3092. Л. 177].

Другим важнейшим направлением деятельности постоянной комиссии по законности и правопорядку была разработка Положения о постоянных и временных комиссиях Нижегородского Облсовета.

В Положении были изложены принципы организации и деятельности комиссий, статус и порядок их образования. Комиссии являлись органами облсовета, были ему подотчетны, избирались из числа депутатов, но координировались президиумом. Основной функцией комиссий являлось изучение, подготовка и предварительное рассмотрение вопросов, относящихся к компетенции облсовета или его президиума. Постоянные комиссии должны были разрабатывать планы экономического и социального развития области, в предварительном порядке обсуждать планы мероприятий по выполнению наказов, рассматривать предложения и жалобы граждан, осуществлять контроль за деятельностью отделов и управлений госорганов, предприятий и учреждений на территории области; готовить проекты решений облсовета и его президиума, выступать с докладами, обсуждать и предлагать на должности руководителей, обращаться с запросами к председателю Облсовета и Президиума. Решение постоянной комиссии могла отменить только она сама [11. Д. 3222. Л. 149–160]. Таким образом, постоянные комиссии облсовета могли реализовывать себя как властный (административный) относительно самостоятельный орган, действующий на региональном уровне.

Августовские события 1991 г. изменили политическую ситуацию в стране. К ноябрю было создано законодательство РСФСР, установившее новую структуру центрального республиканского управления. Итогом этого процесса было реформирование структуры государственного управления на местах. 5 декабря 1991 г. Президент РСФСР Б.Н. Ельцин подписал Закон «О некоторых вопросах правового регулирования деятельности краевых, областных советов народных депутатов» [5]. На основании этого Закона Нижегородские депутаты облсовета должны были изменить всю привычную структуру власти. Это произошло при активном участии постоянной ко-

миссии по законности и правопорядку, поскольку речь шла об изменении основного документа – регламента работы облсовета.

24–25 декабря 1991 г. на Девятой сессии Нижегородского облсовета выступил председатель постоянной комиссии по законности В.Ф. Попов, который очень внятно обрисовал перед депутатами суть принимаемых ими изменений: «Во-первых, мы предлагаем оставить президиум областного Совета, нам предоставлено такое право, либо оставить его, либо изменить компетенцию. Оставить президиум областного Совета, но более его не признавать органом властным. Для чего в ст. 102 провести редакцию и вы видите мы исключаем там 11, 12 пункты и самое главное п. 16, который гласит о том, что он в период между сессиями выполняет функции властного органа. Вот одно из важных моментов. У вас, наверно, будут вопросы и о том, каков же характер будет нести компетенция Малого Совета. Верховный Совет в ст. 4 говорит, что Малый Совет выполняет все полномочия краевого, областного Совета народных депутатов в период между сессиями. <...> Те полномочия нормативного характера, которые были у Президиума в п. 16, п.14, в п. 11 из ст. 102 полномочия Президиума исключены. И если вы еще раз прочитаете ст. 102 Регламента, то увидите, что у него остались только организационно-координирующие функции, а вся деятельность нормотворческая у Малого Совета. Вот только 3 пункта убираете и Президиум становится координационно-организующий» [11. Д. 3227. Л. 221, 227].

Тогда же было принято положение «О структуре администрации Нижегородской области». Эта структура была представлена губернатором области Б.Е. Немцовым и включала в себя пост губернатора и вице-губернатора, систему департаментов, в том числе по внешнеполитическим связям, Комитет по управлению госимуществом и т. п. [11. Д. 3227. Л. 62–63]. Эпоха советской системы управления закончилась.

Итак, постоянные комиссии облсовета, как звено системы госуправления, активно участвовали почти во всех сферах деятельности облсовета и отражали в своей работе те политические и экономические реалии, которые происходили в стране. Они заложили правовую основу для приватизации и разгосударствления госпредприятий на местном уровне, при этом выполняя охранно-защитную функцию по своим направлениям народнохозяйственной деятельности. Они создали правовую базу учреждения новой структуры власти, при этом играя буферную роль в столкновении политических интересов, как можно дольше сохраняя общий рисунок советской власти. В общем, их деятельность была также противоречива, как и сам экономический и политический мир, в котором они существовали.

Список литературы

1. Ведомости Верховного Совета СССР. 1967. № 42. – Ст. 536.
2. Ведомости Верховного Совета СССР. 1979. № 17. – Ст. 273.
3. Ведомости ВС РСФСР. 1983. № 10. – Ст. 318.
4. Ведомости ВС СССР. 1985. № 21. – Ст. 369.
5. Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета РСФСР. 1991. №51. – Ст. 1794.
6. Государственный общественно-политический архив Нижегородской области (ГОПАНО). Ф. 3. Оп. 15. Д. 3.
7. Климанов А.Ю. Социально-экономические аспекты в деятельности постоянных комиссий Верховного Совета СССР десятого и одиннадцатого созывов: 1979–1989 гг.: дис. ... канд. ист. наук. – М., 2004.
8. Кутафин О.Е. Постоянные комиссии палат Верховного Совета СССР. – М., 1971;
9. Любимов А.П. Деятельность постоянных комиссий и комитетов союзных республик (по материалам РСФСР): дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1990;
10. Первая сессия Верховного Совета СССР (одиннадцатый созыв): стеногр. отчет. – М., 1984.
11. Центральный архив Нижегородской области (ЦАНО). Ф. 3074. Оп. 3.

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

УДК 94:371.322(049.32)

*Л. Н. Семёнова**

Митрофанов К.Г., Шаповал В.В. Как правильно писать реферат и эссе по истории: пособие для старшеклассников и студентов. – М.: Новый учебник, 2006.

Пособие «Как правильно писать реферат и эссе по истории» К.Г. Митрофанова и В.В. Шаповала разработано и утверждено кафедрой методики преподавания истории Московского городского педагогического университета и вышло в издательстве «Новый учебник» в 2006 г. (3-е изд., стереотип.). Данное пособие адресовано старшеклассникам и студентам. Оно помогает освоить методику выполнения таких видов письменной работы по истории, как реферат и эссе.

В современных условиях обращение к методике написания реферата, а особенно эссе по истории – проблема актуальная. На протяжении всего периода изучения истории в образовательных учреждениях общего образования и в высших учебных заведениях обучающиеся приобретают и совершенствуют умения по обработке текста как источника информации, учатся анализировать, обобщать и делать выводы, формулируют собственную точку зрения. В рамках Единого государственного экзамена по истории и обществознанию в экзаменационную работу включены задания открытого типа с развёрнутыми свободно конструируемыми ответами, в том числе эссе (с. 9).

Авторы пособия дают характеристику приёмам работы с текстом, которые позволяют сознательно планировать любую учебную и научную деятельность.

Одной из первых работ исследовательского характера в школе, а затем и в вузе является ученический реферат. Не только ученики, но и учителя встречаются с трудностями при выполнении подобного вида работы. Пособие К.Г. Митрофанова и В.В. Шаповала позволяет провести чёткую грань между методами работы с текстом, применяемыми при написании реферата: аннотирование, реферирование, компилирование (с. 11–20). Авторы не ограничива-

* **Семёнова Людмила Николаевна**, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина.

ются только определением данных понятий, они представляют различные подходы к определению их сущности и анализу основных черт. На основе выполнения обучающих заданий у читателя формируются практические умения по выполнению того или иного вида письменной работы.

Авторы пособия подчёркивают важность правильного цитирования источника, его интерпретации, умения различать описание факта и его авторскую оценку. Интересна мысль авторов о необходимости диалога с источником, что, по их мнению, является «важным средством для ... «замедления» понимания текста» (с. 20). Поэтапная последовательность учебных действий по составлению компилятивного (сопоставительного) конспекта и выписки из источников есть первые шаги при подготовке реферата по конкретной проблеме.

Часть 3 «Как составить реферат» включает формальные требования к реферату (структура), его содержанию, основные стадии процесса написания реферата. Особо выделен пункт о формулировке проблемы реферата (с. 26–28). Чтобы добиться соответствия содержания заявленной теме, К.Г. Митрофанов и В.В. Шаповал рекомендуют встать на позицию критика и читать каждый абзац текста, имея перед глазами формулировку темы и объяснять себе или воображаемому «критику», как этот фрагмент служит раскрытию темы (с. 29). В заключение этой части представлена итоговая схема работы над рефератом (с. 35–36).

Особое значение приобретает в наши дни раздел пособия «Как написать эссе». Востребованность постановки данного вопроса продиктована проведением Единого государственного экзамена по истории и включением в КИМы заданий на основе текста, которые, с одной стороны, относятся к традиционным, так как используются многие годы для устных и письменных проверок по предмету. С другой стороны, их выполнение позволяет проверить качественное овладение содержанием курса истории, сформированность таких сложных интеллектуальных умений, как умение анализировать и интерпретировать различные источники информации, формулировать собственные суждения, выражать и аргументировать собственную позицию, применять теоретические знания.

Авторы пособия дают характеристику двух видов эссе: эссе-1 как жанр письменной творческой работы и эссе-2 как элемент Единого государственного экзамена по истории. В основном авторы раскрывают значение такого элемента эссе, как проблемность. Среди отличий (особенностей) эссе авторы указывают наличие конкретной темы, субъективность оценки, краткость, парадоксальность тезиса. В силу того, что в практике преподавания истории, в частности в школе, работа над эссе только получала своё развитие в на-

чала 2000-х гг., авторы привлекли для иллюстрации данного вида письменной работы эссе Эко Умберто (Эко Умберто. Пять эссе на темы этики / сост. авт., пер. с итал. Е. Костюковича. СПб., 2000). Авторы отмечают, что несмотря на наличие свободной композиции эссе, ему присуща внутренняя стройность, и сама манера письма является демонстрацией умения построить ответ на поставленный вопрос (решить проблему) по определённому плану.

Пособие «Как правильно писать реферат и эссе по истории» К.Г. Митрофанова и В.В. Шаповала написано хорошим литературным языком, доступным для понимания. Наличие примеров и заданий для обучающихся придаёт ему характер практико-ориентированного методического пособия. Однако следует отметить ряд замечаний.

1. При характеристике реферата не учитывается его исследовательская направленность, авторы указывают лишь на творческий характер данного вида письменной работы.

2. Авторы не уделяют должного внимания написанию введения реферата, в котором должны найти отражение цель и задачи исследования, обоснование его актуальности.

3. Подчеркивая важность точного цитирования источников, в то же время авторы не указывают на обязательное подтверждение цитат сносками на источник информации, правила их оформления.

4. Отсутствует образец оформления списка литературы.

5. В отличие от раздела о реферате раздел «Как написать эссе» менее разработан авторами и не содержит методических рекомендаций.

В заключение следует отметить, что несмотря на высказанные замечания, пособие не утрачивает своей практической значимости и может быть полезным не только старшеклассникам и студентам, но и учителям (преподавателям).

Сведения об авторах

Амчиславский Виктор Леонидович – аспирант кафедры русской истории, Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена; e-mail: vicam2001@mail.ru

Бессонова Татьяна Николаевна – доктор философских наук, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Высший военно-морской институт радиоэлектроники имени А.С. Попова; e-mail: itropov@ya.ru

Васильев Павел Андреевич – аспирант, Санкт-Петербургский институт истории РАН; e-mail: p.a.vasilyev@gmail.com

Веременко Валентина Александровна – доктор исторических наук, профессор кафедры истории, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина; e-mail: itropov@ya.ru

Голубев Александр Анатольевич – кандидат исторических наук, доцент, Петрозаводский филиал Петербургского государственного университета путей сообщения; e-mail: sks@onego.ru

Гусев Александр Викторович – кандидат исторических наук, доцент кафедры защиты в чрезвычайных ситуациях, Костромской государственный технологический университет; e-mail: gusev.aleksandr@list.ru

Ершов Николай Владимирович – кандидат исторических наук, доцент, заместитель начальника кафедры морально-психологического обеспечения войск, Военно-космическая академия имени А.Ф. Можайского; e-mail: ershov_n@mail.ru

Заколodная Вера Никифоровна – аспирантка кафедры истории, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина; e-mail: vera_zakolodnaya@mail.ru

Костина Елена Владимировна – аспирант кафедры истории, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина; e-mail: elena-kostina2007@yandex.ru

Мартюшев Иван Анатольевич – аспирант, Институт языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук, г. Сыктывкар; e-mail: slx00@rambler.ru

Николаенко Петр Дмитриевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории государства и права, Санкт-Петербургский университет МВД России, заслуженный работник Высшей школы РФ; e-mail: dr.nikolaenko@mail.ru

Пиджаков Александр Юрьевич – доктор юридических наук, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой международного права, Санкт-Петербургский государственный университет гражданской авиации, Заслуженный деятель науки РФ, Почетный работник высшего профессионального образования РФ; e-mail: pidzhakov@list.ru

Самойлова Ирина Васильевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры социально-культурного сервиса и туризма, Новгородский филиал Санкт-Петербургского государственного университета сервиса и экономики; e-mail: helgad@yandex.ru

Сачава Георгий Михайлович – соискатель кафедры истории государства и права, Нижегородский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации; e-mail: itropov@ya.ru

Семёнова Людмила Николаевна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина; e-mail: ln.semenova@mail.ru

Толмачева Екатерина Борисовна – соискатель МАЭ РАН; e-mail: timmto@gmail.com

Тропов Игорь Анатольевич – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории и политологии, Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения; e-mail: itropov@ya.ru

Хороших Владимир Алексеевич – кандидат исторических наук, Рыльский авиационный технический колледж гражданской авиации, Заслуженный работник транспорта РФ; e-mail: pidzhakov@list.ru

Шустов Сергей Григорьевич – кандидат исторических наук, профессор кафедры истории и культурологии, Прикамский социальный институт, г. Пермь; e-mail: lanaschust@mail.ru

Яковлева Ольга Александровна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина; e-mail: o.yakovleva.lgu9@mail.ru

Требования к научным статьям

К публикации в Вестнике Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина принимаются статьи, отражающие широкий спектр актуальных вопросов исторических наук.

Обязательным условием публикации результатов научных работ для кандидатских исследований является наличие отзыва научного руководителя, несущего ответственность за качество представленного научного материала и достоверность результатов исследования. Публикации результатов докторских исследований принимаются без рецензий.

Рецензирование всех присланных материалов осуществляется в установленном редакцией порядке. Редакция журнала оставляет за собой право отбора статей для публикации.

Требования к оформлению материалов

Материал должен быть представлен тремя файлами:

1. Статья

Объем статьи не менее 18 и не более 26 тыс. знаков с пробелами. Поля по 2,0 см; красная строка – 1,0 см. Шрифт Times New Roman Cyr, для основного текста размер шрифта – 14 кегль, межстрочный интервал – 1,5 пт.; для литературы и примечаний – 12 кегль, межстрочный интервал – 1,0 пт.

Примечания оформляются в виде постраничных сносок в автоматическом режиме Word.

Ссылки на литературу оформляются в тексте в квадратных скобках. Например: [5, с. 56–57]. Список литературы (по алфавиту) помещается после текста статьи.

Фамилия автора печатается в правом верхнем углу страницы над названием статьи.

В левом верхнем углу страницы над названием статьи печатается присвоенный статье УДК.

2. Автореферат

Автореферат содержит:

- название статьи и ФИО автора – на русском и английском языках.
- аннотацию статьи на русском и английском языках объемом 300–350 знаков с пробелами.
- ключевые слова и словосочетания (7–10 слов) на русском и английском языках.

3. Сведения об авторе

Содержат сведения об авторе: фамилия, имя, отчество полностью, место работы и занимаемая должность, ученая степень, звание, почтовый адрес, электронный адрес, контактный телефон.

В случае несоблюдения настоящих требований, редакционная коллегия вправе не рассматривать рукопись.

Статью, оформленную в соответствии с прилагаемыми требованиями, можно:

- выслать по почте в виде распечатанного текста с обязательным приложением электронного варианта по адресу: 196605 Санкт-Петербург, Петербургское шоссе, 10. Кафедра истории, каб. 207^а;
- отправить по электронной почте: E-mail: itropov@ya.ru

Статьи принимаются в течение года.

Редакция оставляет за собой право вносить редакционные (не меняющие смысла) изменения в авторский оригинал.

При передаче в журнал рукописи статьи для опубликования презюмируется передача автором права на размещение текста статьи на сайте журнала в системе Интернет.

Плата за опубликование рукописей аспирантов не взимается.

Гонорар за публикации не выплачивается.

Редакционная коллегия:

196605, Санкт-Петербург, г. Пушкин,
Петербургское шоссе, 10
тел. (812) 476-90-34

Для заметок

Научный журнал

**Вестник
Ленинградского государственного университета
имени А. С. Пушкина**

**№ 3
Том 4. История**

Выпускающий редактор *А. А. Титова*
Редактор *Т. Г. Захарова*
Технический редактор *Н. П. Никитина*

Подписано в печать 21.09.2011. Формат 60x84 1/16.
Бумага офсетная. Гарнитура Arial. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 11. Тираж 500 экз. Заказ № 711

Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина
196605, Санкт-Петербург, г. Пушкин, Петербургское шоссе, 10

РТП ЛГУ 197136, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., 25а